МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Н. Козлова

Неизвестные сведения о Дагестане в уникальной рукописи Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири» («Мироукрашающая история Надира»)

Махачкала
Издательство ДГУ
2011

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Н. Козлова

Неизвестные сведения о Дагестане
в уникальной рукописи Мухаммад-
Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири»
(«Мироукрашающая история Надира»)

от Козловой

Махачкала
Издательство ДГУ
2011

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Неизвестные сведения о Дагестане в уникальной рукописи Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири» («Мироукрашающая история Надира») (проект № 06-01-00093 а).

Козлова А.Н.

Неизвестные сведения о Дагестане в уникальной рукописи Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири» («Мироукрашающая история Надира»). – Махачкала: Издательство ДГУ, 2011. – 132 с.

Ответственный редактор
доктор филологических наук Мухамедова Ф.Х.

В книге представлен перевод с персидского языка на русский 19 глав из трехтомного сочинения персидского автора XVIII века Мухаммад-Казима, относящихся к истории Дагестана. Расшифрованы и прочитаны тексты, написанные трудночитаемым почерком наста`лик начала XVIII века. Труд Мухаммад-Казима является практически единственным письменным источником по истории Дагестана того времени и содержит богатый материал, позволяющий осветить ряд сторон жизни народов Дагестана первой половины XVIII века и их борьбу с Надир-шахом (1736–1747). Монография предваряется предисловием, где дана история изучения труда в целом, оценка его как источника по истории Дагестана, определение научной значимости содержащегося в нем исторического материала, биографические данные автора. К переводу даны подробные комментарии к непонятным словам, историческим и географическим названиям и терминам.

© Козлова А.Н., 2011
© Издательство ДГУ, 2011

Посвящаю светлой памяти моего наставника, выдающегося ученого-ираниста Николая Дмитриевича Миклухо-Маклая.

Предисловие

Изучение многогранных связей народов Кавказа со странами и народами Ближнего Востока и Средней Азии было и остается важнейшей задачей исторической науки. Российская историография располагает рядом серьезных исследований, посвященных длительным и эффективным контактам народов крупных регионов в военно-политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни.

Дальнейшее углубление исследования проблемы связано прежде всего с состоянием источниковой и источниковедческой базы, конкретнее – с количественной и качественной характеристикой источников, степенью их изучения, введения их в научный оборот.

Среди многочисленных источников по истории и культуре народов Кавказа, в частности Дагестана (арабские, тюркские, персидские, русские, на языках народов Дагестана), немаловажное место занимают материалы на персидском языке. Хронологически охватывая длительный этап истории (XII – нач. XX в.), эти источники наиболее многочисленны и информативны для истории Дагестана XVIII в.

Огромная роль персоязычных источников общеизвестна. Исторические сочинения на персидском языке создавались не только в Иране, но также и в Средней Азии (Кокандское и Хивинское ханства), в Кашгарии, Индии, Азербайджане, Руме (Малой Азии)[1].

Среди письменных источников на первое место по важности и своему количеству выступает документальный материал. В основном это датированные тексты с указанием исходящих и входящих данных. Помимо своей самостоятельной значимости, они служат прекрасным дополнением к историческим текстам, подтверждая их данные или же снабжая их дополнительной информацией. Однако сохранились документы далеко не всех эпох, да и сохранившиеся до сих пор доступны для изучения лишь в единичных случаях: основная их масса еще не систематизирована и не опубликована. Впрочем, следует признать, что даже опубликованные и доступные персоязычные документы еще не исследованы должным образом. Особенно это касается персоязычных документов, относящихся к Дагестану.

Другую группу письменных источников составляют исторические хроники (хроники по всемирной истории, истории отдельных го-

---

[1] О роли персидского языка в исторической науке см.: *Бартольд В.В.* Историческая литература на персидском языке // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука. 1974. Т. 7. – С. 274–311.

сударств и районов, истории правления отдельных лиц), географические и космографические сочинения, биографические труды, жития различных мусульманских святых – иными словами, большое количество различных сочинений, разнообразных по тематике, но содержащих материалы по истории, этнографии и культуре Кавказа.

До сих пор еще не была предпринята попытка систематического рассмотрения всех этих сочинений с точки зрения кавказоведения, в частности дагестановедения (в широком значении этого термина). Для этого требуется длительная и кропотливая работа, для облегчения которой следует начать с изучения какого-то определенного жанра, скажем, с персидских хроник. Однако количество таких хроник, посвященных специально Кавказу, сравнительно невелико. В своде Чарльза Стори[2] их зафиксировано всего несколько названий. Естественно, что такие сочинения должны быть изучены и при необходимости переведены на русский язык в первую очередь. Однако ими ни в коем случае нельзя ограничиваться, ибо различные персидские хроники, как династийные, так и посвященные истории отдельных областей и даже городов, содержат много сведений о Кавказе и, в частности, о Дагестане.

Работа эта отнюдь не исключает параллельного изучения уже выявленных источников и введения их в научный оборот в виде филологически обоснованных и комментированных переводов, снабженных исследованием, преследующим ограниченные цели: разъяснение и толкование данного памятника.

Появление персоязычных нарративных и документальных текстов было определено конкретной внешней и внутриполитической обстановкой на Кавказе. Как известно, на протяжении XVI–XVII и первой половины XVIII в. с большими или меньшими перерывами велись длительные кропотливые войны между Османской Турцией и Сефевидским Ираном. Эта вражда, внешне часто носившая религиозно-догматический характер, имела свои важные политические, стратегические и экономические причины, основной из которых было стремление Турции и Ирана овладеть Южным Азербайджаном, Закавказьем и Дагестаном, установить свое господство над торговыми путями, проходившими через Азербайджан, и главными центрами производства шелка.

Неоднократные передвижения многочисленных вооруженных полчищ наносили тяжелый удар экономике этих регионов, нарушали исторически сложившиеся связи отдельных областей. Положение населения этих стран, особенно тех областей, по которым проходили пути главных войск, было крайне тяжелым. Естественно, официальные историографы правителей, отдельные летописцы, участники походов, описывающие военные действия того или иного правителя в своих сочинениях, касались прежде всего военно-политической и лишь побочно социально-экономической жизни этих регионов. К сожалению, до сих пор неизвестно существование какого-либо специального труда по истории Дагестана XVIII в., посвященного военно-политическим событиям этого периода. Следует отметить, что в фольклоре Дагестана сохранилось много преданий и эпических песен, посвященных отражению нашествия Надир-шаха и его полчищ[3].

Важность изучения персоязычных источников по истории Дагестана первой половины XVIII в. определяется прежде всего тем, что именно на эти годы приходится активная борьба Османской Турции и Сефевидского Ирана за Закавказье.

Как известно, экономическое развитие и хозяйственный подъем Сефевидской державы с середины XVII в. приостановились. Стали заметны первые признаки хозяйственного и политического упадка Ирана, что привело в конце XVII в. и начале XVIII в. к кризису феодального общества, крестьянским восстаниям и освободительным движениям грузин, армян, дагестанцев, азербайджанцев, курдов, афганцев против центральной власти, а также противоречиям внутри класса феодалов между отдельными его группами, боровшимися за власть и перераспределение земель. В 30-е годы XVIII в. фактически вся власть Сефевидской державы перешла в руки Надира Афшара, который весной 1737 г. провозгласил себя шахом.

XVIII век для персидской историографии был неблагоприятным этапом. Упадок культуры сказался и на историографии. За немногими исключениями содержание повествовательных исторических сочинений подчиняется литературной форме «высокого стиля», и живое изложение конкретных событий заменяется трафаретными панегириками. За цветистым описанием природы, подвигов шахов и восхвалением их часто теряется основная нить повествований.

В настоящее время историографами уже проделана значительная работа по изучению и интерпретации персидских источников по истории и культуре народов нашей страны. Наиболее интересные и доступные исторические источники первой половины XVIII в., которые содержат сведения о последних Сефевидах и Надир-шахе, обстоятельно и критично изучались советскими и российскими учеными. Эти труды оказывают значительную общеметодическую помощь в разработке вопросов истории народов Дагестана.

---

[2] *Стори Ч.А.* Персидская литература: Биобиблиографический обзор: В 3 т. / Пер. с анг., перераб. и доп. Ю.Э. Брегель. – М., 1972. Т. 2. № 1157–1168. – С. 1274.

[3] *Далгат У.Б.* Фольклор и литература народов Дагестана. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – С. 117–127.

По периоду Надир-шаха сохранилось несколько историографических сочинений[4].

Одним из ценных источников по истории Ирана в 20–30-е гг. XVIII в., время междоусобиц и войн, является труд Шейх Мухаммад-Али Хазина «Жизнь Шейх Мухаммад-Али Хазина, написанная им самим».

Персидский текст этого труда издан Бельфором в 1831 г. с переводом на английский язык[5]. Хазин дает интереснейшие сведения о борьбе крестьян и городской бедноты различных провинций Ирана. Он подробно описывает борьбу Азербайджана против турецких завоевателей[6], дает сведения о состоянии Талышского ханства[7]. Свой труд он завершает описанием Муганского курултая и провозглашения Надира шахом Ирана (1737). Шейх Хазин держится сефевидской ориентации и игнорирует роль Надира во всех событиях. Его труд важен тем, что дает яркое представление о событиях в Азербайджане, непосредственном соседе Дагестана.

Особый интерес представляют сочинения историографов Надир-шаха, в первую очередь Мирза Мухаммад-Мехди-хана Астрабади. Его полное имя Мухаммад Мехди бин Мухаммад Насир Астрабади. Возможно, он происходил из Сефевидов, однако это ему не помешало служить Надир-шаху в качестве личного секретаря и сопровождать шаха во многих походах. В дальнейшем Мирза Мехди-хан стал придворным историографом (маджлис невис). Титул хана Мирза Мехди получил от Надира в 1738 г. Он был крупным филологом своего времени, автором узбекско-персидского словаря «Санглах». Будучи личным секретарем шаха, вел официальную переписку с турецким султаном и русским двором. Он составлял указы и грамоты на имя правителей Кавказа, ему принадлежит сборник официальных документов (Инша). Основной и наиболее интересный его труд – «Тарих-и Надири» («История Надира») по истории царствования Надир-шаха (1737–1747). Этот труд широко известен на Востоке и выдержал много изданий и переводов на европейские языки[8]. По изяществу языка и стиля Мехди-хан не имеет себе равных в иранской историографии XVI–XVIII вв. Его труд, скорее, можно воспринять как литературное произведение, нежели историческое, хотя в нем имеется много сведений, дающих возможность для изучения военно-политической обстановки этого периода. Сведений о народных движениях в этом труде почти нет.

[4] См.: *Стори Ч.А.* Указ. соч. – С. 905–990.

[5] [Sheikh Hazin]. The life of Sheikh Mohammad Ali Hazin, written by himself. Ed. by Belfaur. Persian text with an English translation. – London, 1830–1831.

[6] Там же. – С. 153–154.

[7] Там же. – С. 157.

[8] *Стори Ч.А.* Указ. соч. № 775. – С. 905–914: *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛОИВ АН СССР: В 2 ч. – М.: Наука. 1975. Ч. 1. № 38. – С. 42.

Однако надо иметь в виду, что Мехди-хан Астарабади был придворным историографом. В своем труде он возвеличивает Надир-шаха, награждает его многими эпитетами, превозносит его военные успехи и победы и избегает описания его неудач и поражений. Походы Надира в Среднюю Азию и Дагестан автор характеризует как освобождение захваченных земель Сефевидского государства чужеземцами. О походе Ибрагим-хана (брата Надир-шаха) на Дагестан дает лишь краткие сведения[9].

Наиболее ценные сведения содержатся в трехтомном сочинении Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири» («Мироукрашающая история Надира»). В настоящее время работами ряда востоковедов (В.В. Бартольд, Л. Локкарт, П.П. Иванов, Н.Д. Миклухо-Маклай, И.П. Петрушевский, М.Р. Арунова и К.З. Ашрафян, Ф.М. Алиев и др.) со всей очевидностью установлено, что это трехтомное сочинение Мухаммад-Казима является ценным источником по изучению многих стран и районов Среднего Востока первой половины XVIII в. (Иран, Ирак, Закавказье, Средняя Азия, Афганистан, Индия). Однако значение этого труда как источника по истории Дагестана почти еще не выяснено. Все, что мы знаем об этом, пока сводится к сравнительно немногим сведениям о Дагестане, заимствованным из труда Мухаммад-Казима, которые приводятся в работах общего характера (монография Л. Локкарта[10] и известные «Очерки» И.П. Петрушевского об Азербайджане и Армении[11].

Актуальность предоставления в научный оборот перевода сочинения Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири» заключается в том, что этот труд как источник по истории Дагестана совершенно не изучен. Между тем он содержит богатый и разнообразный материал, позволяющий осветить ряд сторон жизни Дагестана первой половины XVIII в.

Целью настоящей работы является перевод тех частей сочинения Мухаммад-Казима, которые относятся к Дагестану, комментирование непонятных слов, исторических и географических названий и терминов. В предисловии дана история изучения труда Мухаммад-Казима в целом, оценка его как источника по истории Дагестана, определение

[9] *Мухаммад Мехди бин Мухаммад Насир Астрабади.* Тарих-е Джихангуша-йи Надири. – Бомбей. 1309.

[10] *Lockhart L.* Nadir Shah: Critical study. based mainly upon contemporary sources. – London. 1938.

[11] *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений Азербайджана и Армении в XVI – начале XIX в. – Л., 1949.

научной значимости содержащегося в нем исторического материала, приведены биографические данные автора труда.

История изучения источника

Впервые два тома сочинения Мухаммад-Казима были обнаружены в Азиатском музее (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) и стали известны в научном мире только в 1919 году, когда была опубликована статья акад. В.В. Бартольда, содержащая описание рукописей второго и третьего томов. Он писал: «Заглавие в тексте не приводится, в безграмотной записке владельца на белом листе впереди второго тома сочинения названа Китабе-Надири, в записи на белом листе впереди третьего тома – Надир-наме[12].

В.В. Бартольд сообщает, что в известных ему каталогах и библиографических обзорах «этот труд не упоминается»[13]. Подробно останавливаясь на описании второго тома, В.В. Бартольд сожалеет, что В.А. Жуковский при написании своей монографии о Мерве не знал о существовании этой рукописи, по богатству фактических сведений далеко оставляющей за собой не только все, что известно об истории Мерва в XVIII веке, но и все вообще источники по истории царствования Надир-шаха, в том числе и труд официального историка Надир-шаха Мехди-хана Астрабади.

Период правления Надир-шаха, одного из видных и в то же время одного из деспотичнейших завоевателей своего времени был объектом изучения ряда иранских, советских, российских и западноевропейских ученых[14]. В частности, английский иранист Л. Локхарт, используя второй и третий тома труда Мухаммад-Казима с привлечением ряда персидских, армянских, грузинских, индийских и русских источников, подробно изложил военно-политическую историю государства, созданного Надир-шахом в 30–40-х годах XVIII века. В его монографии содержится разнообразный и ценный фактический материал, тщательно обработанный и систематизированный. Труд этот представляет для нас определенный интерес своей общей характеристикой военно-политической истории государства Надир-шаха, хотя его походам на Дагестан в этой монографии не уделяется сколько-нибудь серьезного внимания.

Следующим крупным шагом в изучении второго и третьего томов труда Мухаммад-Казима явилось издание Институтом востоковедения

[12] *Бартольд В.В.* О некоторых восточных рукописях // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1973. Т. 8. – С. 345.
[13] Там же. – С. 346.
[14] См.: *Стори Ч.А.* Персидская литература: Biобиблиографический обзор. – М., 1972. Т. 3. – С. 205–230.

РАН в 1938 году сборника «Материалы по истории туркмен и Туркмении»[15]. В нем был дан перевод тех разделов персидского источника, которые касались истории туркмен и Туркмении.

И.П. Петрушевский в своей работе по социально-экономической истории Азербайджана и Армении довольно широко использовал те части сочинения Мухаммада-Казима, которые относились к социально-экономической истории этих стран[16]. Эти работы привлекаются нами при изучении материалов, имеющих отношение к Дагестану.

В 1940 году Н.Д. Миклухо-Маклай обнаружил в библиотеке Московского Института востоковедения первый том сочинения Мухаммад-Казима. В настоящее время рукописи всех трех томов объединены воедино и хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН под шифром Д-430.

В 1960–1966 годах в главной редакции восточной литературы издательства «Наука» вышли 3 тома факсимильного издания сочинения Мухаммеда-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири»[17].

Н.Д. Миклухо-Маклай посвятил первому тому несколько статей. Описывая первый том сочинения, он выявляет его название и год написания[18]. В другой статье он дал полное описание рукописи первого тома сочинения[19]. В диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук и статье, опубликованной в «Известиях Туркменского филиала АН СССР», Н.Д. Миклухо-Маклай подробно остановился на успешном завоевательном походе афганцев Кандагарской области на Иран в 1722 году[20]. Во введении к первому тому он приводит биографические данные, почерпнутые «из самого сочинения Мухаммад-Казима, т. к. ни в одном современном нашему автору источ-

[15] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2: XVI–XIX вв. Иранские и бухарские источники / Под ред. акад. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова / Труды Института востоковедения. Т. VIII. Источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1938.
[16] *Петрушевский И.П.* Указ. соч.
[17] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга): В 3 т. Издание текста, предисловие и общая редакция Н.Д. Миклухо-Маклая; Указатели и аннотированное оглавление О.П. Щегловой. – М.: Изд-во вост. лит., 1960–1966.
[18] *Миклухо-Маклай Н.Д.* О первом томе труда Мухаммада Казима // Советское востоковедение. 1948. Т. 5. – С. 130.
[19] *Миклухо-Маклай Н. Д.* Рукопись «Аламара-йи Надири» // Уч. зап. Института востоковедения. – М.; Л., 1953. Т. 6. – С. 176–199.
[20] *Миклухо-Маклай Н.Д.* Труд Мухаммад-Казима и его значение для истории туркмен // Известия Туркменского филиала АН СССР. – Ашхабад, 1945. № 5–6. – С. 32–35.

нике, равно как и в более поздних, пока не удалось обнаружить каких-либо сведений или даже упоминаний о нем»[21].

П.И. Петров снабдил предисловием перевод из труда Мухаммад-Казима «Поход Надир-шаха в Индию»[22], где он приводит краткую биографию Надир-шаха и биографию Мухаммад-Казима. В другой статье им даются поправки и дополнения к биографии Мухаммад-Казима[23].

Мы относительно детально остановились на работах Н.Д. Миклухо-Маклая и П.И. Петрова в связи с тем, что между ними возникла научная полемика по вопросу занимаемой Мухаммад-Казимом должности и его служебной карьеры. В данном предисловии мы хотим на основе накопленных сведений о жизненном пути Мухаммад-Казима в работах В.В. Бартольда, И.П. Петрушевского, Н.Д. Миклухо-Маклая и П.И. Петрова высказать свое мнение также и по этому вопросу.

Биографические данные Мухаммад-Казима

Мухаммад-Казим родился в 1133/1720–1721 г. Эта дата устанавливается на основе ремарки во 2-м томе самого автора, где он отмечал, что в 1149/1737 г. ему исполнилось 16 лет[24]. Имя своего отца он нигде не упоминает, но пишет, что отец считал себя потомком племени каджар, которые жили в окрестностях Тебриза и которых шах Аббас I переселил в город Мерв[25], и они на протяжении века проживали в Мерве. Автор пишет: «Отец пишущего эти строки был из Мерва и по древнему обычаю служил среди афшарских воинов»[26]. Автор дает отрывочные сведения о различных занимаемых должностях своего отца у Надира и его брата Ибрахим-хана. Возможно, в 1145 г. х. во время похода Ибрахим-хана для освобождения Мерва или во время реставрирования им Мервской плотины в 1147 г. х. он перешел на службу к нему. Отец Мухаммад-Казима в 1147 г. х. со свитой Ибрахим-хана был на коронации Надир-шаха в Муганской степи, и красочное описание этого события им, вероятно, было дано со слов его отца. В 1149 г. х. // 1736–1737 г., по всей вероятности, осенью или в

[21] *Миклухо-Маклай Н.Д.* Предисловие // *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга). – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – С. 6.
[22] *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Тарих-и Аламара-йи Надири) / Пер., предисл. и примеч. П.И. Петрова. – М.: Изд-во вост. лит., 1961.
[23] *Петров П.И.* Поправки и дополнения к биографии Мухаммад-Казима // Советское востоковедение. 1958. № 5. – С. 109–114.
[24] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга): В 3 т. – М.: Изд-во вост. лит., 1965. Т. 2. Л. 279 а.
[25] Там же. Т. 1. Л. 4.
[26] Там же. Т. 2. Л. 171 б.

начале зимы в Мешхед приехал отец, который должен был похоронить жену Ибрахим-хана в священной земле Мешхеда и на обратном пути захватить своего сына и определить его на службу к Ибрахим-хану[27]. Далее автор сообщает, что по приказу Ибрахим-хана его отец должен был переселить племя муккадам из города Мараге (находится южнее города Тебриза в Азербайджане) в Хорасанскую область поближе к крепости Келат, однако отец Мухаммад-Казима, не исполнив поручения, скончался от чумы. Мухаммад-Казим, вспоминая свое детство, рассказывает о страшном погроме в городе Мерве и добавляет, что во время этого погрома, произведенного местными кочевыми племенами тюркского племени татар, их дом был ограблен, а мать и он сам, тогда пятилетний ребенок, оказались в большой опасности и уцелели лишь потому, что среди нападающих были родственники его матери, которые заплатили большие деньги (*рушва*). Это единственное упоминание о матери автора. Становится ясным, что мать его была из тюркского племени татар[28]. Вероятно, по этой причине текст рукописи написан на хорасанском диалекте с небольшими вставками на азербайджанском языке.

После Мерва Мухаммад-Казим жил в Мешхеде и учился в медресе у сейида Мир-Шамс ад-Дина Мазандарани[29]. Он жил в Мешхеде до 1149 г. х. / 1736 г., и все это время он учился, но хорошего образования так и не получил, о чем сожалел уже в 30-летнем возрасте[30].

В начале 1736 г. Ибрахим-хан (брат Надир-шаха) выехал из Мешхеда и направился в Муганскую степь, где должно было состояться избрание Надира на царство. В его свите находился и отец Мухаммад-Казима[31]. В апреле 1736 г. Ибрахим-хан, назначенный правителем Азербайджана[32], обосновался в Тебризе. В начале 1737 г. умерла жена Ибрахим-хана, он поручил отцу Мухаммад-Казима отвезти ее тело для похорон в Мешхед и при возвращении захватить с собой сына для определения на службу[33]. Мухаммад-Казим, которому в это время было 16 лет, по собственному признанию, был беззаботным юношей. Отец его пробыл в Мешхеде 8 дней, после чего отправился с сыном в Азербайджан.

Через сорок два дня они прибыли в Тебриз, где Мухаммад-Казим был представлен Ибрахим-хану. Тот милостиво отнесся к нему и хо-

[27] Там же. Л. 155 а.
[28] В персидских источниках жители Азербайджана до середины XIX века называли татарами. Возможно, его мать была азербайджанкой.
[29] Там же. Т. 1. Л. 195 б.
[30] Там же. Л. 2 б.
[31] Там же. Т. 2. Л. 155 б.
[32] Там же. Л. 12 а.
[33] Там же. Л. 155а – 155 б.

тел назначить его на службу в канцелярию, но, как сообщает сам автор, он по невежеству пожелал быть йасаулом[34], и Ибрахим-хан удовлетворил его просьбу[35].

Состоя на службе у Ибрахим-хана, Мухаммад-Казим сопровождал патрона в поездках по стране. Зимой 1737 г. Ибрахим-хан поручил Мухаммад-Казиму переселить курдское племя халилванд, входившее в более крупное племенное объединение мукаддам[36] из Мераги в Хорасан, в районы Келата и Мешхеда[37]. На исполнение этого поручения ему понадобилось шесть месяцев[38]. Когда же Мухаммад-Казим вернулся в Тебриз к Ибрахим-хану, прибыли курьеры от Али-Кули-хана (сына Ибрахим-хана) с сообщениями о военных успехах Реза-Кули-мирзы[39] в Мавераннахре. По словам Мухаммад-Казима, это вызвало зависть Ибрахим-хана: если Реза-Кули-мирза в таком молодом возрасте покорил Мавераннахр, то он должен завоевать Дагестан. И он стал готовиться к походу. В Тебризе к нему присоединились отряды, пришедшие по его приказу из Урумии, Мераги, Сауджбулака и других мест. После прибытия в Карабаг к нему присоединились войска из Еревана, Грузии, Ширвана, Гянджи и Карабага. После чего он вышел из Карабага и направился к Араксу и Куре[40].

В этом походе Мухаммад-Казим состоял в свите Ибрахим-хана и вместе с его армией дошел до сел. Ках[41], где Ибрахим-хан предполагал построить крепость. Далее этого селения Мухаммад-Казим в походе не участвовал, так как к Ибрахим-хану прибыли из Кабула два курьера с приказом Надира отправить в Мерв находящихся в его войске жителей Мерва. Мухаммад-Казим попросил Ибрахим-хана не отправлять его в Мерв, мотивируя тем, что его отец прежде служил в числе племени афшаров[42]. Тот согласился, но на другой день Мухаммад-Казим под впечатлением зловещего сна, в котором он предусмотрел предсказание скорой гибели Ибрахим-хана, стал просить отправить его вместе с остальными шестьюдесятью мервцами, и Ибрахим-хан уважил его просьбу. В Тебризе Мухаммад-Казим взял останки

[34] Всадник, сопровождающий высокопоставленное лицо; участник конного эскорта.
[35] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 155 а.
[36] Как отмечал О.Л. Вильчевский, в Мукринском Курдистане обитают остатки тюркских кочевых племен – афшары, мукаддамы и др. (*Вильчевский О.Л.* Этнографический очерк // Переднеазиатский этнографический сборник. – М., 1958. – С. 181).
[37] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 1. Л. 237 а – 238 б.
[38] Там же. Т. 2. Л. 168 б.
[39] Старший сын Надир-шаха, которому в это время исполнилось 19 лет.
[40] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 169 а.
[41] Ках находится в 40 км северо-западнее Нухи.
[42] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 171 б.

своего отца и похоронил его в Мешхеде[43]. Из этого факта Локхарт сделал вывод, что Мухаммад-Казим был шиитом[44].

Из Мешхеда Мухаммад-Казим направился в Мерв[45]. К сожалению, наш автор ничего не сообщает о том, чем он занимался в Мерве.

Следующие сведения автобиографического характера Мухаммад-Казим датирует уже 24 шабана 1153 г.х. / 14 ноября 1740 г., описывая решающее сражение армии Надира с хивинскими войсками, засевшими в крепости Ханагах, расположенной между Хазараспом и Хивой. В день битвы Мухаммад-Казим находился в канцелярии в силу сложившихся обстоятельств, не смея выйти из нее в течение суток[46]. После этого похода Мухаммад-Казим остался в Мерве.

Вскоре в Мешхед поступило донесение балхского вали о своеволии Даниял-бека кунграта. Надир, находившийся в то время в Мешхеде, приказал отрядам из нескольких областей общей численностью в семь тысяч пятьсот человек выступить в Балх. Одним из таких отрядов, который вышел из Мерва, командовал Исмаил-хан Сабзевари. В этом отряде, насчитывавшем всего полторы тысяч человек, лашкарнависом был Мухаммад-Казим[47]. Весь сводный отряд прибыл в Балх в марте 1741 г. и вместе с отрядом из Андхуда (Современный Андхой в Афганистане) переправился у Калифа через Аму-Дарью. После усмирения и расправы с племенем кунграт все отряды в апреле того же года разошлись по своим местам[48].

Далее Мухаммад-Казим сообщает о бедах, постигших его, о болезни, которая приковала его к постели на целый год[49]. Здесь же Мухаммад-Казим узнает о кончине своих двух детей.

По возвращении Мухаммад-Казим принял участие в карательном походе шахских войск против восставших туркмен йомутов в качестве везира артиллерийского полка, муло-верблюжьего транспорта и оружейного склада Мерва[50]. 12 зул-када 1158 / 6 декабря 1745 г. Мухаммад-Казим со всеми вернулся в Мервскую область.

[43] Там же. Л. 172 б.
[44] В Мешхеде похоронен восьмой шиитский имам Али-Реза Садык.
[45] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 278 а.
[46] Там же. Л. 279 а.
[47] Там же. Л. 287 а.
[48] Там же. Л. 288 б.
[49] Там же. Л. 289 а – 289 б.
[50] Там же. Т. 3. Л. 83 б. Приводя эти строки во введении к 1-му тому факсимильного издания, Н.Д. Миклухо-Маклай дает перевод термина везир как управляющего. Здесь это нечто вроде старшего бухгалтера, среднего ранга чиновника, финансового контролера.

Далее ему пришлось поехать в Хоуз-хан (местность, расположенную к западу от Мерва) за жалованием, причитающимся войскам за совершенный поход. Получив эти деньги, он вернулся в Мерв[51].

В 1746 г. Надир-шах остановился в селении Хасан-абад (западнее Мешхеда) и приказал правителям городов Хорасанской области вместе с подчиненными явиться к нему. В это время Мухаммад-Казим был письмоводителем-учетчиком (нависанде) и распорядителем (сахиб-кар) работ по артиллерии, арсеналу. Взяв старые и новые счета, он вместе с начальником артиллерии (тупчибаши), начальником арсенала (джабадар) и чиновниками прибыл к Надиру[52]. Из этой фразы можно понять, что должность Мухаммад-Казима была ниже вышеуказанных. Как пишет автор, его отчетность на этот раз была на 500 туманов. Надир одобрил его отчетность.

В 1746 г. правитель Бухары Аштарханид Абул Фаиз-хан попросил Надира оказать ему помощь в борьбе с восставшими против него Ибадуллахом-Хатаи и другими местными владетелями. Надир приказал бывшему мервскому биглярбеку Шах-Кули-хану выступить со сводным отрядом в Бухару. Прибыв на место, Шах-Кули-хан написал донесение о положении дел в Бухаре, и Надир выслал в помощь ему дополнительные войска. В частности, он приказал мервской артиллерии, имевшей на вооружении 62 пушки и 6 тысяч ядер, вместе с пороховым арсеналом выступить в Бухару[53]. Вместе с артиллерией отправился и Мухаммад-Казим. После назначения Бахбуд-хана главнокомандующим начались военные действия, успешно закончившиеся весной 1747 г. Когда войско стало в Шахрисабзе, к Шах-Кули-хану прибыли два курьера с приказом Надира явиться к нему с финансовой отчетностью вместе с Бахбуд-ханом. Мухаммад-Казим составлял указанную отчетность[54].

По пути к Надиру Шах-Кули-хан узнал о беспорядках в разных местах страны, вызванных зверствами Надира, пытался сам поднять восстание, но его выступление закончилось неудачей. Он пытался скрыться, ударился в бега, но был пойман, ослеплен и отправлен к Надиру. Бахбуд-хан пошел из Шахрисабза в Самарканд. Узнав о беспорядках, которые произошли в разных концах страны из-за ужесточения налоговой политики и зверств Надира, Бахбуд-хан разослал из Самарканда семьдесят указов разным правителям и главам племен Туркестана, чтобы читали хутбу и чеканили монету на имя Надира, а также поставили в шахское войско 40 тысяч человек. Здесь Мухаммад-Казим сообщает: «В тот день было направлено около 70 указов

[51] Там же. Л. 82 б – 83 а.
[52] Там же. Л. 166 б.
[53] Там же. Л. 181 б.
[54] Там же. Л. 186 а.

правителям и султанам Туркестана, тугра почти тридцати из них была написана им лично»[55]. Из этих слов В.В. Бартольд сделал вывод, что Мухаммад-Казим принимал участие и в дипломатической переписке[56]. Однако это не соответствует действительности, так как он просто выполнял указание.

Когда Бахбуд-хан узнал от курьеров о мятеже Шах-Кули-хана, у него появилось недоверие к мервцам, находившимся в его войске, в том числе и к Мухаммад-Казиму[57]. Хан приказал поместить мервцев в середине лагеря и назначил людей сторожить их. В мае 1747 г. Аталык Рахим-бай прибыл из ставки Надира с его приказом перебазироваться в Бухару. По подложному приказу Надира Рахим-бий убил Абу-л-Файз-хана. После этого начались атаки узбекских войск на кызылбашский лагерь. Вскоре Рахим-бей переправил Бахбуд-хану письмо Насраллах-мирзы[58] из Келата, в котором тот сообщал об убийстве Надира (это произошло 11 джумада 1160 г. х. / 19 июня 1747 г.) и приказом, оставив артиллерию в Бухаре, немедленно идти в Келат. Бахбуд-хан сначала не поверил письму, но в августе того же года вышел из лагеря, взяв с собой артиллерию, и двинулся в сторону Ирана. В Маручаке он сдал артиллерию, арсенал и верблюжий транспорт под расписку местному правителю Айдин-хану Зурабади, там же мервские газии были отпущены домой. Когда Мухаммад-Казим и артиллерийские начальники вернулись в Мерв, из-за начавшегося беспорядка жалованье не было выплачено, финансовые ведомости отчета по туркестанскому походу были уничтожена и брошены в арык[59]. Страна вступила в период смуты и феодальных междоусобиц. О дальнейшей жизни Мухаммад-Казима нам почти ничего не известно.

Тщательный анализ биографических данных Мухаммад-Казима позволяет нам согласиться с выводами П.И. Петрова, который писал, что «все должности, которые он (Мухаммад Казим. – *А. К.*) занимал в течение этих одиннадцати лет, если не считать должности йасаула в Табризе и чиновника канцелярии мервского биглярбека, были исключительно по письменной части в мервских войсках: то он был лашкарневисом небольшого мервского отряда, то везиром, т. е. контролером хозяйственной части мервской артиллерии и муловерблюжьего

[55] Там же. Л. 183 а.
[56] *Бартольд В.В.* О некоторых восточных рукописях // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1973. Т. 8. – С. 345.
[57] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 3. Л. 195 а.
[58] Второй сын Надир-шаха.
[59] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 3. Л. 207 б.

транспорта в отряде Али-Кули-хана, то нависанде, т. е. контролером-письмоводителем артиллерийской группы в Туркестанском походе»[60].

Впервые неточное и нечеткое толкование термина везир как гражданского правителя дал И.П. Петрушевский[61]. В «Дастур-ал Мулук» Мирзы Рафи-а, изданном М.Т. Данеш-Пежухом, дается четкое определение должности «везир» и того, какие обязанности должны были исполнять различные везири[62]. В.В. Бартольд, Н.Д. Миклухо-Маклай не давали толкования термина везир, но везде называли Мухаммад-Казима везиром Мерва.

Правда, в начале 3-го тома автор пишет: «Многогрешный бедняк Мухаммад-Казим, везир столичного города Мерв Шахиджана...»[63].

Надо учесть, что столицей Ирана в царствование Надир-шаха был Мешхед, а Мерв был областным центром. Если Мухаммад-Казим и стал везиром, т. е. главой финансовой части города Мерва в смутное после 1747 года время, то очень ненадолго.

Значение «Наме-йи Аламара-йи Надири» для изучения истории Дагестана

Как уже было отмечено выше, анализируемый источник был использован советскими историками и зарубежными востоковедами для написания исследований о Надир-шахе и о его внешней и внутренней политической деятельности, но ни один из них не обращался к этому труду как к источнику по истории Дагестана[64].

Сведения об авторе дают нам возможность оценить его сочинение. Весь источник Мухаммад-Казима можно поделить на две категории: сообщения как очевидца и сведения, полученные от других лиц. Сообщения его о том периоде, когда он в качестве йасаула совсем в молодом возрасте состоял на службе у Ибрахим-хана в Азербайджане,

[60] *Петров П.И.* Предисловие // *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – С. 19.
[61] *Петрушевский И.П.* Указ. соч.
[62] *Мирза Рафи-а.* Дастур ал-Мулук. – Тегеран, б. г. – С. 85–88. – На перс. яз.
[63] *Мухаммад-Казим.* Указ. соч. Т. 3. Л. 3 б.
[64] См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении...: *Петрушевский И.П.* Указ. соч.; *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. – М., 1952; *Миклухо-Маклай Н.Д.* Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.) // Уч. зап. Ленинградского государственного университета. № 179. Сер. востоковед. наук. – Л., 1954. Вып. 3. – С. 138–158; *Карпев А., Машков В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю.* Очерки истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. – Ашхабад, 1954; *Арункова М.Р., Ашрафян К.З.* Государство Надир-шаха Афшара. – М., 1958; *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию; *Рамзанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. – М., 1965.

а также о походе Ибрахим-хана на Дагестан были написаны частично по воспоминаниям, а после его возвращения с мервскими воинами на родину – по воспоминаниям других лиц и уже значительно позднее[65]. Последние не все одинаково ценны и достоверны, хотя Мухаммад-Казим не высказывает свое отношение к ним. В лучшем случае он пишет только, что ответственность лежит на рассказчике.

Надо заметить, что походы Надир-шаха на Дагестан описаны автором очень подробно. И во многом данные Мухаммад-Казима являются либо единственным источником, либо дополняют сведения других современников и таким образом значительно расширяют наши знания о неоднократных походах Надира на Дагестан. Примером может служить поход Ибрахим-хана, брата Надир-шаха и его наместника в Азербайджане, на Дагестан[66], который так подробно освещен только у Мухаммад-Казима.

Мухаммад-Казим состоял при дворе брата Надир-шаха, наместника Азербайджана, после его смерти перешел на службу непосредственно к Надир-шаху, поэтому труд свой он создал в типичном панегирическом духе. Величая его «сахиб-кираном» («обладатель счастливого сочетания двух светил»), т. е. великим завоевателем (эпитет, который в свое время носил Тимур), Мухаммад-Казим дает много и других эпитетов шаху Надиру[67].

Характерно, что Мухаммад-Казим, очень подробно и детально описывая ход военных действий Надир-шаха и данных им сражений, в ряде случаев сознательно умалчивает о некоторых поражениях своего патрона и его военачальников. Все же, несмотря на эти случаи, Мухаммад-Казим подробнее, чем другие авторы, информирует читателя о неудачах, например, о гибели брата Надир-шаха в Дагестане и о победе табасаранцев над войсками Надир-шаха на начальном этапе этого похода[68]. Если Надир-шаха автор наделяет различными хвалебными эпитетами, то для обрисовки его противников он не скупится на черную краску. Отдельным крупным феодалам и предводителям военно-кочевой знати, которые не желали поступиться своей независимостью, нашим автором обычно отводится неблаговидная роль мятежников, бунтовщиков и бандитов, а их действия трактуются как бунт и мятеж. Именно таким образом автор рисует борьбу с Надир-

[65] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 172 б.
[66] Там же. Л. 173 а – 178 б; См.: *Козлова А.Н.* Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. – М.: Наука, 1976. – С. 125–134.
[67] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 293–315 б.
[68] См.: *Козлова А.Н.* «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. – Махачкала, 1986. – С. 71–82.

шахом ряда дагестанских, курдских, лурских и других племен за сохранение своей независимости. Он награждает недостойными и очернительными эпитетами те народы, которые осмелились противостоять Надиру. Не скупится он в этих выражениях и относительно народов Дагестана. В большинстве случаев он называет народы Дагестана лезгинами, не различая отдельные народности, населяющие Дагестан. Из многочисленных примеров приведем один. Сурхай-хан и его сын Муртазаали были, как известно, лакцами, а Мухаммад-Казим называл их лезгинами. Все эти моменты следует учитывать и при использовании труда Мухаммад-Казима и подходить к нему критически.

Указанные особенности свойственны практически всем сочинениям, отражавшим интересы класса феодалов на Востоке.

Оценивая труд Мухаммад-Казима, Н.Д. Миклухо-Маклай писал, что он «является важнейшим историческим источником, заключая в себе богатейший фактический материал. Он дает возможность с достаточной полнотой выявить классовое лицо Надира как представителя интересов военно-феодальной знати кочевых племен Хорасана, являвшихся основной социальной опорой его власти»[69].

В источнике мы встречаем много ценнейших данных о социально-экономической истории Ирана, Азербайджана, Дагестана, Средней Азии и Афганистана первой половины XVIII в. На основании сообщений Мухаммад-Казима можно судить о налоговой и финансовой политике Надир-шаха, о сборе денег и фуража для завоевательных походов, например, о сборе денег Ибрахим-ханом для похода на Дагестан[70].

В первых двух томах Мухаммад-Казим все же пишет о репрессиях, которыми сопровождался сбор налогов, а порою даже неодобрительно отзывается об акциях шаха, когда из-за непосильных налогов и поборов разорялись оседлые крестьяне и кочевое население. В 3-м томе автор открыто пишет о том, что все насилия и зверства исходили по той причине, что разум у Надира помутился[71].

Ни один автор, описывающий события первой половины XVIII в., не останавливается так часто на народных движениях и не сообщает таких подробностей, как Мухаммад-Казим. Он приводит много ценных данных о народно-освободительных движениях и восстаниях в различных точках государства Надир-шаха. Очень интересные сведения наш автор дает о военных действиях Надира в Дагестане. Некоторые сведения, приводимые в труде Мухаммад-Казима, подтверждаются указами Надир-шаха, хотя Мухаммад-Казим не имел доступа к этим указам.

---

[69] *Миклухо-Маклай Н.Д.* Рукопись Аламара-йи Надири... – С. 186.
[70] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 166 б.
[71] Там же. Т. 3. Л. 165 б.

Походам Надир-шаха и его брата Ибрахим-хана на Дагестан Мухаммад-Казим посвятил 19 глав. Материал о Дагестане в таком значительном объеме мы впервые находим среди персидских источников XVIII в. Этот материал дает возможность расширить наши знания и обогатить многими фактами этого периода истории Дагестана.

Труд Мухаммад-Казима охватывает период от рождения до гибели Надир-шаха в 1747 г. Описывая важные события из жизни Надира, автор отмечает бунты и народные волнения, охватившие Иран в последние годы царствования Сефевидов.

Нельзя сказать, что стиль Мухаммад-Казима чем-то отличается от стиля его современников. Текст сочинения перенасыщен риторическими отступлениями, рассуждениями автора, его собственными стихами. Все это было характерно-типичным и этикетно обязательным для персоязычных трудов XVIII в. Локхарт в монографии о Надире высказывал мнение, что Мухаммад-Казим, работая над своим трудом, использовал сочинение официального историка и письмоводителя-секретаря Надир-шаха Мехди-хана Астрабади. Н.Д. Миклухо-Маклай по этому поводу сделал два вывода: а) что когда Мухаммад-Казим писал первые два тома своего сочинения, он еще не располагал трудом Мехди-хана; б) что Мухаммад-Казим смог ознакомиться с ним только после того, как была изготовлена его рукопись 2-го тома[72]. Одно несомненно, что наш автор, начиная свой труд, уже хорошо знал те требования, которые предъявляла сложившаяся обстановка к написанию исторического сочинения. Бесспорным эталоном для него служил Искендер-Мунши и его труд «Тарих-е Аламара-йи Аббаси» и свое сочинение он в подражание Искендер-Мунши назвал «Тарих-е Аламара-йи Надири». Вероятно, при написании первых двух томов Мухаммад-Казим не имел под рукой сочинения Мехди-хана. Но, работая в канцелярии, а затем, занимая должность «лашкар-невиса», он не мог быть не знаком с работой официального историка Надир-шаха. Во всяком случае, он хорошо знал традиции написания исторического труда.

Мухаммад-Казим писал свой труд искусственно-цветистым стилем, характерным для конца XVII – начала XVIII в. Почти все главы у него начинаются вычурным описанием явлений природы, например, восхода солнца или наступления ночи. В некоторых случаях он оснащает свое повествование такими сложными композициями, состоящими из эпитетов, метафор и прочих стилистических фигур, что иногда затмевает самого Мехди-хана. Кроме привычных в персидской стилистике выражений типа «взять палец удивления в зубы размыш-

---

[72] *Миклухо-Маклай Н.Д.* «Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима – важный источник персоязычной историографии XVIII в. (Некоторые итоги изучения памятника) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Тезисы докладов I годичной сессии ЛОИНА, март 1965 г. – Л., 1965. – С. 13.

ления», «удостоиться чести приложиться к порогу», Мухаммад-Казим в погоне за картинностью использует эпитеты и гиперболы, почерпнутые им у более ранних персидских авторов. Например, у Шараф ад-Дина Али Йазди (умер в 1454 г.): «Головы убитых катаются по полю сражения, подобно мячу в игре «Чоуган», «Пятна пролитой крови окрашивают землю, подобно расцветшим тюльпанам», людей на поле битвы он сравнивает с травой, а шашки – с косами. Эти эпитеты и гиперболы невероятные не только для европейского воображения, но, вероятно, и для самих иранцев.

Еще в XIV в. у персидских историков появилась традиция оснащать свои произведения стихами. В некоторые годы эта традиция усиливалась, а иногда ослабевала. Мухаммад-Казим для оживления рассказа во многих местах прибегает к стихам, которые написаны с соблюдением всех правил персидского стихосложения, преимущественно в форме *маснави*, размером *мутакариб.*

Вычурность стиля, присущая прозе, в еще большей степени можно отнести и к стихам. Заметим, что вряд ли их можно отнести к высокохудожественным литературным произведениям, так как автору повсеместно изменяет чувство вкуса и меры. В главах, относящихся к Дагестану, мы хотя и перевели все стихи, но не всегда их приводим в русском переводе, так как они не содержат ценного исторического материала и слишком громоздки.

Как отмечает сам автор в предисловии к 1-му тому, труд его состоит из 3-х томов, которые он называет всякий раз по-разному: *дафтар, джилд* или *мурсалад*. В колофоне на л. 337 б и еще в трех приписках на полях л. 234 б, 264 б и 313 б написана дата переписки 1-го тома – 1166 / 1752–1753 г. И, конечно, автор закончил писать этот том не позднее этой даты. Рукопись 2-го тома не имеет даты переписки. Окончание рукописи 3-го тома утеряно. Однако по почерку и оформлению рукописи 2-го и 3-го томов совершенно схожи с рукописью 1-го тома и несомненно были изготовлены вслед за этой рукописью, т. е. вскоре после 1166 / 1752–1753 г.

Как было замечено Н.Д. Миклухо-Маклаем, этот список был изготовлен «по заказу Мухаммад-Казима и носит следы авторской правки»[73]. К сожалению, правка ограничилась только уточнением дат или каких-либо событий, которые были пропущены в тексте и добавлены на полях. Рукопись пестрит орфографическими ошибками и пропусками отдельных слов. В тексте часто встречаются обороты хорасанского диалекта и азербайджанские слова, поговорки. Скорее всего, в семье говорили на азербайджанском языке. Иногда фразы и целые предложения написаны с нарушением грамматических форм и структур персидского языка. Все это объясняется тем, что переписчик или не разобрал в черновике слова, или не расслышал их, если писал под диктовку. Или при переписке перепутал строки. Здесь вина ложится и на переписчика, и на автора, который, вероятно, не прочитал заново все свое произведение или не заметил ошибок. Все это представляет немалые трудности при переводе и без того нелегкого стиля XVIII в.

[73] *Миклухо-Маклай Н.Д.* Рукопись «Аламара-йи Надири»... – С. 181.

Очень много неточностей и разночтений замечено нами в написании географических названий Дагестана. Думается, те, кто сообщал сведения о походах Надира на Дагестан, не всегда правильно помнили названия. При написании мы оставляем написание, которое дает автор, а в скобках даем правильное написание этих названий. Многие названия местностей давно переименованы или эти географические точки прекратили свое существование. В таких случаях мы приводим эти названия только в указателе географических и топографических названий.

Что касается личных имен, мы даем примечания только к историческим именам дагестанцев, имена иранских исторических лиц оставляем без примечаний, так как Мухаммад-Казим приводит должность каждого в тексте рукописи, а приводить более подробные сведения мы не можем, поскольку не имеем доступа к архивам Ирана.

Рукопись украшена 56 миниатюрами, которые исполнены живо и красочно в традициях индийских и иранских миниатюр первой трети XVIII в. Миниатюры показывают сцены сражения и эпизоды из жизни Надир-шаха или других представителей высшей феодальной знати тогдашнего Ирана. Очень мало миниатюр, где помимо представителей феодальной знати и воинов изображаются и простой люд. Всего две миниатюры, где изображены рабочие: т. 1, л. 152 – строитель за работой над резервуаром для воды; т. 1, л. 329 – восстановление мервской плотины в XVIII в. О художественных свойствах миниатюр можно было бы писать много, но это мы оставим специалистам по иранской миниатюре XVIII в.

Для историка миниатюры интересны теми реалиями, которые они содержат. Имени исполнителя миниатюр мы нигде не нашли, так же как нигде нет и имени переписчика.

Мы склонны поддержать мнение П.И. Петрова, который считал, что переписчиков была два[74]. Мы не приводим здесь палеографического описания всех трех томов рукописи по двум причинам. Во-первых, мы работали по факсимильному изданию рукописи, во-вторых, это прекрасно сделал Н.Д. Миклухо-Маклай в своей известной работе[75].

[74] *Петров П.И.* Предисловие // *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию... – С. 35.

[75] *Миклухо-Маклай Н.Д.* Рукопись «Аламара-йи Надири»... – С. 176 и далее.

Сведения о Дагестане находятся во всех трех томах «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима.

1-й том содержит сведения от рождения Надира и заканчивается большим собранием в Муганской степи, на котором Надир был выбран шахом. Первые сведения о Хаджи-Дауде и Сурхае даются в главе, где говорится об упадке Севефидского государства и о мятежах в различных концах страны. В это время, как пишет Мухаммад-Казим, Хаджи Дауд вошел в союз с лезгинским Сурхаем (т. 1, л. 33), захватил Ширван у кызылбашей и по приказу турецкого султана стал правителем этого края. Далее идут 57 глав, не имеющих отношения к Дагестану, которые мы не переводим. Последующие две главы рассказывают о наказании мятежников в Мараге, направлении Надира на Ширван и о походе Надир-шаха на завоевание Дагестана. Через 8 глав на л. 324 б опять одна глава посвящена Дагестану – «Поднятие знамен сахиб-кирана времени во второй раз на взятие Дагестана и завоевание того сильного государства». Том кончается собранием в Муганской степи и воцарением Надира на престол.

2-й том охватывает наиболее интересные события царствования Надир-шаха. Он начинается главой о назначении Ибрахим-хана, брата Надир-шаха, наместником Азербайджана и кончается нападением самозванца Сам-мирзы на Ширван и сообщением о том, что сын Надир-шаха Насраллах-мирза взял его в плен. В книге описывается знаменитый поход Надир-шаха на Индию, его походы на среднеазиатские ханства, восстановление мервской плотины, то, как Надир-шах ослепил своего сына и наследника Реза-Кули-мирзу. В этом томе 86 глав,и 12 из них посвящены событиям, происшедшим в Дагестане. Они описаны интересно и со всеми подробностями. Три главы посвящены походу Ибрахим-хана на Дагестан, его поражению и гибели в 1736 г. (т. 2, л. 166 б – 178 б). Здесь говорится об ожесточенном сопротивлении народов Дагестана завоевателям в 1741–1743 гг., о неспособности войск Надира подчинить Дагестан и т. д. (т. 2, л. 315 б – 322 а).

В 3-м томе сведения о Дагестане ограничены всего тремя главами, в них рассказывается еще об одном походе Надира против восставших дагестанцев и о борьбе дагестанцев в союзе с самозванцем Сам-мирзой II против Надир-шаха (т. 3, л. 114 а – 119 а; 128 б – 132 б; 136 а – 138 б).

Как можно видеть по приведенным данным, наибольшее количество сведений о Дагестане приходится на первые два тома труда Мухаммад-Казима. Обстоятельство это очень важное, поскольку 1 и 2-й тома (как было установлено Н.Д. Миклухо-Маклаем), в отличие от 3-го тома, были написаны Мухаммад-Казимом вполне самостоятельно, без использования «Тарих-и Надири», знаменитого труда официального историка Надир-шаха Мехди-хана Астрабади. Следовательно,

сведения о Дагестане, приводимые в этих томах, приобретают значение первоисточника. Конечно, не все сведения, сообщаемые Мухаммад-Казимом о Дагестане и дагестанцах, одинаково важны и точны. Однако, оценивая в целом рассказы автора о событиях, связанных с Дагестаном, нельзя не заметить, что они содержат большое число фактов и деталей, имеющих первостепенное значение для характеристики Дагестана первой половины XVIII в.

Работая над этим источником, встречаешься с немалыми затруднениями. Дагестан всегда, как и ныне, известен исключительной пестротой состава своего населения. Так обстояло дело и во времена походов Надир-шаха и его войска на Дагестан. Как свидетельствуют источники, все эти народы оказывали мужественное сопротивление завоевателям. Однако Мухаммад-Казим очень слабо разбирался в этнографии Дагестана. Всех дагестанцев он, как правило, именует лезгинами. Надо заметить, что в данном случае Мухаммад-Казим не является оригинальным, например, в других персидских, а также и в русских источниках наименование «лезгины» нередко применяется к населению всего Дагестана, особенно южной его половины. Обстоятельство это, естественно, затрудняет выяснение роли и значения отдельных народов Дагестана в борьбе с иноземными завоевателями.

Трудность эта усугубляется и еще одним обстоятельством. Мухаммад-Казим имел (и это естественно) очень слабое представление о географии Дагестана и поэтому указывал очень мало географических названий, относящихся к Дагестану. В связи с этим очень часто трудно определить конкретное место, где происходили описываемые им события на территории Дагестана. Поэтому нелегко установить и конкретную народность, которая принимала участие в этих событиях.

Материал, посвященный Дагестану, ценен еще и тем, что сам автор, будучи на службе у Ибрахим-хана (брата Надир-шаха и его наместника в Азербайджане), принимал участие в его походе на Дагестан. Правда, он не до конца оставался в армии Ибрахим-хана. Он дошел с армией до округа Ках, а затем вернулся к себе на родину в Мерв.

Важно отметить и то обстоятельство, что в Мерве он начинает писать свой труд по личным наблюдениям и воспоминаниям. Однако подавляющее большинство сведений о Дагестане, приводимых им, он никак не мог почерпнуть из своих личных наблюдений, поскольку его пребывание в Дагестане было лишь эпизодом в его жизни, и то очень кратковременным. Источники этих сведений нам пока не вполне ясны, так как Мухаммад-Казим обычно не указывает, откуда он заимствует тот или иной материал. Все же несколько соображений на этот счет высказать можно. Так, автор, повествуя о тех или иных событиях, ссылается на рассказчика (*рави*) или доверенных лиц (т. 1, л. 366; т. 2, л. 319 б; т. 3, л. 128 б). Кроме того, Мухаммад-Казим в ряде случаев

довольно подробно сообщает о содержании некоторых документов (т. 2, л. 321 б). Это позволяет заключить, что Мухаммад-Казим при написании глав, посвященных Дагестану, использовал устную информацию от участников событий, а также имел в своем распоряжении некоторые официальные документы. Первому обстоятельству удивляться не приходится, поскольку хорасанские войска Надира принимали активное участие в борьбе с дагестанцами. Следовательно, Мухаммад-Казим имел полную возможность встречаться со многими участниками войн в Дагестане.

Однако автор очень мало внимания уделяет топонимике. Часто названия сел искажены или название одного и того же пункта написано по-разному. Автор не дает точных границ Дагестана. Представление же о России у него смутное, он просто пишет Фаранг (т. 1, л. 280 б).

И все же в труде Мухаммад-Казима мы имеем самый подробный рассказ о походах Надир-шаха на Дагестан. Например, поход Ибрахим-хана (брата Надир-шаха) на Дагестан очень слабо освещен в научной литературе. Нам не известна ни одна работа, которая была бы посвящена этому походу, к причинам чего следует отнести скудость сведений о нем во всех источниках, кроме сочинения Мухаммад-Казима. В известном персидском труде по истории Надир-шаха, принадлежащем перу его официального историографа Мехди-хана Астрабади, рассказу о походе Ибрахим-хана отводится всего несколько строк[76]. В русских источниках, имеющих первостепенное значение в истории Дагестана XVIII в., тоже очень немного говорится о походе на Дагестан и о гибели Ибрахим-хана[77].

Мухаммад-Казим во втором томе своего сочинения отводит походу Ибрахим-хана целых три главы[78]. Следует отметить, что Мухаммад-Казим очень подробно описывает все события, связанные с походами на Дагестан. Хотя он писал историю Надир-шаха, с кем был связан своей службой, и все своим симпатии отдавал своему патрону, несмотря на это, он писал и о его неудачах и поражениях.

Текст рукописи 3-го тома обрывается на л. 248, где написано о прибытии Надира в Фетх-абад (район Хабушана) 10 джумада 1160 / 20 июня 1747 г., о заговоре приближенных Надира с целью его убийства. Два последних листа, которыми заканчивается (л. 249 а, 250 б) сочинение Мухаммад-Казима написано совершенно другим почерком, чем все сочинение, и не соединены с ним кустодом. На этих двух листах

[76] *Мухаммад Мехди бин Мухаммад Насир Астрабади.* Тарих-е Джихангуша-йи Надири. – Бомбей, 1309 г. х. – С. 342.
[77] *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочиненные полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером. – Б. м., б. г. – С. 210.
[78] *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. Л. 166 б – 180 а.

приведен рассказ об убийстве Надира, о смутах, наступивших после этого в стране и о воцарении в Мешхеде 8 шеввала 1161 / 1 октября 1748 г. Шахруха, внука Надира.

Этот текст по содержанию продолжает предыдущий текст, но при сравнивании и слиянии и выясняется, что эти два листа были переписаны из соответствуюшего места другого произведения, а именно из Тарих-и Надири, иначе Тарих-е Джихангуша-йи Надири, известнейшего труда, также посвященного истории Надира и принадлежащего перу его современника и официального историка Надир-шаха. Соответствующее место оригинала в нашей рукописи переписано с большими припусками, весьма неряшливо, довольно неграмотно (т. 3, л. 249 а – 250 б, ср. Мехди-хан Астрабади. Тарих-е Джихангуша-йи Надири (литографированное издание). – Бомбей, 1309 г. х. – С. 461–467).

Трехтомный труд Мухаммад-Казима посвящен правлению Надир-шаха. Собранный им материал подробно освещает важнейшие этапы жизни Надира, первоначально мелкого хорасанского феодала-авантюриста, потом главы хорасанских кочевых племен, затем освободителя территории Ирана от иноземных завоевателей и, наконец, главы обширного государства, развернувшего свою широкую военную экспансию, жертвами которой постепенно сделались почти все соседние с Ираном страны Среднего Востока.

Описывая военную и политическую деятельность Надира, Мухаммад-Казим приводит большое количество фактического материала самого разнообразного характера, который делает его труд важным источником по истории Ирана первой половины XVIII в., а также и по истории соседних с Ираном стран Средней Азии, Афганистана, Индии, Закавказья, Ирака Арабского и, что очень важно для нас, – Дагестана. Все сказанное позволяет охарактеризовать труд Мухаммад-Казима как ценный источник по истории Дагестана первой половины XVIII в.

Представленная работа ни в коем случае не дает политического анализа истории того времени. Наша цель – дать перевод всех глав из трех томов, относящихся к Дагестану, и комментарии к ним и ввести этот ценнейший исторический материал в научный оборот.

МУХАММАД-КАЗИМ

«НАМЕ-ЙИ АЛАМАРА-ЙИ НАДИРИ» («МИРОУКРАШАЮЩАЯ ИСТОРИЯ НАДИРА»)

ТОМ I

[Рассказ о событиях в Хорасане[1], Грузии, Армении и Азербайджане][*]

// [33 а]... И еще. О лезгинском племени[2] Дагестана, когда [некий] по имени Хаджи Дауд[3] из Джара и Теле[4] вошел в союз с лезгинским Сурхаем[5] и, отобрав Ширванское государство[6] у кызылбашских племен[7], по приказу правителя Турции стал полновластным правителем того государства.

// [277 а] Рассказ о казни некоторых разбойников и подстрекателей из Мараге[8] и прочее. Направление движения в сторону Ширвана

// [279]... В счастливый час [Надир] направился в сторону Ширвана. Когда стоянка Чул-Муган[9] стала местом остановки Хосров-Новширвана[10] (Надира), отряд караульных *газиев*[11] победоносного войска, который был послан [Надиром] на разведку в пределы Ширвана, вернулся и доложил: «Весть о движении высочайшего кортежа в пределы Ардебиля[12] дошла до слуха Кират (К-И-Р-А-Т)-хана лезгина[13], который заодно с лезгинским Сурхаем. Он загордился {букв. «напустил ветер гордости и высокомерия в нос»} и с отрядом никчемных лезгин двинулся, желая сразиться. *Навваб сахиб-киран*[14] (Надир) в тот же час под предводительством Хан-Али-хана и Амир-Аслан-хана направил три тысячи молодцев из всего победоносного войска навстречу тому никчемному племени. В пределах Мугана они издали увидели знамена войска Кирата лезгина. *// [279 б]* Тот же час триста человек из тех молодцев (кызылбашей) были направлены навстречу тому заблудшему войску.

Со стороны лезгин тоже примерно тысяча человек вступила на поле битвы. Между ними произошла небольшая стычка. Лезгины не выдержали натиска молодцев из авангардного войска и обратились вспять, тогда молодцы-стрелки, осмелев, напали, преследуя их. Хан-Али-хан увидел, что лезгин больше, чем его людей, а *сахиб-киран* [Надир] тем временем находится на расстоянии трех миль пути. Он направил несколько человек к небесноподобному двору и уведомил о прибытии и сражении с лезгинами. Сам же [Хан-Али-хан], когда увидел происходящую сумятицу в сражении, тотчас кинулся в бой. При первом же нападении благодаря вечному счастью и покровительству Бога он разбил ряды того племени. Кират лезгин не выдержал натиска *газиев* и, избрав дорогу бегства, убежал в сторону Ширвана. Было убито и взято в плен много народу и было захвачено несчетное количество имущества и военной добычи у того злого племени. В это время появились победоносные знамена *сахиб-кирана. Газии* и прославленные [воины] привели к священной особе пленных лезгин. Государь-мирозавоеватель [Надир] предал казни пленных, а *газиям* пожаловал много наград и оказал милости. Преследуя Кирата лезгина, [Надир] направился в Шемахи[15].

Что же было на той стороне? Кират лезгин бежал и прибыл в Ширван, но, боясь, как бы тамошние жители его не схватили, свернул с дороги и ушел в сторону. Когда жители того города (Шемахи) узнали о поражении и бегстве Кирата, тот же час закрыли двери крепости и всех лезгин, которые были там, схватили и предали смерти. Касем-бек, один из знатнейших шемахинцев, остался в живых. Он говорил об искренней *// [280]* преданности и покорности *сахиб-кирану*. В то время, когда лезгины бежали, он мужественно и с усердием принялся за дело. С тамошними жителями он прошел две мили навстречу прославленному кортежу. Везде до шахского *чарбага*[16] были расстелены красивые златотканные ковры, китайский бархат, европейский атлас. С большим великолепием и безмерной пышностью его величество правитель мира вступил в город Шемаху. Когда [Надир] пробыл в тех пределах несколько дней, довели до августейшего слуха, что Сурхай лезгин и Кират-хан лезгин, собрав людей, в полном снаряжении начали готовиться к схватке и приближаться.

Навваб-мирозавоеватель сказал: «Пока не вошел в эти края злонамеренный Сурхай, [мы] с [своими] людьми направимся в Дагестан и сотрем с лица земли то несчастное племя». Первым делом [Надир] отправил в Фарс[17] [с приказом] несколько гонцов, чтобы Тахмасб-хан Джалаир и Ахмад-хан Мерви со скоростью гонцов прибыли к высочайшему двору. Еще несколько человек направил в Шеки (Ш-К-И)[18], Кабалу[19] и Демуркаби (Железные ворота) Дербента [с приказом], чтобы предводители и вожди племен тех областей вскорости прибыли бы к блистательной священной особе. Несколько дней [Надир] занимался приведением в порядок и устройством всех неотложных дел Ширванской области. Тахмасб-хан и Ахмад-хан, поспешно облачившись в священную одежду паломников, присоединились в пределах Ширвана к войскам повелителя мира и удостоились преклонения перед высоким порогом. Непрерывно из Дагестана доходили вести до слуха приближенных высокого двора о

---

[*] Названия некоторых глав в рукописи не указываются. В нашем переводе – в тексте и оглавлении – условные названия, а также дополнения в переводе, данные нами, взяты в квадратные скобки. Двумя косыми чертами обозначено разделение страниц, их нумерация дана там же курсивом в квадратных скобках.

том, что Сурхай и [его] люди двинулись и вошли в пределы Кумука (К-М-К)[20] и Киака (К-И-А-К)[21]. *Навваб сахиб-киран* оставил Тахмасб-хана и Ахмад-хана в крепости Шемахи, а сам с помощью вождя победы и счастья (Бога), с воинами, яростными, как Марс, занялся отражением [наступления] непокорных дагестанцев.

// [280] **Поднятие знамени *амира сахиб-кирана* в сторону Дагестана, прибытие Сурхая лезгина в Шемаху и его поражение**

Красноречивцы мира остроумия и устроители поединков на ристалище красноречия таким образом описали *// [280 б]* оформление происходящего. Когда *навваб сахиб-киран* узнал о количестве людей и смелости Сурхая лезгина, он быстро и поспешно выступил против того злоумышленника и направил свои помыслы на его отражение (на борьбу с ним). Демуркаби Дербента стал местом остановки войска, которое было подобно бушующему морю.

Жители того края, перешедшие в те времена под власть лезгинских правителей и отклонившиеся от власти кызылбашских султанов*, подняли знамя бунта и мятежа. Узнав о прибытии победоносных надировых знамен, все лезгины собрались у ворот и решили оказать сопротивление *сахиб-кирану*. [Остальные] жители того края разделились на две группы. Одна группа решила выйти навстречу *сахиб-кирану* и выразить покорность. Другая группа вступила на путь вражды и непокорности вечному государству и стала готовиться к сражению. *Навваб сахиб-киран* осадил ту крепость. Тамошние люди вступили на путь вражды и раздора между собой и начали борьбу в самой крепости. Когда лезгины увидели раздор в тех двух группах, они отчаялись удержать крепость. Спустившись с крепости, они сели на суда, которые в те дни прибыли из фарангской** страны, и ушли в сторону Кумука. Когда тамошние жители узнали об уходе лезгин, они, испуганные и разочарованные, поневоле присоединились к той группе, которая была сторонницей вечного надирова дома. Сложив оружие {букв. «повесив сабли на шеи»}, они прибыли с большими подношениями ко двору прибежища мира (Надира).

Навваб сахиб-киран простил вину тем людям и назначил на управление той местностью Наджаф-Султана Мугани. С той стоянки [Надир] выступил и направился в Кумук и Катак [К-Т-А-К][22]. Стоянка Хиналук[23] стала местом разбивки лагеря. Уцмий[24] лезгин был уважаемым человеком той местности, мужественным и мудрым, как лев. Он познал все жизненные радости и горести {букв. «вкусил горячее и холодное жизни»}, хорошо *// [281]* знал положение дел. Когда распространилась весть о вступлении мир покоряющего кортежа в те пределы, [уцмий] со всеми своими знатными [людьми] (*озама*) и предводителями (*сархилан*), с большими подарками и подношениями, с покорностью и послушанием вышел навстречу бесподобному кортежу и удостоился *сахиб-киранской* милости и ласки. [Надир] послал несколько *насакчи*[25] высочайшего стремени[26] в его [уцмия] места [с приказом], чтобы никто не вмешивался в дела жителей той страны и чтобы были они свободными.

Счастливый кортеж оттуда направился в Кумук, место пребывания Сурхая. Там дошло до сведения *мулязимов*[27] высокого порога, что Сурхай с многочисленным ополчением и большим войском пошел в сторону Ширвана. Примерно десять-двадцать тысяч человек во главе с Киратом пришли к берегу упомянутой реки с целью задержания *газиев* при переправе через реку. Высокий *навваб* ввел ногу в счастливое стремя, перешел реку с афшарскими[28], каджарскими[29] и курдскими *газиями* и построил ряды для сражения против войска противника.

Лезгины в количестве трех тысяч всадников и девяти тысяч пеших укрылись в лесу и кустарниках и сделали себе засады в труднодоступных местах. Кызылбашские *газии* без страха ударили по тому ищущему погибели сборищу. Лезгинские всадники не вытерпели натиска победоносных богатырей и бежали в лес. Пешие упомянутого племени открыли стрельбу из дальнометов. [Кызылбашские] *газии*, находясь в густых зарослях и узких проходах, оказались в затруднительном положении и вернулись назад. Всякий раз, когда *амир сахиб-киран* побуждал и воодушевлял конных газиев на битву и они нападали и атаковали укрепления того племени, многие из них становились мишенью для выстрелов, получали ранения и погибали. Когда [Надир] увидел, что конная битва не имеет успеха, *// [281 б]* он переправил через реку примерно три тысячи *джазаирчи*[30], послав их вперед, и они напали на то несчастное племя. Противники не выдержали натиска хорасанских *джазаирчи*, они разбежались из своих укреплений и разлетелись по лесу и рощам, подобно воробьям и другим маленьким птицам. *// [282]* Поскольку проход по узким тропам, через заросли и леса для победоносных воинов не был легким, [они] не стали преследовать [противника]. Пленных, взятых из того племени, доставили к священной особе. *Навваб сахиб-киран* после этой победы сделал благодарственный земной поклон и встал на усердную молитву. У пленников [Надир] осведомился о положении дел Сурхая. Они доложили: «Сурхай с тридцатью тысячами человек выступил, желая преградить путь высокому кортежу, и направился в крепость Кумук, которая является местом его пребывания и его убежищем. Сейчас то место пустует. Своего сына Муртаза-Али[31] [Сурхай] послал к татарскому пле-

---

* Автор так называет Сефевидских правителей.

** У автора представление о России было смутным: он называл ее «Фаранг», т. е. «Европа».

мени[32], в области Гянджи,[33] Кирама[34] (К-И-Р-А-М), Киака за помощью…» *Навваб сахиб-киран* отсюда с помощью милостивого Бога направил победоносные знамена в сторону Кумука. После того, как было пройдено некоторое расстояние, жители той крепости узнали о прибытии счастливых войск и решили защищать крепость. Они засели у тропок в узких проходах и открыли смертельную, гибельную стрельбу. Разгорелось пламя сражения. Воины-*джазаирчи* благодаря счастью Надира стали наступать. То племя фактически не имело сильного укрепления и крепости, с помощью которых можно было бы себя защитить. [Дагестанцы] не выдержали натиска *газиев-джазаирчи* и, в конце концов, отказавшись от сражения, обратились в бегство, и та местность вошла во владение правителя вечного государства. Посреди крепости для его величества поставили двухглавый шатер и приступили к захвату всего имущества, казны и сокровища Сурхая, которые были накоплены за долгое время. По высочайшему приказу [Надира] напротив той крепости, у горы, построили очень высокую башню. Некоторые из подданных Сурхая сообщили, что вышеупомянутый из предосторожности [в том месте], где была построена башня, спрятал бесчисленное богатство.

По приказу [Надира] раскопали ту землю и вынули около восьмидесяти кувшинов белого золота (платины). // *[282 б]* Сколько еще ни искали, ничего больше не нашли. Однако уже в пределах Гянджи довели до счастливого слуха, что в пруду под тем холмом, где была стоянка *навваба сахиб-кирана*, было спрятано все золото, серебро и золотые изделия Сурхая. Короче говоря, *сахиб-киран* времени после изъятия богатства и вещей Сурхая послал туда отряд *газиев* для набега, разграбления и поджога и погнал скот на подножный корм в дагестанские районы и провинции. В течение двадцати дней они грабили богатства и вещи тех племен и потом вернулись.

В это время распространился слух, что Сурхай лезгин выступил с намерением захватить Ширван. *Хакан*[35]-мирозавоеватель (Надир), сочтя своей высокой обязанностью не допустить в те пределы [Сурхая], направил поводья движения в сторону Ширвана. Однако информаторы при той небесноподобной ставке рассказывают: «Сурхай про себя так решил: дать сражение в пределах Ахты[36], около леса и рощи, чтобы, возможно, хитростью и обманом разбить победоносные войска и выиграть дело». С этим желанием вошел в пределы Курели[37] и там услышал, что высокая свита счастливой звезды ушла в пределы Кумука и Хиналука. После того, как Сурхай услышал этот рассказ, им овладело волнение, и он потерял рассудительность. Желая вернуть шемахинскую крепость и преградить путь *наввабу сахиб-кирану*, [он] повернул поводья в сторону Ширвана, в считанные часы пришел в движение и, когда остановился в пределах Шеки, занялся разграблением

и опустошением тех мест. Караульные, которые были оставлены здесь, сообщили о прибытии Сурхая Тахмасб-хану Джалаиру и Ахмад-Султану Мерви. Последние, как только узнали об этом, собрали все пешее и конное войско, которое находилось в шемахинской крепости, и направились на войну с врагами веры и государства.

На другой стороне дозорные вражеского войска сообщили Сурхаю о движении Тахмасб-хана и Ахмад-хана. Он // *[283]* тоже, намереваясь сразиться, продвинулся вперед, и в окрестностях Кабалы те войска были построены друг против друга. Тахмасб-хан, взирая на образ действия *навваба сахиб-кирана* и соблюдая правила войны, построил очень крепкий окоп у входа в лагерь, башни и крепостной вал. В каждой башне оставил несколько стрелков, чтобы они охраняли военное имущество и крепость. Когда наступила ночь, направил тысячу всадников и еще две тысячи снаряженных газиев, с вьючным скотом, под командованием Мехди-бека Джалаира в сторону Дербента. Он рассчитывал, что когда те два войска начнут бой, эти [воины] внезапно бросятся на врага. Сам же занялся осмотром дротиков и копий *газиев*. В ту ночь головы богатырей и тела героев не отдохнули в постели. Когда белизна седого утра охватила темный мир своим сияющим светом и когда гнедой конь (солнце) с золотой уздечкой поднялся и встал над полюсом вселенной и осветил весь мир, [который] подобно соединению светлых душ и чистосердечных помыслов очистился от темного помутнения {то есть: «взошло солнце, и стало светло»}, те два жаждущих мести войска, подобно бушующему морю и пламени в тростнике, вышли из своих мест и выстроили ряды друг против друга. Прославленные храбрецы и молодцы поля битвы с двух сторон вступили в бой, и каждый показал свое военное мастерство.

Сурхай лезгин с жаждущим мести войском вышел из своего места, укрепив свое войско [оружием]. Фланги он поручил Шамхалу[38] победителю тигров, а центр – Малек Ша‘бану Куре[39]. Другой отряд богатырей, которые выстрелами попадали в тесную глазницу и выбивали глаз муравья, вступил в бой с *дурандаз чахмаги*[40] кремневыми дальнобойными ружьями и кайтагскими *навваками*[41] на рысаках[79]… на одну фигуру и след одной подковы падало десять пуль. // *[283]* Когда стрелки армии Тахмасб-хана увидели столько смелости и отваги лезгинского племени, сошел румянец с их лица и трусость и малодушие овладели ими. Другие же, которые имели честь и имя, сочли эту неразбериху временем радости и поводом для своих действий, не думая о выстрелах того обездоленного племени. Пустив вскачь гнедых коней по небесноголубому полю, суровые, храбрые *газии* напали на то

---

[79] Далее текст испорчен примерно на три слова.

хитрое, с лисьими повадками племя, и очень сильно разгорелось сражение {букв. «базар сражения»} и [запылало] жаркое пламя [битвы]. Лезгины напрягли все силы и начали стрелять из пистолетов и ружей. Тот, чье лицо жизни известный портретист, по вечному предопределению, могущественным пером в мастерской мудрости зачернил в тот день и тем разорвал нить его жизни, прошел путь вечности. Тот, чье время жизни в тетради бытия вечного единописца было суммировано, [был убит] алмазоподобным мечом. Остальные жизни того жестокого племени были оставлены на свое вращение. После того как сумятица битвы таким образом продолжалась два часа, Сурхай лезгин с пятью тысячами пеших стрелков пошел через реку Баери[42], которая протекала перед кызылбашским войском, и укрепился на берегу той реки, продолжая сражение, чтобы в ряды кызылбашского войска проникло смятение. [Сурхай] также приказал еще десяти тысячам пеших стрелков пойти в тыл кызылбашской армии, который был развален, и укрепиться там, чтобы в случае отступления кызылбашских *газиев* преградить им путь, дабы ни один из них не ушел с поля битвы. Люди Сурхая заняли намеченные места.

На другой стороне Тахмасб-хан увидел движение того войска, которое отряд за отрядом передвигалось, чтобы захватить все те места, где есть стена или засада. Поскольку вышеупомянутый (Тахмасб-хан) был человеком, знающим дело, *// [284]* опытным и рассудительным, он приказал Ахмад-хану Мерви, чтобы он с четырьмя тысячами *газиев* из каджаров, афшаров и хорасанских курдов, с победоносными *газиями* отделился от победоносных войск и направился к победоносному лагерю. Когда [воины-кызылбаши] увидели передвижение противника, желающего захватить тыл кызылбашей, то тот победоносный хан дождался подходящего момента и с прославленными *газиями* внезапно напал на то злодейское племя и разбросал и рассеял ряды тех несчастных людей. Многих прогнал в горы, поля и тамошние равнины. Те же немногие, которые находились поблизости от лагеря Сурхая, присоединились к нему. Увидев стойкость и смелость Ахмад-хана Мерви, *навваб* Тахмасб-хан ободрил и безмерно похвалил его. Он приказал Касем-Али хану Джалаиру и Мухаммад-Али хану Караи и некоторым другим из великих эмиров и предводителей (*саркардеган*) с левой стороны, уповая на Али и Аллаха, напасть на то жаждущее мести войско. Шум боя богатырей, удары смертоносных стрел, свист пуль, пронзающих душу, [поднялся] над землей. Кровь богатырей текла на поле битвы, подобно багдадской реке Тигру и реке Сыр-Дарье. Битва была ожесточенной. Даже кровожадный Марс удивился, когда, раскрыв глаза, стал смотреть с лазурного небосвода на те две группы. Ахмад-хан Мерви разбил те десять тысяч человек и, преследуя их, вошел в ряды Сурхая. С центра атаковали ширванские и

муганские *газии*. И отняли у них (*лезгин*) из-под ног крепкую землю. Когда Сурхай лезгин увидел свое войско в тревоге и смятении, он собрал всю свою решительность и стал воодушевлять своих воинов на борьбу. [Однако] сколько он ни старался и ни настаивал, судьба препятствовала ему, и час за часом на лице того презренного войска появилась слабость и [виден был] раскол. Внезапно со стороны Дагестана, где было место прохода войск *навваба сахиб-кирана*, показались знамена бесчисленного войска. Звуки труб, ржание лошадей и крики сражающихся оглушили всех слышавших и видящих. Когда Сурхай лезгин увидел знамена того победоносного войска, он понял, что вернулся Мехди-бек Джалаир. Он захотел подняться на возвышенность горы, чтобы удержаться хитростью и обманом. Лезгинское ополчение, не выдержав натиска, поневоле повернуло с поля сражения и, выбрав дорогу бегства, направилось в Дагестан. Когда Сурхай лезгин увидел поражение того племени, то пошатнулась опора его сопротивления, он отпустил поводья в желанную сторону и ушел в Дагестан. [Кызылбашские] *газии* преследовали то войско примерно четыре мили[43] и вернулись с огромным богатством и неограниченным добром, с пленными и скотом. До небес поднялся шум ликования, и каждый молодец был награжден добром и скотом в соответствии со своим положением. Упомянутые ханы с победой и успехом повернули поводья из края Кабалы в сторону города Шемахи. *// [285]* Они, довольные победой и триумфом, дошли до цели.

Однако когда *навваб сахиб-киран* вышел из окрестностей Кумуха, то он разделил *газиев* высокого стремени на две части. Одну часть во главе с Амир-Асланом Кырхлу, который был одним из приближенных *хакана-сахиб-кирана* и эмиров того дома, послал через Хиналук, а другой отряд при высоком стремени направился через Дербент.

О событиях, происшедших в пути. Часть разбитого лезгинского племени встретилась с отрядом Амир-Аслан-хана. Кызылбашские *газии* поубивали многих из того несчастного племени. Они также захватили долю добычи из имущества и богатства того племени и в окрестностях Шемахи присоединились к победоносным войскам и с победоносным стременем остановились в упомянутом городе. Когда вся та область от сияния знака солнечного знамени стала предметом зависти [для всех], тогда Тахмасб-хан и Ахмад-хан с предводителями, знатью и уважаемыми людьми той области поспешили навстречу прославленной свите. За пределами города [они] удостоились посещения и целования копыта благословенного коня (т. е. «удостоились находиться в присутствии Надира»). Они получили степень приближения и одобрения с высокой стороны и удостоились возвышенной чести государевой ласки.

Жители той страны, получив приятную новость о вступлении счастливых шагов [Надира], в знак преданности вручили ровно сто тысяч туманов благоустроенной казне в качестве приношения. Его величество для расположения народа выразил словесное сочувствие и удостоил жителей шахриярской (монаршей) милости. Однако некоторые недальновидные глупцы со времен владычества и господства лезгин не теряли сношений с этим племенем. На протяжении всего этого времени их послания, курьеры и письма шли к Сурхаю, уцмию и шамхалу и возвращались обратно. А в это время об их соглашении и дружбе льстецы доложили высочайшему. От услышанного // *[285 б]* вспыхнуло светило гнева *навваба сахиб-кирана*, и он приказал, чтобы всех тех людей со всем родом и племенем пленить для назидания остальным. Мухаммад Касем-бек Ширвани, который был почтеннейшим в той области, с самого начала вступления счастливой свиты в обитель власти Тебриз проявлял следы доброжелательности к государству. Втайне приходили [от него] гонцы с доносами ко двору прибежища мира. В то время, когда пламя гнева овладело его величеством, [Мухаммад Касем-бек Ширвани] мужественно выступил вперед и сказал: «Да станет Касем жертвой ради тебя, приди на помощь к своему Касему-федаю[44]». *Навваб сахиб-киран* сказал: «Если ты хочешь править Ширваном, его я тебе отдам, а если хочешь серебра и золота наличными деньгами и бриллиантами, то это тоже возможно». Вышеупомянутый ответил: «Государь, отдай мне это грешное сборище (пленных)». *Хакан сахиб-киран* исполнил его просьбу и снисходительно простил то сборище и освободил его. В священном присутствии было постановлено, чтобы сумму в шестьдесят тысяч туманов они заплатили в качестве штрафа *саркаре хассе-е шарифе*[45] – начальнику финансового ведомства собственных земель шаха. Вышеупомянутый (Мухаммед Касем-бек Ширвани) взял на себя сбор этой суммы и назначил жестоких и строгих сборщиков. Рассказчик этих слов *равви-е ин хуруф*[46] подчеркивает, что во время сбора упомянутой суммы большой ущерб и урон был нанесен всему живому, особенно знати и аристократии, купцам и караванам того города. Товары, драгоценные вещи и прочие предметы покупались и продавались по следующим ценам: каждый *мискал*[47] золота за 550 динаров, каждый *мискал* серебра за 50 динаров, один *зар*[48] алеппского льна за 20 динаров, один *зар бекраса*[49] за 800 динаров, атлас в рулоне 1000 динаров. Златотканный материал и другие товары продавались так же. Еще не было продано и десятой части из народного добра, как в течение десяти дней установленная сумма была собрана.

Людям с характером и людям мудрым и рассудительным, подобно солнцу посередине неба, было // *[286]* ясно и очевидно, что тайные желания правителя народа и веры, хозяина могущества намерения (Надира) заключались в том, чтобы сделать жизнь своих подданных спокойной и благополучной, а города – благоустроенными. Он (Надир) следил за тем, чтобы набожные [жители] городов не сходили с пути справедливости и день ото дня чувствовали, как укрепляются основы веры и государства. Это способствовало укреплению государства и [возрастанию] уверенности и безопасности армии и народа. Богатства государства и великолепие его возрастало, и все народы в колыбели безопасности и мира спокойно и свободно приступали к молитве.

И если, не дай Бог, султаны и подчиненные (те, кто исполняет приказы) открывали двери насилия над людьми и отклонялись от справедливости и равновесия, и если они не направляли своего внимания на устранение смуты и отведение притеснения и насилия, и если не укорачивали руки владычества богачей от бедных и бессильных, [то это] становилось причиной раскола умов и волнений. И скоро подол веры народов был бы испачкан несправедливостью и неисполнением приказов, и возникла бы брешь в государстве, и последствия этого незамедлительно бы сказались. В любом случае справедливость и покровительство подданным являются важнейшими в деле царствования и поддержания мира. Когда *навваб сахиб-киран* избавил свои помыслы от дел Ширванского края и наказания черни и мятежников, он направил несколько знатных эмиров и старейшин в пределы Решта[50] и Лахиджана[51], чтобы они, с одобрения Мирза-Али Аскара, правителя той области, обратили внимание на управление и снабжение того места и вернулись обратно.

// *[324 б]* Поднятие знамени *сахиб-кирана* времени во второй раз на взятие Дагестана и завоевание того сильного государства

Когда с помощью милостивого Бога и по вечному нетленному счастью его величество *сахиб-киран* успокоился насчет покорения Грузии, то пожелал захватить государство Дагестан, наказать и проучить мятежников, особенно Сурхая, шамхала лезгин*. И это [желание] полностью проникло в милостивые помыслы, и он приказал войску, подобному бушующему зеленому морю (Каспийскому), прийти в движение и из Тифлисской области направить поводья движения в сторону покорения Дагестана. Прибыв в пределы Шеки, он отправил обоз и все лишнее в Ширван, сам же с четырнадцатью тысячами кызылбашских молодцев в первую очередь направился в Джар и Теле.

Когда весть о движении белых знамен дошла до слуха лезгинского шамхала, он отправил свое племя и скот в недоступные горы и укрепленные места. Своего сына Муртаза-Али с двадцатью тысячами

* Здесь автор путает шамхала с правителем Кумуха Сурхай-ханом.

человек он направил в Джар и Теле к уцмию, правителю той области, чтобы заручиться его помощью и объединиться с ним. Сам же с большим числом людей остановился в Кумуке (К-М-У-К) (Кумухе) и Киаке (К-И-А-К) (Кайтаге).

Однако мудрый Амир (Надир) во время прибытия к берегам реки Арпа-чай[52] построил переправу и оттуда с победоносными *газиями* направил поводья в пределы Дагестана. В то время примерно три тысячи семейств из лезгинского племени проживали на противоположной стороне реки. Из-за попустительства и халатности голубого неба и... по своему несчастию*... как вдруг победоносные знамена, словно жгучая молния или внезапная смерть, напали на то несчастное племя и окружили его, подобно перстню, окружающему камень.

Когда старейшины *// [325]* того племени увидели положение дел в таком состоянии, то по слабости и необходимости повесили сабли на шеи и направились к высочайшему порогу просить пощады. Однако караульные малого уцмия[53], находившиеся в окрестностях Каха[54], [увидели] победоносную свиту во время перехода через реку Гурджи[55] и доложили о прибытии победоносных знамен. Вышеупомянутый (уцмий) был человеком дальновидным и первым в мастерстве мудрости и проницательности. Он так подумал: «Если я с *мулязимами хаканского* двора стану ссориться и враждовать, то эту землю потопчут копытами победоносных *асакиров*[56], и я потеряю свою голову. В таком случае будет лучше, если я пойду навстречу повелителю *сахиб-кирану* и спасусь от его гнева». С таким намерением, с группой своих *кадхуд*[57], в тот же час, когда победоносные воины окружили их со всех сторон, он подоспел и удостоился целования порога прибежища мира. Его величество мирозавоеватель проявил по отношению к ним нужное внимание и милосердие. Ради уцмия он простил те три тысячи семейств и на следующий день ушел из тех мест, направившись в Как (К-А-К) (Ках), место пребывания уцмия*.

После вступления в те пределы победоносного *хакана* [Надира] вышеупомянутый (уцмий) оказал ему полное гостеприимство и сказал: «Если я получу *хаканский* приказ, то пойду в Джар и Теле и лаской приведу к подчинению жителей тех мест». Монарх-мирозавоеватель дал разрешение, и [уцмий] с группой своих предводителей направился в те края. *Сахиб-киран* времени также двинулся в сторону Джара и Теле. Прибыв к шамхалу[58] и Хаджи Ша'бану[59] и к прочим старейшинам тех областей, уцмий их уговаривал и дружески советовал подчиниться и смириться, но то несчастное племя не приняло [его предложений]. Своих жен и детей [они] отвели в укрепленные места и

---

* Текст испорчен.

* Имеется в виду малый уцмий.

там скрыли, а сами [остались] в укреплении и занялись защитой крепости.

// [325 б] Лезгинский уцмий поневоле вернулся в высокий лагерь. Когда *сахиб-киран* эпохи узнал о положении дел, в ту ночь остановился у подножия укрепления покоящегося в раю шаха Аббаса Сефеви, прославленной Белой Башни *(Ак-Бурдж)*[60]. Оставив там обоз и снаряжение, с победоносными *газиями* и хорасанскими стрелками [Надир] направился в Джар и Теле. Прибыв на вершину тех гор, двенадцать тысяч человек во главе с лезгинским шамхалом** преградили путь *сахиб-киранским* воинам и начали стрелять из ружей и фальконетов. По приказу мирозавоевателя силой выстрелов его стрелков ряды того племени были разбросаны и рассыпаны, подобно звездам Большой и Малой Медведиц. Отступив, они засели в крепости Джар и Теле. Трое суток горел огонь битвы, но покорность не наступала. Тогда вышел непреложный указ, чтобы храбрые стрелки без промедления напали на крепость и захватили ее. Лезгинские молодцы выстрелами убили большое число людей и преодолели нападение кызылбашских воинов. *// [326]* Но кызылбашские воины бросились в атаку и одержали победу.

Лезгинское племя, бросив ряд башен и укреплений, отправилось в Нарын-калу[61], где был большой арсенал, и укрепилось там. Однако в тот день примерно пять-шесть тысяч из лезгинских молодцев были убиты или взяты в плен *газиями. Сахиб-киран* эпохи четыре дня сражался в тех укреплениях, но безрезультатно. Челядь же в это время довела до слуха августейшего, что Муртаза-Али, сын Сурхая, лезгина с большим числом людей вошел в Джар и Теле. Его величество *сахиб-киран* времени сравнял крепости Джар с землей и отказался от захвата тех башен, направляясь на перехват армии врага.

[А что было] на другой стороне? Муртаза-Али с большим высокомерием и гордостью вышел из тех гор и остановился в обширных рощах того края. Хотя шамхал, большой уцмий[62], Малак-Мухтар, Малак-Вапас[63] и многие другие предводители говорили, что прибытие [Муртаза-Али] на это место станет причиной дезорганизации положения, он не соглашался и говорил: «Дважды большему [по количеству] войску я нанесу поражение». Когда же его величество *сахиб-киран* с победоносными рядами [войск] и великолепными молодцами вошел в те пределы, взор счастливого монарха пал на то мятежное войско и пламя гнева, которое загорелось в Джаре и Теле из-за лезгинского племени [вспыхнуло с новой силой]. Расположив ряды воинов, несу-

---

** В это время шамхалом Тарковским был Хасфулад – шамхал, утвержденный в этом звании Надиром. Вряд ли он шел против Надира. Автор просто путает титулы дагестанских правителей.

щих смерть, и не думая о том несчастном племени, протянув руку к шашке, напал на то безрассудное племя. С двух сторон гул битвы поднялся до небес. Подобно мишени на стрельбищах, грудь молодцов стала мишенью для смертельных ружейных выстрелов. которые прожигали сердца и сжигали внутренности. Сердца молодцев, подобно некровавому морю, закипели, а от сабель [острых], подобно алмазам, головы и руки их становились красными, подобно рубину чистой воды и исфаганскому гранату, // *[326 б]* и раскалывались. От смертельных ударов грудь борющихся стала похожа на соты. От шума, поражающего сердца, печень малодушных и сердца храбрецов приходили в волнение и возбуждение, как у разорившегося бедняка. От ударов дротиков головы и руки разгневанных молодцов покраснели, как весенние цветы и горные тюльпаны. От ржания лошадей, стонов раненых и криков сражающихся поле битвы дрожало, как во время землетрясения, и сопровождалось это страшным шумом и большой суматохой.

Битва, начавшаяся с рассвета, длилась до заката. Когда повеяло победой от знамен мирозавоевателя, тогда посыпало песком несчастья головы злодеев (лезгин). Нападение *афшарских газиев* и *каджарских* храбрецов усилилось. Внезапно в той смертельной сумятице шальная пуля попала в руку лезгинского Муртаза-Али и поломала кисть руки. Его несчастные воины, не выдержав нападения победоносных *газиев*, бежали в сторону Кирам Кайтага (К-И-Р-А-М К-А-И-Т-А-К)[64], а его величество *сахиб-киран* четыре мили преследовал то заблудшее племя. Много было убито и взято в плен кызылбашскими воинами, и [пленных] привели ко двору. Живых из этого племени [Надир] приказал казнить, а из их голов построил холм на вершине тех гор.

С того места [Надир] направил поводья в сторону Каракиака (К-Р-А-К-И-А-К)[65]. В это время довели до слуха столпов вечного государства, что в Кумукском крае Сурхай лезгин с полным снаряжением хочет войти в пределы Дербента и по возможности в тех пределах сделать налет и захватить крепость. *Навваб сахиб-киран // [327]* направил поводья желания в сторону Кабалы и Шеки, а оттуда отправился в Дербент. Когда та область стала местом высокой стоянки, ему донесли, что Сурхай вышел из Кумука (К-М-У-К). Однако, получив известие о поражении его сына, Сурхай вернулся в Кумук. [Тогда] *навваб сахиб-киран* вышел из тех пределов и тоже направился в Кумук. В пути он послал малого уцмия, который был из числа доброжелателей высокого *сахиб-киранского* порога, к Сурхаю и Хаджи Ша‘бану, чтобы привлечь их на свою сторону и чтобы они, прекратив упрямство и войдя в двери целесообразности, вернулись ко двору прибежища мира. Уцмий, прибыв в те пределы, передал [лезгинам] приказ повелителя и открыл двери наставления и увещевания.

Поневоле Сурхай пошел по дороге подчинения и повиновения, укрепляя руку помощи и дружбы высокой Надировой династии. С достойными подношениями и подарками Сурхай, Хаджи Ша‘бан и Муса-хан лезгин[66] направились ко двору того счастливого повелителя. На стоянках [они] удостоились чести стоять у подножья высокого небесного *сахиб-киранского* трона и представили взору, подобному солнцу, посланные подарки и дары, а также прошение Сурхая и прочих предводителей Гянджи. Киака, Кумука и Кирама и стали умолять простить их вину. *Навваб сахиб-киран* удостоил их лаской. Для каждого *сердара*[67] той страны он отправил и сопроводил с этими предводителями одежду и резвого коня. украшенного золотой сбруей с драгоценными камнями. Он послал также предводителям тех областей указы, обязательные к исполнению, и потребовал, чтобы они ежегодно часть своих средств посылали начальнику налогового дела собственных шахских *доменов*. Он пожаловал награждение Сурхаю и Хаджи-Ша‘бану и установил. чтобы ежегодно, как и прежде. от правителей Дагестана приходили люди, получали семь тысяч туманов наличными и возвращались обратно.

// [327 б] По просьбе данного племени был заключен [с Надиром] договор и отправлен с Ма‘сум ханом[68] и Хаджи Ша‘баном. От упомянутого племени [лезгин] взяли семьсот *мулязимов*, которые должны были постоянно находиться у священного стремени. Полностью освободившись [от дел] в той области, [Надир] направил поводья движения в сторону Ширвана. Мехди-хан, правитель той области, вместе с Касем-беком и прочими предводителями вышли навстречу несравненному *хакану* и удостоились посещения и целования порога священной особы. [Надир] несколько дней пробыл в шемахинской крепости. Дела той области, как положено, наладил и оттуда с войском, безграничным, подобно бушующему морю, направился в Чул-Муган (Муганскую степь).

ТОМ II

// [166 б] Описание тебризских[69] событий и продвижений Ибрахим-хана[70] для завоевания Дагестана

Вестники со страниц старых книг и красноречивцы с прелестных лугов так нанизывают жемчужную нить повествования и рассказывают: его высочество (Ибрахим-хан) на несколько дней остановился в Тебризе и открыл ворота дням наслаждения и веселья. Он также занялся сбором драгоценностей и сокровищ. Нескольким своим особо приближенным он дал белого золота и отправил их по городам Азербайджана[71], Ирака[72] и Фарса. поручив им скупку *ашрафи* (золотой моне-

ты). Дело дошло до того, что среди народа *ашрафи* стали [редки], подобно философскому камню. Они сделались тогда исключительной драгоценностью, и слух об их редкости распространился по всему миру.

Итак, в то время, когда [Ибрахим-хан] находился в обители власти городе Тебризе, там внезапно распространилась эпидемия чумы. Ибрахим-хан вышел из города в сторону селения Иски[73], которое по изобилию и приятности было подобно раю. Оно находилось в четырех *фарсахах*[74] от того города (Тебриза).

// [167 а] Несколько дней он пробыл в том краю. В помещении, где находился пишущий эти строки (Мухаммад-Казим), пребывал один из воинов по имени Урудж. Как только вечером он, накинув покрывало на плечи, сказал: «О такой-то, что станется, когда ты скажешь мне правду?» Я (Мухаммад-Казим) сказал: «Хвала Богу, я не вижу признаков болезни в твоем теле». Он сказал: «Хочешь, я тебе покажу?» Я сказал: «Ничего не случится, если я увижу». [Он] показал свою спину. Выше пояса и на плече были круглые, размером с блюдечко язвы, словно места, порезанные бритвой. Я ему сказал правду. Утром на месте, где молились люди, я поинтересовался состоянием здоровья того юноши [Уруджа] и увидел его мертвым. Когда эта весть дошла до слуха прославленного высочества [Ибрахим-хана], он пожелал направиться в сторону Карачамана[75].

В это же время явились гонцы из областей Саудж-Булак[76], Салдуз[77], Мараге (М-Р-Г-Е). Они сообщили Ибрахим-хану, что некоторая часть племен *бельбарс*[78] и курдов-*езидов*[79] вступили на арену дерзости и сражения с намерением грабежа тех местностей. Приказом Ибрахим-хана это дело было поручено ответственности и усердию Мухаммад-Дуст-бека Кырхлу, который являлся родственником Ибрахим-хана. [Он] назначил примерно четыре тысячи воинов из города Мараге, племен *мукаддам*[80] и *афшар*, города Саин-Кала[81] и тебризских туркмен в область Салдуз, чтобы они занялись охраной и защитой ее.

Если, не дай Бог, появится кто-нибудь из племени *бельбарс* и курдов-*езидов*, то пусть с Мухаммад-Касим-ханом афшаром, правителем Урумие[82], и Али-Кули-ханом Мокри постараются отразить их [натиск] *// [167б]* и покажут хорошую службу и верность Ибрахим-хану. В противном случае пусть они в том месте пребывают и введут в обычай исполнение того, что прикажет Ибрахим-хан.

По решению и приказу его высочества Мухаммед-Дуст-бек с победоносными воинами направился в те края и остановился в пределах Салдуза. Ежедневно посылал стражу в различные города той области и занимался ее защитой и охраной. С другой стороны, когда его высочество остановился в Наво-Чамане[83], своим пребыванием [он] возвеличил это место. Один из слуг Ибрахим-хана, гладильщик, заболел чумой и отошел в вечность. Тогда его высочество с летних стоянок и

лугов горы Сара-Саханад[84] [спустился], направляясь в Сараб[85]. [Он] несколько дней пробыл там, но в том месте также распространилось то заболевание. Поневоле его высочество с победоносным войском двинулся в сторону обителя руководства Ардебиль и прибег к покровительству святого шейха Сафи-аддина[86], да помилует его Аллах. В тех пределах он остановился и там провел зиму.

Между тем Мухаммад-Дуст-бек четыре месяца пробыл в тех краях (в Салдузе). Племя *бельбарс*, устрашась, ушло в высокие горы и надежные места, отказавшись от грабежей. По приказу его высочества дали освобождение Мухаммад-Дуст-беку и последний прибыл в Ардебиль, где удостоился чести целования стремени его высочества. Здесь он пробыл несколько дней.

// [168а] В это время прибыли гонцы из обители власти города Тебриза и доложили его высочеству, что страдания и муки, происходившие от чумы, кончились. Его высочество в упомянутом городе (Ардебиле) оставил наместником Мухаммад-Дуст-бека, а пишущего эти строки (Мухаммад-Казима) назначил к нему [на службу]. По высочайшему приказу велено было записывать имена умерших в Тебризе людей. Такая запись велась в этом краю с давних времен. Если кто-либо в квартале умирал, *кадхуда* этого квартала шел к шейх-уль-исламу и сообщал, что такой-то, сын такого-то, умер. Шейх-уль-ислам давал ему разрешение для похорон. Самовольно никто не смел и никого хоронить.

Когда проверили тетрадь регистрации, которая находилась у шейх-уль-ислама, пока он был в живых, [то выяснилось, что] с начала [регистрации] на протяжении двух месяцев умерло в этом городе около 47000 человек. А еще в течение четырех месяцев после того, как умер шейх-уль-ислам и другие записывающие, никто не знал счета умершим. Лишь Аллах знает. По этому случаю [наместник] Мухаммад-Дуст-бек *// [168 б]* написал сводку его высочеству. Во время смены знака Стрельца эпидемия чумы утихла. Его высочество выступил из обители руководства Ардебиля и прибыл в обитель власти Тебриз.

В то время пишущий эти строки сказал: «Так как отец этого бедняка скончался, то его высочество говорил, что зимой освободит меня, чтобы прах его повезли на священную землю [в Мешхед]. Если сейчас меня освободят, [мой] замысел исполнится». Его высочество сказал: «Теперь по непреложному приказу *сахиб-кирана* [Надира] следует поручить кому-либо переселить племя *хашванд*[87], которое входит в объединение *мукаддам*, и направить его в обитель прочности Келат[88] и священный Мешхед. Ты должен пойти в те края и переселить то племя. По возвращении в Тебриз я тебя освобожу». Поневоле по приказу его высочества в ту зиму [я, Мухаммад-Казим] направился в Мараге, поднял то племя и за шесть месяцев переселил его в Хорасан.

После исполнения приказа прибыл в обитель власти Тебриз и был удостоин приема светлейшего.

В это время прибыли гонцы из Хорасана от Али-Кули-хана, сына прославленного наиба (Ибрахим-хана), и доложили: Реза-Кули-мирза[89] вышел из благословенной земли (Мешхед) и завоевал мать городов Балх[90] и окрестности Хисара, Гузара, Кубадина, Кулаба[91] и пр. В области Карши[92] [Реза-Кули-мирза] сразился с царем, подобным Афрасиабу[93], с Абульфаз-ханом, падишахом областей Мавераннахра[94], и нанес ему поражение.

// [169 а] В скором времени он захватил остальные области того государства. Когда его высочество узнал о делах Реза-Кули-мирзы, то сказал: «Он в таком молодом возрасте покорил страны Мавераннахра, нам надо также пойти и захватить страну Дагестан». Вследствие таких пустых соображений [Ибрахим-хан] написал приказы в разные города Азербайджана, чтобы ханы и все племенные вожди с подчиненными им воинами, пешими и конными, собрались бы и присоединились к победоносному стремени. В соответствии с высочайшим приказом города Урумие, племена *афшар, макадам*, города Мараге, Саудж-Булак, племена *мукри*[95], *донбули*[96], города Баркешад и Карада вошли в обитель власти Тебриз. В такой готовности, в несчетном количестве, рядами [войска] с пушками и фальконетами и всем необходимым направились в Карабак[97]. Когда [Ибрахим-хан] вступил в те места, то [предводители] ширванские, ереванские, грузинские, гянджинские и карабакские, и каждый с бесчисленным людом и большим войском, вошли в состав высочайшего стремени, тогда [Ибрахим-хан] из окрестностей Барды выступил и направился к берегам Аракса[98] и Куры[99] и там сделал остановку. Опытным мастерам и знающим архитекторам приказал построить хороший мост. Победоносные войска с полным спокойствием перешли на другую сторону реки (Аракс) и там остановились. Его высочество в тех пределах провел смотр воинов. Около тридцати двух тысяч победоносного войска собралось у счастливого стремени. Когда все они соединились [в одно целое], никто не видел столь хорошо оснащенной и большой армии.

// [169 б] Построение моста его высочеством (Ибрахим-ханом) на реке Кура и описание событий, происшедших в Дагестане

Когда его высочество (Ибрахим-хан) с войском, подобным бушующему морю, перешел воды Аракса и Куры, он сразу же написал письмо на имя лезгинского уцмия[100], бывшего правителем (*хакан ва-сахиб-ихтиар*) Кака (К-А-К) и Каника (К-А-Н-К). [В письме говорилось]: «Если ты в союзе и единении с нами, то, насколько возможно, обеспечь продовольствием победоносные войска, сам же явись в высочайшую ставку, тогда будешь награжден безмерной милостью».

По получении высочайшего письма упомянутый уцмий с группой *кедхуд* и старейшин направился в высочайшую ставку. [Этот уцмий] написал большому уцмию, шамхалу, Мулла Ша'бану, Муртаза-Али, сыну Сурхая, письмо, в котором говорилось: «Сейчас брат его величества *сахиб-кирана* (Надира) с большим войском подошел к берегам реки Аракс и направил письмо мне, мы с *кедхудами* и старейшинами направились на высочайшую службу. И вы, предводители войска, также оставьте вражду и споры. Если вы явитесь в высочайшую ставку, дела пойдут как положено». Написав это письмо, [уцмий] отправил [его] в те края, а сам направился в высочайшую ставку [к Ибрахим-хану].

Когда же лезгинские предводители и племенные вожди (сар хилан) ознакомились с содержанием письма уцмия, то они не подчинились и стали готовиться к войне, порешив биться насмерть. От того, что уцмий ушел, омрачилось сердце Муртаза-Али, сына Сурхая.

У него был слуга по имени Микаил, который в день сражения походил на Рустама Дастана и Сама Наримана[101]. *// [170 а]* [Муртаза-Али] приказал ему, чтобы он с десятью другими слугами преследовал уцмия и в любом месте, где настигнет его, напал бы и разгромил, а также узнал бы о кызылбашском войске и вернулся. Микаил и еще десять человек вышли из местности Джар и Теле и совершили набег на берега Агричая[102]. Перейдя эту реку, [Микаил] у берегов Аракса увидел знамена кызылбашского войска. Ему удалось пленить одного воина из победоносного войска, который отдалился от лагеря примерно на полмили для сбора фуража.

[Микаил] спросил о кызылбашском войске и повернул обратно. В полночь в лесу они наткнулись на уцмия и *кадхуд* и отошли в сторону, чтобы уцмий и *кадхуды* прошли через лес. Спустя некоторое время повстречали слуг уцмия с тремя лошадьми и мулами, которые везли тысячу ашрафи деньгами, какое-то количество ткани, оружие и прочее, предназначавшееся в подарок его высочеству. Убив двух слуг уцмия, они погнали мулов перед собой в страну Джара и Теле. Уцелевшие слуги добрались до уцмия и рассказали о происшедшем. Поневоле оставшуюся милю до лагеря его высочества (Ибрахим-хана) уцмий прошел с большой скоростью и поступил к нему на службу, доложив его высочеству хану о мятеже сына Сурхая.

Было решено, чтобы Али-Наки-бек Мерви, сын Рахман-Коли-Султана, с тысячью человек преследовал Микаила, захватил и привел его в ставку. В первом томе о смелости и доблести его (Али-Наки-бека) рассказывалось, что когда Ибрахим-хан с войском вошел в область Мерва, *// [170 б]* он заметил честность и доблесть [Али-Наки-

бека] и взял его на службу. В ту непроглядную ночь с победоносным войском [Али-Наки-бек] направился в упомянутые места. До восхода солнца {букв. «величайшего светила»} они прошли 20 миль. Дойдя до берега реки Агричай, они не обнаружили следов тех людей в лесу. Целый день шли по дорогам Дагестана и на закате дошли до ущелья Нарли[103]. Решили строить там привал, тем более что была договоренность, караулить там, пока не прибудет войско {букв. «высокий кортеж»} Ибрахим-хана. Трое суток они там находились на страже и дождались прибытия высокого кортежа с жаждущим мести войском.

На следующий день поднялись с того привала и, перейдя реку Агричай, вступили в леса Дагестана. На каждом привале, где они останавливались, строили неприступные укрепления и таким путем прибыли в крепость Ках (К-А-К), место пребывания уцмия. Было решено построить там большую крепость, чтобы оставить пожитки и тяжелый обоз в случае похода на крепость Джар и Теле. Ежедневно караульные доходили до Белой Башни (Ак-Бурдж), которая была построена в прежние времена, при находившемся ныне в раю шахе Аббасе Сефеви, и не находили там *// [171 а]* следов лезгин.

В тот день его высочество (Ибрахим-хан) устроил большой *меджлис*[104] и пригласил всех ханов и султанов, которые были при победоносном стремени. В их числе были Хан-Джан, сын Мухаммад-Али-хана, который из обители твердости Кандагара[105] был назначен правителем Грузии после смерти Сефи-хана Багаери, *сердара* Грузии, последовавшей во время пребывания Ибрахим-хана в обители власти Тебризе, а ныне он (Хан-Джан) с грузинскими воинами находился у счастливого стремени. Еще [были] Угурлу-хан, правитель Гаджи, Хасан-Али-хан, брат Угурлу-хана, правитель Барды, Мухаммад-Кули-хан афшар, правитель Ширвана, Мухаммад-Реза-хан, правитель Еревана, Касем-хан афшар, правитель Урумие, Мухаммад-Реза-хан курд, правитель Мараге, Имам-Коли-хан, правитель Ардебиля, Муртаза-Коли-хан, правитель племени думбули. Али-Наки-хан Мокри, правитель Сук-Булака, и прочие военачальники, предводители и тысячники. Он (Ибрахим-хан) спросил об их мнении относительно похода на Джар и Теле.

Военачальники решили так. Выступив с этого привала, оставить здесь свой обоз и тяжелое снаряжение, а у подножия Белой Башни (Ак-Бурдж) построить другую крепость, часть победоносного войска поместить там, а самим направиться к Джару и Теле. Его величество Ибрахим-хан одобрил этот совет и побудил победоносное войско как можно скорее построить крепость, чтобы затем направиться в Джар. *Гази* приложили старание во вверенное им дело.

// [171 б] Но в это время два гонца прибыли из Навахи-е Кабула[106] от двора эмира держателя мира (Надир-шаха) и привезли непререкаемые приказы относительно отправки мервских асакиров, находившихся у стремени Ибрахим-хана; «В эти счастливые времена наше августейшее мнение по милости божьей утвердилось на том: область Мервшахиджана[107], граница царства Туркестана и место пребывания рода сельджукских султанов, из-за похода туркменских мятежников опустела. Милостью и щедростью Бога стараемся для ее процветания. В это время, когда знамена величия и славы направлены на завоевание Хиндустана[108], мы приказали освободить все победоносные мервские войска, которые находились у счастливого стремени, неся самоотверженную службу. Также назначили и отправили мы в ту область всех [мервских] райятов[109] из Хорасана. Судьбоносные приказы были объявлены во всех богохранимых владениях. [Если] в каждой области, селении, округе, местности, будут жители Мерва, отправить их в Мерв с полной заботой и достаточным провиантом». Согласно непреложному приказу *сахиб-кирана* (Надир-шаха) группа мервских воинов, таких как Мухаммад-Му‘мин-хан Куллар Акаси, Али-Наки-хан-бек и еще шестьсот человек, которые несли службу у победоносного стремени, были освобождены и направлены в Марв. Отец пишущего эти листы [Мухаммад-Казима] – мервец с давних времен, служил среди *// [172 а] афшарских газиев*. По этой причине я просил его высочество (Ибрахим-хана)»: «Я, этот ничтожный, не отниму руки от служения счастливому стремени; мое желание таково: всю жизнь полагаться и уповать на милость и великодушие высокого благодетеля (Ибрахим-хана), находиться на службе у него и выполнять его приказы». Бесподобный государь (Ибрахим-хан) удовлетворил просьбу нижайшего и сказал: «Что случится, если ты останешься на нашей службе? Если процветание [области} зависит только от одного человека, пусть не процветает».

Этот нижайший веселым направился к себе в палатку и успокоился, но Мухаммад Му‘мин-хан и Али-Наки-бек сильно возражали из-за отказа этого бедняги возвращаться [говоря]: «Уезжают твои соплеменники (*иль-ва-улус*), разве ты в чужом многострадальном краю получишь богатство и власть?» Я опроверг их слова и был устойчив в своем отказе.

Время отбытия мервских *газиев* назначено было на утро завтрашнего дня, а ночью я увидел следующий сон. Между его высочеством Ибрахим-ханом и лезгинами произошло страшное столкновение. Знамя его высочества было черное, как вдруг лезгины разорвали знаменосца и знамя на четыре части и смешали их с землей и грязью. Наше войско потерпело великое поражение. Сколько я ни гнал свою лошадь, все не мог выбраться из земли и грязи. Увидел я [также] его высочество [Ибрахим-хана], который был со своим конем в земле и иле.

Лезгины же победили и усердствовали в грабеже и убийстве. Когда я проснулся, то виденное во сне отнес к дурному знамению.

// [172 б] Я пошел к его высочеству и сказал: «Так как мои соплеменники (*иль-ва-кабаил*) уходят, я боюсь, что мою семью из страны изобилия [Мешхеда] увезут в область Мерва Шахиджана и оставаться мне одному в таком большом лагере будет трудно. Если будет высочайшая воля, этот нижайший тоже отправится со своими соплеменниками (*иль-ва-улус*)». Его высочество Ибрахим-хан согласился и, сделав большие подарки и милостыню, отпустил [меня]. Из упомянутого места, делая переход за переходом, мы прибыли в обитель власти Тебриз. Здесь я забрал тело отца, который был временно погребен в *имам-заде* Саид-Хамзы, и направился в священные края [Мешхед]. Когда я прибыл к небесному порогу *мезара* имама Резы[110], я похоронил тело своего отца на святом дворе того имама. Потом я отправился в Мервскую область. Смысл всего случившегося был таков: каждый, кто что-либо видит во сне, если об этом хорошо подумать, поймет смысл добра и зла.

Картина этих событий следующая. Когда его высочество Ибрахим-хан оставил свой обоз в новой крепости Кака (К-А-К-), он направился в сторону Джара и Теле. После прибытия в тот город и в Ак-Бурдж у подножья горы, которая примыкает к землям Джарского племени [Ибрахим-хан] построил новую крепость. Артиллерию, арсенал и прочее тяжелое снаряжение он оставил в той крепости. Половину того победоносного войска [Ибрахим-хан] снял с коней и в полной готовности двинулся в непроходимые горы.

// [173 а] Описание битвы прославленного высочества [Ибрахим-хана] в Джаре и Теле в Дагестане; гибель того молодого хана [Ибрахима] по небесному предопределению

Когда джарские лезгины узнали о прибытии кызылбашских войск и прославленного *наввабa* (Ибрахим-хана), они послали гонцов к Сурхаю и большому уцмию, который пребывал в Табасаране[111], написав им: «Сейчас нечистые кызылбашские воины во главе с Ибрахим-ханом, братом Надира *сахиб-кирана*, вошли в пределы Дагестана. Вам следует теперь прибыть к нам, ради народа, религии и веры имамитской[112], проявить единение с нами и оказать помощь». После получения этого послания каждый [из них] прежде всего перевел свою семью в укрепленное место, отправив их в округа Кирам-Киак (Кара-Кайтаг) и Кубачи[113]. Сами же преградили все проходы и занялись обороной. Примерно двадцать тысяч человек из Табасарана, Хиналука, Ахты-Пара[114], Курели и других мест прибыли во главе с большим уцмием. Трое суток они брали пропитание и фураж у джарского племени. Лезгинские дозорные рассказали о боеспособности и снаряжении кызылбашского войска. Среди джарцев были два знаменитых предводителя, которые в смелости походили на Рустама Дастана, а в щедрости – на Хатама Тайи[115]. Один был прозван Ибрахимом Диване (Ибрахим безумный), *// [173 б]* другой -- Халилом. Узнав о возвращении (отступлении) лезгин, они (Ибрахим Диване и Халил) не допустили мысли о страхе. В первую очередь они поручили примерно двум тысячам прославленных стрелков захватить все заставы, проходы и дороги, по которым должны были пройти победоносные войска. Сами же занялись сбором войска.

На другой стороне его высочество [Ибрахим-хан] приказал, чтобы ширванские и грузинские войска во главе с Хан-Джаном и Мухаммад-Кули-ханом афшаром вступили в те горы. Если же какая-либо часть лезгинского племени придет и займет дороги и тропы, постараться их изгнать и показать тем самым свою добрую службу. Его высочество [Ибрахим-хан] также приказал, чтобы хорасанские *джазаирчи* с тысячниками Али-хан-беком и Али-Наки-беком вышли из города Дербента в сторону летних стоянок и занялись бы [там] отражением [наступления] непокорных. Его величество (Ибрахим-хан) вслед за этим с победоносным войском направился вверх, в горы. По прибытии грузинских и ширванских войск лезгины, которые заняли проходы, начали смертельную стрельбу с гор. Каждым выстрелом они поражали одного храбреца. Когда грузинские воины увидели это, часть их, подобно златокрылой птице, поднялась на вершину горы, обойдя их с тыла, и начала обстреливать лезгин. Лезгинские *газии* не выдержали натиска грузинских воинов. Некоторые [из них] были убиты, некоторые взяты в плен, а остальные бросились с горы и разбились {букв. «стали равными земле»}.

[Наконец] часть из них, *// [174 а]* которых пощадила смерть, с большим трудом спаслись с того опасного места {букв. «вытащили души на берег спасения»}. В это время хорасанские *джазаирчи* поднялись в горы, огнем мушкетов сокрушили защитников укрепленных летних стоянок и заняли их укрепления. Со всех сторон в те горы поднялись победоносные *газии* и овладели укреплениями врага. Его высочество (Ибрахим-хан) с победоносным войском взошел на те горы. Там поставили двухглавую палатку и *каландари*[116] для его высочества и предводителей войска, где они пробыли ночь и день.

На следующий день, когда солнце, освещающее мир, стало красоваться, подобно золотой уздечке, на сине-голубом куполе и украсило темное небо рубином чистой воды, прорезав его алмазным лучом, последовал приказ его высочества (Ибрахим-хана) о том, чтобы десять тысяч азербайджанских молодцев пошли к жилищам джарцев и, если они там укрепились, постарались уничтожить их и разграбить их

укрепления. Упомянутые *гази* пошли к местопребыванию лезгин. Немногие из племени, которые оставались на своих местах, после схватки и стычки были убиты или взяты в плен победоносным войском. На расстоянии четырех *фарсахов* азербайджанские *гази* увидели сильно укрепленное место, высота которого поднималась до небесного свода, а по величине оно равнялось с вращающимися планетами. В том укреплении [*гази*] увидели людей, спросили // *[174 б]* о них, и пленные из того племени (джарцев) рассказали, что Ибрахим Диване и Халил, охотник на львов, с малым количеством [войска] укрепились в том месте. Кызылбашские предводители отправили две тысячи человек, чтобы они наказали тех людей и вернулись обратно. Когда победоносное войско вступило на вершину горы, Ибрахим Диване с малым количеством людей за половину звездного часа разбил это двухтысячное войско. Люди этого войска, раненые и несчастные, обратились в бегство и вернулись к *сердарам*. В тот же день его высочество прибыл на это место, которое являлось главным укреплением джарцев. Когда же узнал о смелости [того племени], [он] пожелал назначить часть победоносного войска для уничтожения тех людей [джарцев]. Хан-Джан доложил его высочеству: «Если вновь назначенные *гази* пойдут по тому же пути, где были разбиты те две тысячи человек, то даже если их будет сто тысяч, они, ничего не сделав и не достигнув цели, вернутся обратно. Если же высокий кортеж останется в крепости, которую построили в укрепленных летовках, то с той стоянки я довольно легко пройду другой дорогой, которую нашли грузины. Прежде чем узнают об этом лезгины, поднимусь на ту гору, захвачу то безмятежное племя и легко смогу разбить и рассеять его». Это предложение было одобрено его высочеством (Ибрахим-ханом). Он приказал, чтобы победоносные воины // *[175 а]* отряд за отрядом направились бы [туда] по горам и долам.

В это время довели до высочайшего слуха, что позади есть башня, которая имеет высоту в пять *зар*, и часть лезгин находится в этой башне. Согласно приказу его высочества [Ибрахим-хана] было поручено Мухаммад-Кули-хану, *биглярбеку* Ширвана, напасть с его газиями на ту крепость и захватить ее. Во исполнение приказа его высочества с рассвета до захода солнца штурмовали ту крепость. Двенадцать человек лезгин, которые сидели в этой башне, убили {букв. «бросили на землю унижения»} около четырехсот человек ширванских молодцев. Когда кончились пули у тех людей (лезгин), они спустились с вершины башни с мечами в руках и атаковали [кызылбашей], [они] боролись до тех пор, пока не были зарублены мечами. Ширванские воины со склона той горы вернулись в свои укрепления.

В это время Ибрахим Диване и Халил лезгин узнали о продвижении его высочества и так порешили со своими предводителями и племенными вождями: «Если кызылбашское войско продвинется с тыла и захватит вершину горы, то поставит нас в тяжелое положение и нас погубит {букв. «заполнит наши черепа землею»}. Первым делом, уповая на Бога, в полночь пойдем и захватим дорогу между укреплением и летовкой. Во время прохода победоносного войска уничтожим его смертельным обстрелом с двух сторон. // *[175 б]* Если все мы будем убиты или попадем в плен, в этом случае мы не увидим, как пленят наших жен и детей».

В тот день предводители, племенные вожди и старейшины племени Джара и Теле выбрали примерно семьсот прославленных стрелков, которые огненными пулями в темную ночь могли попасть в чешуйку змеи. Они отделились под начальством Ибрахима [Диване] и Халила. Попрощавшись с племенем и родом, в ту темную ночь [они] направились на то великое дело. Войдя в леса, которые были на пути Ибрахим-хана, [джарцы] засели в засаду. Они находились там, пока не прошли по склону горы грузинские и ширванские войска и воины [племен] *мукадам, думбули* и прочие. По небесному предопределению и вечному року ни один кызылбаш их не заметил, хотя они сидели у прохода. После прохождения упомянутых войск хорасанские *джазаирчи*, несколько ханов и предводителей во главе с Ибрахим-ханом вступили в те горы и стали спускаться. Когда они дошли до середины тех каменистых гор, внезапно с двух сторон [сидевшее в засаде] удачливое сборище начало стрельбу. Хорасанские *джазаирчи*, [ничего] не видя, также приготовились к стрельбе. Сражение началось {букв. «загорелся базар сражения»}. Каждая стрела, которая вылетала из рук лезгин, // *[176 а]* поражала грудь одного или двух хорасанских храбрецов. Сколько Ибрахим-хан и его предводители высокого дивана ни бросали взглядов по сторонам, они ничего и никого не видели, кроме пуль, которые сыпались подобно каплям весеннего дождя. Со всех сторон сыпались на них стрелы внезапной смерти, попадающие в грудь и бока смельчаков. Его высочество (Ибрахим-хан) понял хитрость лезгин и стал побуждать хорасанских *джазаирчи* к сражению. Они стреляли, никого не видя, но пользы от этого не было: то хитрое племя стреляло из-под деревьев и с деревьев.

Когда люди того порочного племени (лезгины) заметили слабость и беспомощность победоносного войска, они осмелели {букв. «шагнули смелостью вперед»}, и сражение разгорелось {букв. «базар сражения»} [вновь], начался рукопашный бой. Иногда прославленные храбрецы, воины веры, крепко взяв мечи, сверкающие, как молнии, в руки, подобно драконам, гнали противника в леса и рощи. Иногда же прославленные богатыри превосходили *газиев*, побеждающих львов, и

поражали их грудь стрелами. Души смертельно раненных воинов в соответствии с их сущностью шли в рай или попадали в ад.

В разгаре этой схватки Ибрахим Диване узнал его высочество (Ибрахим-хана) и послал в его сторону смертельную пулю. По божьей воле и вечному предопределению та пуля попала в голову его высочества и ранила его. Другая пуля попала в знаменосца, и он, опрокинувшись, покатился. В это время Огурлу-хан, правитель Гянджи, подбежал к его высочеству и закричал: «Да стану я жертвой ради тебя! Не место // *[176 б]* [здесь] стоять, ударь скакуна кнутом и скачи в [укромный] угол, так как враг хитростью и обманом сделал свое дело». Его высочество (Ибрахим-хан) сказал: «Да покроет земля мою голову, если я живой убегу с поля битвы». Огурлу-хан настаивал, как вдруг другая пуля попала ему в грудь и прежде чем отдать душу создателю ее, [он] сказал своему брату Хасан-Али-хану: «Ты выведи его высочество, если, не дай Бог, что-либо с ним случится, то завтра от великого гнева *сахиб-кирана* сгорят все области Азербайджана. В это время еще одна пуля попала в лоб Хасан-Али-хану, и он был убит. Каждый предводитель и племенной вождь, который подходил к его высочеству, говоря, что здесь не место оставаться, не достигал цели. [Ибрахим-хан] перестреливался с врагами, воодушевляя храбрецов на битву.

На другой стороне Ибрахим [Диване] и Халил смело выступили вперед и напали на кызылбашских воинов. В это время пуля попала в руку его высочества, и он содрогнулся, другая пуля попала в коня, и [конь] свалился. Увидев это, Ибрахим Диване вторично выстрелил из смертоносного оружия. Пуля попала в грудь Ибрахим-хана и прострелила его насквозь. Ибрахим-хан прислонился к дереву и попросил глоток воды. Тогда Али-хан-бек *минбаши*[117] дал ему чистой воды. Не отпив и глотка, Ибрахим-хан отдал душу ее создателю.

Кто пришел на этот свет, не вечен,
Тот, кто существует вечно, – Бог.

Это произошло в месяце ша'бана 115 г. х.[118] В тот тягостный день страх перед смертью вселился в крепкие тела славных воинов и храбрецов высокого кортежа, и увидели они себя в // *[177 а]* пучине смерти. Прежде чем умереть {букв. «сравняться с черной землей»}, [они], считая жизнь благом, много скорбели о прежнем своем существовании. Повернувшись спиной к сражению, [они] избрали путь спасения [бежали]. Лезгинские воины в тот день коварным ударом меча рук богатырей бросали их на землю уничтожения. По вечному предопределению и по велению судьбы такое огромное и гордое войско было побеждено и унижено, и каждый из этого войска побежал в сторону и обратился к спасению. В тот свой счастливый день лезгинские крокодилы пучины боя убили большое число хорасанских *джазаирчи* и *туфангчиев*[119], а для кызылбашей тот день был несчастным закатом.

Часть войска еще до прибытия [войск] Ибрахим-хана по склону горы пришла в свой лагерь и узнала о поражении Ибрахим-хана. Тогда Мухаммад-Керим-бек, *ишик акаси баши*[120] афшар, который был назначен Ибрахим-ханом [на командование], двинул войско к берегам Аракса. Лезгины, преследуя их, захватили имущество, которое было брошено в лагере. [Лезгины] шли по следам того войска, желая, если окажется возможным, еще раз напасть на него. Однако [им] это не удалось. Упомянутый Мухаммад-Керим-бек, благодаря [своему] таланту и умению руководить войском, все же прибыл к берегу названной реки [Аракс]. По пути Хан-Джан, правитель Грузии, направился со своими войсками в сторону горы Эльбрус. Многие дербентцы и ширванцы не поладили с Мухаммад-Керим-беком, они повернули поводья недоверия и пошли в сторону своих провинций и жилищ. Тот прославленный [Мухаммад-Керим-бек] в сопровождении Самад-бека Тебризи, туркменских воинов, воинов племени *мукадам* и прочих хорасанских *газиев*, перейдя ранее упомянутые реки, прибыл к месту переправы.

Здесь некоторые вплавь, а другие по мосту // *[177 б]* перебрались со своими конями на другой берег, где войско оставалось в течение четырех-пяти дней, ожидая отставших. Однако очень многие в реках Акричае, Каникчае, Араксе и Куре стали добычей рыб и жертвой водоворота божьего гнева.

Лезгины же, одержав явную победу, захватили тело Ибрахим-хана, положили его в самшитовый гроб и назначили несколько хафизов, которые читали над гробом Коран. Затем Ибрахим Диване с тысячью человек направился к берегам Аракса, а Халил с предводителями и племенными вождями лезгин захватил обоз и снаряжение кызылбашского войска, которые находились в Каке (Кахе). В лесах и пещерах, где бы они ни встретили кызылбашских воинов, их убивали. Однако еще в то время, когда Мухаммад-Мумин-хан Кулар Акаси был *биглярбеком* Ширвана, поймали примерно шестнадцать лезгинских предводителей и племенных вождей и послали в обитель власти Тебриз к его высочеству Ибрахим-хану. Там [их] взяли под стражу и посадили в оковах в тебризскую каменную тюрьму. Ибрахим Диване послал несколько человек своих *кедхуд* к Мухаммад-Кериму и велел им сказать: «Если наших шестнадцать заключенных освободите, мы отдадим вам тело Ибрахим-хана, в противном случае тело Ибрахим-хана будет сожжено». Кызылбашские предводители в ответ написали: «Самовольно мы не можем выдать заключенных, но если вы захотите золота в количестве, равном весу тела [Ибрахим-хана], на этом поладим». Казна и подвалы [Ибрахим-хана] были открыты и подняты. Однако лезгины это [предложение] не было принято. В конце концов,

[кызылбашские предводители] сказали: «Подождите, пока мы доложим об этом *сахиб-кирану* времени (Надиру)». С таким решением лезгины вернулись обратно.

[Что же касается] шестнадцати заключенных, которые по небесному предопределению находились в заключении в Тебризе, то некто по имени Ахмад из племенных вождей // *[178 а]* местности Кирам и Киак вызвался пойти освободить упомянутых заключенных и вернуть их. По прибытии в обитель власти Тебриз он [Ахмад] нарядился в одежду купца и на площади *Сахиб-оззамана*[121] остановился в одном караван-сарае. Ткань, которую привез с собой, он продал, а взамен купил быстроходных коней. Несколько раз под пятницу он приносил немного еды в тюрьму и отдавал тюремному смотрителю, говоря: «Раздай ее узникам и попроси их молиться за меня». Он вошел в доверие и попросил разрешения осмотреть внутренность тюрьмы. Сторож беспрепятственно открыл дверь, и тот изворотливый человек вошел в тюрьму. Во время осмотра бросил в подол одного заключенного напильник и письмо, и сам вышел. Заключенные узнали его тайну, распилили ночью свои цепи и оковы и ждали, каким образом [он] и под каким предлогом их освободит, так как стены и двери этой тюрьмы были из черного камня [песчаника]. Тот обманщик [Ахмад], закончив свои дела, в полночь пришел к задней стене тюрьмы, сделал подкоп и, доведя его до середины тюрьмы, провел через тот ход тех шестнадцать человек. В ту же ночь на быстроходных лошадях они покинули крепость и стены Тебриза и направились к своей цели [на родину].

На следующий день на закате смотритель тюрьмы открыл дверь, чтобы дать хлеб и воду заключенным, но не увидел их следа. Когда же [сторож] увидел подкоп, то от страха перед гневом его высочества (Ибрахим-хана) решил бежать и направиться в сторону Арзрума[122]. В это же время // *[178 б]* пришло известие о поражении и гибели его высочества.

Между тем лезгинские предводители прибыли домой {букв. «к своей цели»}, и джарцы узнали об этом. После того как кызылбашские предводители сказали: «Мы доложим *сахиб-кирану* времени (Надиру), и какой приказ будет, так и будет сделано», джарцы вынули тело Ибрахим-хана из гроба и повесили на дерево вниз головой [говоря]: «Так как наши предводители в тюрьме, пусть его тело тоже страдает». После же прибытия своих предводителей они сожгли тело [Ибрахим-хана] и развеяли его прах по ветру.

Тем временем Мухаммад-Керим-бек, Самад-бек и прочие главари пошли по берегу Куры и, пройдя некоторое расстояние, дошли до города Гянджи. После этого места они покинули Хасан-Кули-хана, брата Угурлу-хана, и направились в обитель власти город Тебриз. После поражения они направили гонцов ко двору покорителя мира, которые доложили о происшедшем у подножия престола халифата. Упомянутые предводители пошли в обитель власти Тебриз, остановились там и приступили к исполнению траурных обрядов.

// *[178 б]* О том, как узнал его величество *сахиб-киран* (Надир) о гибели своего брата Ибрахим-хана, его сожаление, жалобы на вероломную судьбу. Отправление Амир-Аслан-хана в Азербайджан

Для помнящих эту грустную повесть и слушающих этот печальный рассказ пусть не останется тайной [следующее]. Когда счастливец эпохи и государь, покоряющий царства (Надир), завладел славным городом Пешаваром[123], на несколько дней он призвал этот невеселый мир к наслаждению и веселью. [Он] занялся питьем чистого вина со своими военачальниками, племенными вождями, особо близкими *надимами*[124] и избранными *сердарами*.

// *[179 а]* Внезапно Тураб-хан-бек Канджлу и Абдаллах-бек Зурабади, гонцы военачальников обители власти Тебриза, прибыли ко двору прибежища мира. Особо приближенные и верные *гулямы*[125] во время подачи вина доложили счастливцу эпохи, что прибыли два гонца из Азербайджана, на лицах которых видны печаль и горе. От выслушивания этих слов во время веселья у августейшей особы появилась печаль, грусть и слабость. Донесения гонцов выслушал Мехди-хан *мунши-аль-мамалек*[126]. Когда стали известны обстоятельства гибели Ибрахим-хана, слезы неудержимо полились из глаз Мехди-хана и [он] свернул донесения. Надир отпустил *сердаров* и приближенных бесподобного меджлиса. В узком кругу прочитал донесения Мухаммад-Керим-бека *ишик акаси баши*, Самад-бека и прочих азербайджанских военачальников, в которых было описано поражение и гибель Ибрахим-хана, и [Надир] узнал содержание каждого письма. *Сахиб-киран* не выдержал: он начал плакать от горя и печали по своему дорогому брату. Слезы сожаления текли из печальных глаз.

// *[179 б]* После долгих рыданий, стенаний и жалоб на несчастливую судьбу *амир сахиб-киран* вошел в свой шатер и провел ночь в скорби и печали. На следующий день, когда взошло солнце {букв. «когда сокол высокого полета показался во всей красе на вершине четвертого небосвода»}, *сахиб-киран* эпохи и государь, покоряющий царства, с кровавыми глазами и израненным сердцем вышел из своих покоев и сел на надиров трон. Допустив к себе великих военачальников и уважаемых племенных вождей, [он] сказал: «Дела областей Азербайджана таковы, что если описать сложившееся положение и события, это станет причиной смелости врагов и слабости большинства храбрецов, сокрушающих ряды [неприятеля]. Если мы направимся в Иран, то все кочевые племена в Индии, Белуджистане[127] и афганцы будут [нас] преследовать и не допустят, чтобы хоть один человек

ушел из этой страны к себе домой. Если же мы теперь, как это стало необходимо, согласно августейшему приказу, направимся на завоевание Хиндустана // *[180 а]* и пойдем дальше, не вступят ли в области Ирана румийцы[128] и злосчастные лезгины, не наступит ли великая смута, от которой не избавимся никакими способами?» Хасан-Али-Хан *моаййер-баши*[129] и Али-хан Бикадлу, которые были приближенными *надимами* и *мухаримами* небесноподобного собрания, доложили высочайшему августейшему порогу, что в Иранском государстве на престоле власти и удачи находится счастливый *навваб* небесного стремени Реза-Кули-мирза. Благодаря величию, могуществу и высокой звезде того прославленного (Реза-Кули-мирзы), Юлбарс-хан, падишах областей Хорезма[130], который пришел с воинами – узбеками, казахами, каракалпаками, калмыками, аральцами и кыпчаками к берегам реки Теджен[131] в Хорасане, не выдержал и, выбрав дорогу бегства, бежал.

Решение мирозавоевателя в то время утвердилось на том, чтобы привели Амир-Аслан-хана Кырхлу в высочайшее, излучающее свет присутствие. [Он] вручил [Амир-Аслан-хану Кырхлу] приказ об управлении областями Азербайджана и так постановил: «Амир-Аслан-хану, поспешая, направиться в Азербайджан и расположиться в обители власти Тебризе. [Там] потребовать к себе всех *мубаширов*[132] и правителей. Сделать смотр воинам каждой области. Большую часть времени весною проводить на летовках в селениях (округов) Гянджи, Карабага, Кукчи и летовках Иревана, а во время зимы оставаться в обители власти Тебризе. Если вражеские войска с какой-либо стороны пройдут, с помощью ханов и военачальников Азербайджана стараться их изгнать и показать тем самым свою верную службу мироукрашающей воле». Было дано много наставлений по части обороны и управлению *велаятами*, снаряжения // *[180 б]* войска и справедливого отношения к райятам.

[Амир-Аслан-хан Кырхлу] был отпущен от победоносного стремени и направился в Азербайджан. По прибытии в Кандегар [Амир-Аслан-хан] через Керман[133] прибыл в обитель власти Тебриз. И по данному ему высокому положению приступил к исполнению своих обязанностей.

// *[290 а]* Поднятие знамени *сахиб-кираном* с целью наказания Дагестана и происшествия, случившиеся в пути

Когда птица счастья и могущества Надира поднялась на вершину небосвода и луч солнца высокого счастья, достойного государя, стал освещать головы жителей земли, все мятежники и непокорные подчинились *хакану* мировозавоевателю (Надиру). После покорения Туркестана, умиротворения тех областей и приведения в порядок дел округов Хорасана, в те счастливые времена, когда [Надир] освободился от мятежников в хранимом царстве и подчинил непокорных в отдельных областях, [он] потребовал в светлейшее присутствие и принял великих *минбаши* и высокопоставленных предводителей. Дело в том, что бутон сердца *шахрийара*[134] был, подобно тюльпану, окровавленным и израненным из-за страданий и горя по своему возлюбленному брату. День и ночь проводил он в мыслях о мести и наказании жителей Дагестана. [Надир] объявил всем эту печальную тайну и скорбную весть [о гибели Ибрахим-хана].

Так сказал счастливый хан
Предводителям Ирана и Турана:
«Сердце мое в печали и обиде
На этот мир и голубой небосвод.
Если земли Хиндустана, Турана и Ирана
Я взял под свою власть, я завоевал весь мир,
[То] одним поворотом жестокой судьбы
Ибрахим-хан сделался несчастным и униженным.
Сейчас я так пожелал:
С огромным, бесчисленным войском
Вступить в царство Кумук (К-М-К) (Кумух),
Во все закоулки Капака (К-П-А-К) (Кайтаг),
К реке Каник.
Я выжгу новое клеймо[135] на той стране,
От того клейма огонь пойдет по всему миру,
Я сожгу ее [эту страну] пламенем гнева Страшного суда,
И станет день для лезгин подобно ночи.
Как Чингиз, разрушу все дома,
Чтобы рассказывали легенды [об этом] до дня Страшного суда».

Когда войсковые начальники и племенные вожди узнали о непреложном указе, // *[290 б]* все они поклонились до земли и начали восхвалять *хакана*, завоевателя мира (Надира). Предводители войска попросили снисхождения, украсили свои губы восхвалениями.

Когда *хакан* эпохи (Надир) узнал о смелости и самоотверженности *сердаров* и храбрецов, последовал непреложный приказ: «Открыть двери сокровищниц, уплатить победоносным воинам из казны годовое жалование и вознаграждение».

После необходимых приготовлений к тому славному походу [Надир] оставил своего достойного сына Насраллах-мирзу[136] в Мешхеде, поручив ему управление делами Хорасана, Хиндустана и Туркестана. *Навваба* Реза-Кули-мирзу и Имам-Кули-мирзу[137] [он] назначил в тот

славный поход. В месяце упомянутого года* [войско] пришло в движение и, делая переход за переходом, двинулось в сторону Дагестана.

По пути произошли следующие события. Первое случилось в ущелье Караели, в окрестностях Исфараина[138]. Так как была весна и время дождей, то победоносное войско останавливалось на летовках, у родников с проточнойной водой и на лугах. Тот привал был у входа в ущелье, возле высоких и недоступных гор и возвышенностей, среди зелени и клевера, около проточных вод. Большая часть победоносного войска остановилась там, имея с собой на пятьсот тысяч туманов добра. Внезапно по небесному предопределению загремела громом туча, и начался сильный дождь. С вершины в то ущелье хлынул поток.

// *[291 а]* Примерно шесть-семь тысяч человек и пять-шесть тысяч вьючных животных, все палатки и тенты, все упомянутое добро было унесено в пучину небытия. Малую часть воинов, устроивших свои стоянки на склонах и по краям [гор], пощадила смерть, они смогли спастись и уйти из того опасного места. Шатер мирозавоевателя находился в середине того ущелья на высоком холме, и вода дошла до подножья шатра. Несколько других палаток, которые были поставлены слугами и *гулямами* в окружении шатра Надира, тоже снес поток. В тот день мирозавоеватель поднялся на надиров трон и смотрел на поток. Приближенные халифского двора сколько ни говорили и ни настаивали: «Если вы подниметесь на склон горы, будет лучше», счастливец эпохи совершенно их не слушал и смотрел на величие Бога и на вечно бессмертное могущество. Постепенно поток стал ослабевать и наконец кончился. В тот день погибло несколько тысяч человек и животных, имущество, снаряжение и добро.

Немедленно было постановлено, чтобы часть победоносного войска занялась розыском снаряжения и имущества. Во время розыска было найдено немного добра и прочих вещей. Были извлечены тела утонувших и похоронены. Там пробыли два-три дня. Уйдя с того привала, направились в Астрабад[139]. Пишущий эти строки принял за плохое предзнаменование это событие.

Короче говоря, *хакан* эпохи (Надир) после перехода вошел в обитель правоверия Астарабад и несколько дней пробыл в тех краях. Снова придя в движение, он вышел оттуда и через Мазандеран[140] направился в Казвин.[141] По прибытии на стоянку между Сари[142] и Ашрафом[143] счастливый мирозавоеватель уединился.

// *[291 б]* [Надир] имел обыкновение ставить на протяжении одной мили стражников – *насакчи* и есаулов, чтобы они не допускали никого в место уединения. Если, не дай Бог, кто-либо попадал в место уединения, его убивали без всяких расспросов. В тот день *хакан*-

* В тексте год не указан.

мирозавоеватель с гаремом направлялся к своей цели, как вдруг из леса кто-то пустил пулю в грудь *сахиб-кирана* эпохи. По небесному предопределению и высокому надирову счастью и судьбе лошадь поднялась на дыбы и пуля попала в кольцо, которое держало уздечку, и ранила [лошадь]. Мирозавоеватель (Надир) упал [с лошади]. В это время Реза-Кули-мирза, который находился на расстоянии в половину майдана, и шел с гаремом и евнухами, с большой скоростью бросился к властелину эпохи. Как только Надир увидел Реза-Кули-мирзу, который быстро приближался [к нему], он закричал: «Удались! Скройся с моих глаз». Реза-Кули-мирза, когда увидел *хакана* эпохи (Надир) в здравии, осадил лошадь и остановился. Евнухи подбежали к *сахиб-кирану* и посадили его на лошадь. Владыка мира (Надир) доехал до того места, откуда стреляли, и сколько ни искал, не нашел и следа стрелявшего. Прибыв на стоянку, он скрыл в тот день это таинственное происшествие. Прежде всего [Надир] приказал высокопоставленным предводителям и *минбаши*: «Если в вашей части кто-либо сбежал, запишите его и доведите об этом до высочайшего сведения». По отдельности [Надир] вызывал тысячников, сотников и десятников и говорил им: «Если в вашей части есть человек высокого роста, смуглый, с лицом, тронутым оспой, // *[292 а]* худощавый, с небольшой бородой, растущей пучками, приведите его в высочайшее присутствие». Сколько ни искали, согласно непреложному приказу, такого человека нигде не обнаружили.

В это время Ширин-бек и Ака-Мирза, сыновья Дилавар-хана Таймани, довели до сведения *хакана* эпохи (Надира), что был у них слуга по имени Ник-Кадам с такими чертами и обликом. Он так был ловок в стрельбе, что темной ночью пулей попадал в чешуйку спины змеи, а в смелости и храбрости походил на Рустама и Исфандиара[144]. Но в эти дни сбежал, и неизвестно, в какую сторону подался. *Сахиб-киран* эпохи послал курьеров и строгих, жестоких гонцов в области царств Ирана, Туркестана и Индии. Он (Надир) также разослал отдельные приказы *хаканам*, чиновникам (*оммал*), управляющим (*забет*) и *калантарам*[145] каждой местности с описанием его (преступника) внешности, чтобы они разыскали того человека, заковали его в оковы и отправили к мироукрашающему двору. Согласно непреложному приказу упомянутые люди (курьеры и гонцы) направились в богохранимые области. Отдельный приказ был послан Пиран-хану, правителю Герата[146], и Мухаммад-Касем-беку, *вакилю*[147] данного грода. Там было приказано так: идти в Карджистан[148] и если этот человек (преступник) будет там, любым способом доставить его к мироукрашающему двору. Когда благословленный приказ достиг Касим-бека афшара, *векиля*, пришел некий человек, который имел вражду с Ник-Кадамом, и сказал: «Прибыл некто по имени Ник-Кадам из небесно-

подобного лагеря *сахиб-кирана.* На стоянках, которые были пастбищем для кочевников, [Ник-Кадам] за червонное золото покупает вьючных животных и скот, делая большие заготовки».

Касем-бек, услышав это хорошее известие, // *[292 б]* тотчас же, взяв около пятидесяти-шестидесяти молодцов, подобных Рустаму, стремительно направился в те пределы. После перехода, когда прибыли в ту местность, нашли его (Ник-Кадама) в палатке. Он отдыхал там в одиночестве. Его окружили со всех сторон, заковали в тяжелые цепи и оковы и направились в Герат. Там (в Герате) кто бы тогда его (Ник-Кадама) ни спрашивал: «Этот твой поступок по отношению к *сахиб-кирану* (Надиру) эпохи был сделан тобой по глупости или это проявленние смелости?», тот человек мужественно отвечал: «Смерть его (Надира) пощадила потому, что моя пуля не попала, иначе он должен был сравняться с землей, а я бы стал владетелем страны». В конце концов, из обители власти Герата в сопровождении гонцов его отправили к мироукрашающему двору, и в Ширване его привели к счастливцу эпохи (Надиру). *Хакан* мира (Надир) потребовал, чтобы Ник-Кадама привели в личные покои. [Надир] поклялся Богом [Ник-Кадаму]: «Если скажешь правду и сообщишь истину, я не буду тебя убивать, иначе я предам тебя смерти посредством страшных пыток и неслыханной жестокости». Когда [Ник-Кадам] убедился, что, если он скажет правду, его освободят от смерти, он сказал: «Да буду я жертвой твоих зорких глаз, которые в таком состоянии рассмотрели мою внешность! Дело было так. Этот слуга [я] дружил с *гулямами наввабa* Риза-Кули-мирзы и неоднократно в присутствии мирохранимого *навваба* (Риза-Коли-мирзы) стрелял и получал подарки и похвалу. Он неоднократно мне говорил: «Если попрошу тебя о службе, ты сослужишь?» Я отвечал: «Если потребуешь головы моих детей, // *[293 а]* я принесу их тебе». Когда он удостоверился (во мне), повел меня в личные покои. При этом деле присутствовали Мухаммад-Хусейн-хан каджар, Рахим-Султан мерви и еще два афшарских предводителя. Он (Реза-Кули-мирза) сказал мне: «Сможешь убить *сахиб-кирана* во время езды?» Я немного подождал и сказал: «Если случай подвернется, не упущу». Предводители сказали: «В это время (знамя величия и славы) [Надир] возвращается из Хиндустана и на этих днях войдет в Герат. Если по дороге по нашему желанию устроишь дело, то все дела правления перейдут к нам. Восемь с лишним лет жители Ирана служат при его дворе, но после этого ужасного события люди растеряются». Этот бедный [я] направился в Мешхед и в окрестностях Фарраха присоединился к победоносному стремени. По пути, сколько ни искал случая, мне не посчастливилось. Из Герата вернулся в Мешхед и рассказал обстоятельства высочайшему *наввабу* (Рза-Кули-мирзе). Он сказал: «Может быть, в местности Маручака[149] сделаешь свое дело?»

По воле судьбы в те дни я заболел и приблизился к смерти. Счастливый *навваб* направился к священному стремени, а мне сказал: «Когда ты выздоровеешь, должен направиться к победоносному стремени». Я все был прикован к постели, когда победоносный кортеж после завоевания Туркестана вошел в Мешхед. Высочайший *навваб* (Реза-Кули-мирза) вызвал меня к себе и рассказал о несправедливости и о том, что у него отняли *мулязимов* и лишили доверия. [Он] так жаловался, что я заплакал от его сердечной боли и сказал: «На этот раз я // *[293 б]* сделаю то дело». [Я] всюду его (Надира) подстерегал, пока не выстрелил в него на стоянке между Ашрафом и Сари, но так как смерть пощадила *сахиб-кирана* (Надира), пуля моя прошла мимо. Ныне по превратности судьбы я попал в руки *сахиб-кирана*». Могущественный *хакан* задумался и сказал: «Почему сын должен так поступать с отцом? Уверен, что Реза-Кули-мирза хотел убить меня. Ведь еще до недостойного поступка Ник-Кадама жители Ирана говорили подстрекательные слова в отношении Резы-Кули-мирзы». Было приказано высокому *навваба* (Реза-Кули-Мирзе) со слугами и людьми остаться в городе Тегеране, не входить в дела вилаятов и пребывать на месте. Группе своих близких [Надир] наказал, чтобы не позволяли ему (Реза-Кули-мирзе) самовольно ездить и чтобы они охраняли его. Было приказано вырвать глаза у Ник-Кадама, и было поручено слугам охранять его, а знающим врачам – заняться лечением его глазниц. Владыка эпохи пришел к мысли найти и казнить тех, кто в этих делах и замыслах был вместе с сыном*.

// *[293 б]* Нечто об истинном положении Гани-хана афганца в Дагестанской области. Всеобщее избиение жителей Джара и Теле

Постоянно высокие *хаканские* помыслы посвящались великому делу завоевания стран, и всегда достойное *сахиб-киранское* желание направлялось к достижению великого успеха. Так как основатель и организатор и знающий дело завоевания стран не имел никакой корысти кроме укрепления мусульманской веры и приведения в порядок дел управления государством, // *[294 а]* куда бы он ни направлялся, на первом же привале счастливое, победоносное войско устраивало церемонию встречи счастливому кортежу (Надира).

Когда перо мысли расписывало на странице души [Надира] какое-либо желание, то ему ярко представлялось его исполнение. Когда мысль падишаха, завоевателя стран, освободилась от завоевания стран Хиндустана и Туркестана, то по прибытии в Надир-Абад[150], известный как Кандагар, он (Надир) потребовал в свое светлейшее присутствие

---

* В тексте: «вместе с сыновьями».

Гани-хана, афганца из племени *абдали*[131], который в то время был одним из главнейших эмиров счастливого стремени. [Надир] дал ему примерно двадцать тысяч воинов афганцев и *белуджей* и еще прибавил к ним двадцать тысяч из воинов Азербайджана и сказал: «Твоя искренность и преданность этому дому доказана, наша августейшая особа рассматривает тебя как брата. В окрестностях Джара и Теле убит Мухаммад Ибрахим-хан. Ты должен с победоносным войском [пойти] и отомстить за смерть моего брата, разумеется, проявив стойкость и самоотверженность, чтобы получить славу в этом мире и у потомков, оставив славное имя в этом мире, и посеять семя добра в сердцах неприятеля. Так накажи то племя, чтобы это стало уроком для мятежников и смутьянов в каждой области».

Упомянутый Гани-хан повиновался {букв. «положил руку согласия на глаза»}. В счастливый час он был отпущен от победоносного стремени и направился в Азербайджан. После множества проходов [он] вступил в Азербайджан. В окрестностях Гянджи [Гани-хан] устроил стоянку {букв. «остановился поднял знамена славы и величия до высоты небосвода»}. Со всех сторон он вызвал войско тех пределов и сделал смотр победоносным воинам. [Гани-хан] устроил переправу через реку Куру и отсюда направился в Как (К-А-К), одно из владений лезгинского малого уцмия, который был в подчинении *сахиб-кирана*. // *[294 б]* Упомянутый уцмий поспешил навстречу высокоуважаемому *сердару*, и все услуги, какие были нужны, [он] исполнил. *Сердар* восстановил крепость покойного Ибрахим-хана и поместил в той крепости войска. С войском, подобным Страшному суду, [Гани-хан] направился в Джар. Когда жители Джара узнали о прибытии Гани-хана, они совершенно не допустили мысли о страхе, не переселили своих семей из тех крепостей [где они находились] и мыслили так: «Мы разбили Ибрахим-хана, который был братом Надира эпохи. Гани-хан афганец по сравнению с ним ничто. Когда к нам приблизится, в один час истребим его» Они напустили на себя такую удивительную гордыню, что не боялись дня сражения и не думали о позоре и стыде, занимаясь своими делами. В это время несколько человек прибыли из Ак-Бурджа и довели до сведения предводителей [дагестанцев], что на их землю вступило афганское и кызылбашское войско. Предводители постановили так: Ибрахиму Диване с тысячью пятьюстами хороших стрелков пойти и спрятаться в том ущелье, в котором разбили Ибрахим-хана, и во время вступления [туда кызылбашей] дать сражение. Ибрахим Диване, как было предусмотрено, засел в том ущелье в засаду и начал ждать прибытия упомянутых воинов. Однако по небесному предопределению он был беспечен и не знал, что обманщики мира всегда должны быть в страхе за свои деяния и всегда подвержены гибели. Тот, кто обманывал себя хитростью, не думая, губил себя.

На другой стороне высокий *сердар* разделил на четыре отряда свое победоносное войско и в каждом отряде назначил по две тысячи человек караульными.

// *[295 а]* Коней этих воинов оставили в Ак-Бурдже, и все вступили в те горы пешими. Когда прошли немного пути, появилось несколько караульных, которые находились в лесу, и они доложили *сердару*: «На склонах этой горы, в лесу спряталась часть пеших стрелков, и они ждут прибытия победоносного войска». *Сердар* Гени-хан улыбнулся и сказал: «Лезгины вспомнили прошлое и захотели опять применить хитрость и обман, чтобы таким образом снова найти дорогу к спасению, но сегодня я им причиню такое страдание, что потом они в сказаниях будут говорить о нем». Немедленно [Гани-хан] разделил своих пехотинцев на группы и послал их во все стороны этой горы, чтобы они поднялись на возвышенности [и начали стрелять], подобно огню на ветру и сверкающей молнии. Когда лезгины увидели себя окруженными и поняли, что обречены на гибель этими потоками, они захотели вернуться по тому же пути, по которому пришли. В это время белуджские стрелки стали посылать смертоносные пули им в спину. Когда лезгины захотели пойти в другую сторону, сверху, стреляя в них, не дали им пощады афганские стрелки. Куда бы [лезгины] ни направлялись, везде попадали в пучину бедствия. С одной стороны той горы было очень длинное и глубокое ущелье. Лезгины от охватившей [их] тревоги, в приступе безмерного страха от нападения войска [кызылбашей] бросались в то ущелье. Они разбивались и отдавали душу ангелу смерти (Азраилу). Со всех сторон путь им был прегражден, поэтому поневоле они бесполезно метались и, в конце концов, все были убиты. Немногие из них, охваченные великим страхом, достигли Джарской области // *[295 б]* и уведомили жителей той страны об обстоятельствах дела. Все они разволновались и расстроились. После долгих переговоров, совещаний и советов [они] решили так. Еще раз собрать десять-двенадцать тысяч лезгин, вступить на вершину той горы и встретить афганских воинов.

Однако, на другой стороне, когда Гани-хан афганец увидел свою явную победу, он принес Богу усердное благодарение и приказал своим воинам: «Если кто-либо займется грабежом, я отрублю его голову и разлучу душу с телом». Ту ночь [Гани-хан] провел на склонах тех гор. Он пожелал, чтобы воины, которых он оставил внизу ущелья, также поднялись на ту гору. В это время караульные довели до сведения упомянутого *сердара*, что прибыли лезгины с большим числом людей. С одной стороны афганские воины и *белуджи*, с другой стороны азербайджанское войско под командованием Хасан-Кули-хана, правителя Гянджи, преградили путь тому племени, и между ними возникло ожесточенное сражение. [Однако] описание этого сражения

стало бы причиной многословия и скукой для всех и каждого. Пламя сражения и битвы так разгорелось, что Марс на лазурном небосводе закусил палец удивления зубами размышления и восхвалял [битву]. В тот смутный день Ибрахим Диване и некто по имени Халил, Хаджи Ша'бан, и некто по имени Ра'фи и многие другие из знаменитых предводителей от ударов афганских стрел отдали душу ангелу смерти (Азраилу). Воины Азербайджана, которые боролись с лезгинами, также нанесли им страшное поражение. Лезгинские воины, когда увидели своих предводителей павшими, а себя бессильными, поневоле разбежались {букв. «направились в долину бегства»} и рассыпались», подобно звездам // *[296 а]* Большой и Малой Медведицы. По приказу упомянутого *сердара* (Гани-хана) его воины преследовали тех людей (лезгин). Они оставили [после себя] убитых измученных людей в горах, на склонах и холмах. В тот день, пока не зашло солнце, избивали лезгин. Малое число [лезгин] дошло до укреплений, и [они] уведомили тамошних жителей о происшедшем. Все они от ужаса и страха перед победоносным войском вместе с семьями направились в пустыню бегства.

Однако [что было] на этой стороне? Могучий *сердар* провел ту ночь на месте битвы. На следующий день, когда поднялось солнце, освещающее мир, [кызылбаши] двинулись с той стоянки и направились в Джар и Теле. [Гани-хан] вступил в те места, когда жители Джара и Теле снимались со своих мест. Некоторые уже были на горах и склонах, а другие задерживались из-за вещей и пожитков. Победоносные воины приблизились к ним и, не теряя времени, уповая на божью милость и счастье *сахиб-кирана*, протянули руки к шашкам и начали убивать то племя. Лезгины не видели пути [спасения], за исключением разлуки с жизнью. В течение двух часов несколько тысяч мужчин и женщин были убиты. Часть лезгин, которые добрались до гор, попрятались в лесах и ущельях, но всех, кого в ту ночь и в тот день находили в укреплениях, убивали. Несколько дней [Гани-хан] пробыл в том месте и разделил между победоносными воинами имущество и пожитки жителей Джара и Теле.

Когда достойные помыслы [Гани-хана] успокоились относительно злокозненных действий того племени, он разделил примерно двадцать тысяч человек на четыре отряда и приказал просмотреть все места и округа Джара и Теле и, если обнаружится какое-либо семейство, то не воздерживаться от его убиения. По приказу высокопоставленного *сердара* отряды обыскали на двадцать миль вокруг и // *[296 б]* убили всех обнаруженных лезгинских жителей. Получив удовлетворение в этом отношении, отряды прибыли [к Гани-хану]. По приказу *сердара* построили на тех горах несколько башен из голов. Об этом послали письменное донесение справедливому *хаканскому* двору

и стали ждать ответа. В это время прибыли гонцы с приказом возвращаться в Ширван. По непреложенному приказу выступили из тех мест и направились в те пределы [Ширвана]. Часть людей, которые были в том походе, по приказу Гани-хана посадили жен и детей лезгинских предводителей на верблюдов без седел задом наперед и повезли их перед своим отрядом. Несколько тысяч лезгин были брошены в огонь и сожжены. Такого избиения и грабежа в Дагестане не происходило ни в каком веке.

В конце концов, в окрестностях Шемахи [Гани-хан] удостоился чести целования *хаканского* ковра и был безмерно обласкан шахиншахскими милостями.

// *[296 б]* Поднятие знамени *сахиб-кираном* с целью покорения Дагестана. [Его] сражения в тех краях с жителями Табасарана и рассказ о победе [Надира] с помощью милости божьей

Когда его величество мирозавоеватель (Надир) с войском, подобным волнующему морю, делая переход за переходом, направился в Азербайджан, то по прибытии в Ардебиль [он] потребовал к победоносному стремени всех правителей и владетелей указанной области. Сделав смотр азербайджанским воинам, он приказал чиновникам и владетелям каждой области направить для победоносных войск продовольствие в Дагестан на вьючных животных. Нескольких чиновников данной области [Надир] казнил и имущество их конфисковал. Отсюда [Надир] // *[297 а]* направился в Ширван. По прибытии в те края [Надир] назначил в Демур-каби[152] примерно десять тысяч *мулязимов* стремени во главе с Мухаммад-Али-ханом Кырхлу, которые прибыли в те пределы.

Лезгины узнали о прибытии *сахиб-кирана* и между собою так решили: «Лучше будет, если мы группу предводителей в качестве послов с покорностью и послушанием направим к победоносному стремени. Может быть, [Надир] не вступит в страну Дагестан и наши деяния не сочтет бывшими и вернется обратно». Некоторые же говорили: «Мстя за кровь своего брата, ни одного из нас не оставит в живых». Каждый говорил что-то. В конце концов, решили так: отправить группу людей к победоносному стремени и доставить многие дары и подношения. Лезгинский шамхал, уцмий, Муртаза-Али, сын Сурхая*, и несколько других знатных [дагестанцев] в Шемахе удостоились чести целования порога и сделались гордыми и высокомерными вследствие безграничной шахиншахской милости. [Однако] его величество мирозавоеватель не захотел выслушать их пустые слова и сразу отправил

* В тексте – Сурхаб.

обратно. [Сам] же решил так: «Пусть все вернутся в свои края, а Сурхай и большой уцмий, их падишах и повелитель, должны удостоиться целования порога [Надира] в округе Демур-каби». Те люди [дагестанские посланцы] этим воспользовались и ушли от победоносного стремени. Они прибыли к Сурхаю и доложили шамхалу о встрече и *сахиб-киранских* милостях. Некоторые зловредные люди сказали ему: «Поступки уникума эпохи [Надира] хитры и коварны. Намерения его таковы: когда высокопоставленный падишах шамхал и Сурхай явятся к нему, [он] их пленит, подчинит всю страну Дагестан и произведет всеобщее избиение». Сурхай и прочие // *[297 б]* предводители решили бороться и биться, избрав мятеж своим помыслом. Прежде всего было решено: примерно пятидесяти тысячам *туфангчи* преградить проходы и вход в ущелья и установить охрану. Сам же [Сурхай] послал людей во все города Дагестана вплоть до округов татар и аваров, чтобы прибыли со своим войском. Свою семью и пожитки [Сурхай] поместил в надежных крепостях, сам же решил сражаться. Об этих действиях в окрестностях Дербента старательно доложили высокому светлейшему *хаканскому* порогу.

Когда эта картина запечатлелась в зеркале светлой души [Надира], которая подобно чаше отражает происходящие события, [он] направил [свои] высокие помыслы на подготовку к походу для захвата страны Дагестан. С местности Самурчай[153] [Надир] направил поводья движения в Чирак[154] в середине месяца**. В том месте прибыли к священной особе (Надиру) с покорностью и послушанием М'асум-хан, Киан-хан Курели, Сафи-Кули-хан*, Хаджи Новруз Огурлу, Нугай, Аслан-бек, Мехди-бек, Махмуд-бек табасаранец**. Все они обещали до конца своей жизни самоотверженно служить священной особе Надира, предоставлять ему, сколько бы он ни пожелал, воинов и заложников. С этой целью они отправили группу *сахиб-киранских йасаулов*[155] и воинов со своими *кедхудами* к своим племенам, чтобы они первым делом на своих вьючных животных перевезли продовольствие для победоносного войска в высочайший лагерь. Упомянутые предводители остались на службе у Надира.

Когда *кедхуды* прибыли к своим родам и племенам, [они] отправили во все концы сборщиков налогов, чтобы добыли и приготовили продовольствие для победоносного войска. Едва слух о сборщиках распространился повсюду, люди послали большое количество зерна и бессчетное число баранов // *[298 а]* ко двору прибежища мира. Когда искренность и преданность предводителей стала явной мироукрашающей воле, [он] всех их освободил с тем, чтобы пошли и успокоили остальных предводителей и привели их ко двору мирозавоевателя. По непреложному приказу *сахиб-кирана* упомянутые предводители успокоили свои племена и народы убедительными доводами, обнадежили их милостью и щедростью *сахиб-кирана* и [таким образом] вернули их к достойной службе. Часть лезгин, известная под названием табасаранцев, была зловреднейшей из упомянутого племени. У этих табасаранцев было два предводителя, один из которых звался Каранаф[156], а другой – Кади-хан[157]. У каждого из них было под властью тридцать тысяч лезгинских семей. В это время некоторые из предводителей [которые были у Надира], пошли и успокоили предводителей табасаранского племени многими доводами и бесчисленными обещаниями и доставили их с большими подношениями и подарками к победоносному стремени владыки эпохи. Они удостоились чести целования престола и были возвеличены шахиншахской милостью. Те два предводителя в присутствии шахиншаха эпохи заверили, что приведут к мироукрашающему двору все племена и народы Дагестана. Ежедневно они отправляли своих людей во все города. *Кедхуды* и старейшины [Дагестана] толпами прибыли к победоносному стремени. Когда Ма'сум-хан был отпущен от победоносного стремени и возвратился в свои края для поставки продовольствия и *мулязимов*, упомянутому хану было сообщено о прибытии Каранафа к *сахиб-киранскому* стремени. Между теми двумя людьми с давних времен была неприязнь. От гнева и зависти, как бы мирозавоеватель не проявил к нему (Каранафу) внимание и милость и не сделал бы его владетелем тех мест, он (Ма'сум-хан), нагрузив две-три тысячи // *[298 б] харваров*[158] зерна, с некоторыми подношениями и дарами явился к победоносному стремени. Несколько дней *хакан*, покоритель мира (Надир), пробыл в тех пределах в ожидании, не прибудут ли шамхал и Сурхай к победоносному стремени. Каждый день он отправлял строгих и суровых сборщиков к лезгинскому племени для доставки продовольствия и заложников.

Когда лезгины узнали о предстоящем переселении, страх и ужас овладел ими: «Не потребует ли теперь двух тысяч заложников, а когда подчинит всех целиком, то не отправит ли большую часть из нас в Хорасан? Лучше будет, если мы доберемся до неприступных укреплений, прибегнем к защите тех мест и будем там сражаться. Может быть, и не будем изгнаны из исконной родины в малоизвестную страну».

Примерно в это время прибыли гонцы от шамхала, как на лезгинском языке называют падишаха, и объявили и: «Нам стало известно, что вы также вошли в подчинение и повиновение уникума эпохи [На-

---

** Над словами «направил поводья в сторону» между строками другим почерком написано: «в середине месяца 1154 г.х.» (т. е. в 1741–42 гг.)

* После этого имени поверх строки другим почерком добавлено еще одно имя – Хасфулла-хан шамхал. Их последующего текста видно, что шамхал Хасфулла к Надиру не являлся.

** После этого имени добавлено слово «Каракайтагский».

дира]. Если сказанное правда, то так взыщем с вас за это, что это станет назиданием всем жителям мира». Когда упомянутое племя (лезгины) узнало о смысле фирмана шамхала [они] сказали: «Мы без его указа решили противиться *сахиб-кирану* эпохи и выступить против [него]». В тот же день написали во все концы своих округов: «В любом месте, где будут сборщики *сахиб-кирана* из племени кызылбашей, задерживать [их] и убивать». В те два-три дня несколько человек сборщиков, которые были назначены для доставки продовольствия и переселения семей, были убиты людьми упомянутого племени. Исключение составили несколько сборщиков, которые хорошо обходились с лезгинами: [их] раздели и пешими отправили в высочайший лагерь. Они доложили о положении дел мир покоряющему халифскому благоусмотрителю. От этих речей разгорелось пламя гнева шахиншаха, // *[299 а]* подобно пламени Страшного суда. [Он] сразу же приказал, чтобы убили Каранафа, Кубад-хана, Ма'сум-хана и еще несколько человек из почитаемых предводителей, также убили всех людей из того племени (табасаранцев), примерно пять-шесть тысяч человек, которые привозили продовольствие в лагерь.

Об этом событии стало известно во всех местностях Дагестана. Услышав об этом, мужчины и женщины того племени решили сражаться. *Хакан*, покоритель мира, приказал: «Так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула[159], лучше будет в первую очередь пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края. После этого [мы] выступим против других племен». Первым делом [Надир] приказал примерно двум тысячам человек из «хорасанских *джазаирчи* под предводительством Мир-Алам-хана, сына Исмаил-хана Хазима, тысячников Исмаил-бека и Заман-бека мешхедского пойти на табасаранское племя и занять вход в ущелье, чтобы не позволить ни одному человеку из того племени пройти в эту сторону. Упомянутые предводители по непреложному приказу вошли в ту землю и хотели вступить в те горы. Однако лезгины собрали своих людей и приготовились [к защите]. Примерно тридцать тысяч лезгин закрыли вход в ущелье, ожидая прихода победоносного войска. Вдруг взгляд их упал на войско, подобное Страшному суду. С обеих сторон стали искать сражения и посрамления [противника]. Прославленные *джазаирчи* старались подняться на вершину той горы, лезгинские воины им препятствовали. В тот день до самого заката солнца шла такая битва, что кровожадный Марс на голубом небосводе одобрил оба вой-ска и воздал им хвалу. // *[299 б]* От густой пыли, поднявшейся от этого сражения, потускнело солнце и направилось к колодцу заката, и светлый мир превратился во мрак. С обеих сторон воспользовались этим, прекратили борьбу и вернулись в свои места отдохновения.

В тот скорбный день с обеих сторон большое количество людей было убито смертельными выстрелами. В кызылбашском войске многие молодцы были ранены. Так как противников было больше, чем кызылбашей, то предводители последних написали донесение по этому поводу и сообщили о положении противника. В ту же ночь то донесение довели до взора (Надира), подобного солнцу. Владыка эпохи назначил в помощь тем людям Хан-Джана, правителя Грузии, с подчиненным ему войском, которое насчитывало десять тысяч [человек]. На следующий день *сахиб-киран* с войском, подобным Страшному суду, также направился [туда], и когда лазурный небосвод посветлел от блеска солнца, оба жаждущих мести войска направились на место битвы. С обеих сторон началась смертельная стрельба. Каждый выстрел превращал в прах и [проливал] кровь какого-нибудь храбреца. Но лезгинские *мулязимы* с вершин тех гор одолевали кызылбашей, и каждая их стрела повергала на землю какого-либо молодца. *Газии-джазаирчи* поняли, что они попали в тяжелое положение. Однако с одной стороны этого ущелья они приметили высокий холм. Предводители кызылбашей так решили, чтобы Исмаил-бек с пятьюстами воинов вступил на тот холм и занялся строительством укрепления. Другие отряды тоже толпами пошли в ту сторону. Когда *джазаирчи* увидели два-три отряда, направляющихся в ту сторону, в одно мгновение все то войско снялось с места и // *[300 а]* устремилось к тому холму. Увидев врага в таком положении, лезгины сочли [это] за слабость и бегство. Все вместе со страшным криком [лезгины] спустились с гор и напали на упомянутых воинов. *Газии-туфангчи* не выдержали их натиска и отступили с тем, чтобы добраться до того холма. Лезгины окружили их и каждый раз, когда стреляли, повергали в прах не менее трехсот-четырехсот человек. Во время этого сражения и проявления бессилия кызылбашским войском неожиданно к этому войску подошел Хан-Джан, правитель Грузии, и оказал ему помощь и защиту. Лезгины прекратили бой и поднялись в горы, но большая часть [из них] стала мишенью смертельных выстрелов. Оба войска [кызылбашское и лезгинское] на вершине тех двух холмов остановились и построили для себя неприступные укрепления. В ту ночь лезгины несколько раз нападали на те укрепления, но возвращались без результата.

На следующий день, когда встало солнце и осветило все вокруг {букв. «когда прославленный всадник-солнце воссело на плавно ступающего коня – лазурный небосвод и выхватило из ножен сверкающую шашку»}, со всех концов Дагестана пришло много лезгин на помощь табасаранцам. Собралось огромное множество людей, так что вся гора, склоны ее и вся земля были полны пешими лезгинскими стрелками. Со своей стороны кызылбашские *газии*, уповая на Али и

Аллаха, вступили на поле битвы. С обеих сторон разгорелась битва {букв. «разгорелся базар битвы»}, и сколько кызылбашские молодцы ни старались, ничто не помогло [им]. Час от часу росло могущество лезгинского племени. В тот день, пока золотое небесное светило сияло на седьмом небосводе, те два жаждущих мести войска не щадили друг друга, *// [300 б]* и множество людей с обеих сторон было убито смертоносными выстрелами. Когда усталость овладела обеими сторонами, поневоле оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам. Но кызылбашские молодцы, среди которых было много раненых, ослабли духом. Они (кызылбаши) удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного племени (лезгин). [Кызылбаши] решили, что во время восхода солнца на востоке будут сражаться за укрепления. Но большой страх овладел ими.

Однако [что было] на другой стороне? В полночь лезгины спустились с вершины на склоны и со всех сторон окружили укрепления кызылбашей, подобно тому, как перстень окружает драгоценный камень. Кызылбашские *газии* хотели в ту ночь послать несколько человек к владыке эпохи и осведомить его о многочисленности лезгин, но они, окруженные со всех сторон лезгинами, не могли прорваться. На следующий день, когда взошло солнце {букв. «когда справедливый небосвод озарился лучами золотой шашки»}, кызылбашские воины вышли из укрепления спиной к стене и начали стрелять из мушкетов и самострелов. С другой стороны лезгины смертельными выстрелами из ружей каждый раз повергали в прах какого-либо храбреца. Битва продолжалась до полудня {букв. «Базар битвы продолжался до астрономического экватора»}, и поле битвы уподобилось месту Страшного суда. Положение кызылбашских воинов сделалось трудным, они уже потеряли надежду, как вдруг, по милости единого Бога, задул щедрый ветерок и показались победоносные *сахиб-киранские* знамена.

[Оказалось, что] дозорные отличили друзей от врагов и довели до августейшего сведения, что лезгины окружили посланное им войско. Пришло в движение пламя гнева, подобного Страшному суду, *// [301 а]* и последовал приказ Рахим-хану и Ага-хану узбеку с туркестанским войском и мечами и копьями в руках напасть на то войско, отмеченное знаком Страшного суда. С двух сторон разгорелась война {букв. «базар войны»}, и началось такое сражение, какого небесное светило никогда еще не видело, пребывая на лазурном небосводе.

После часа *// [301 б]* сражения победа перешла на сторону кызылбашей, и лезгины отступили {букв. «обратились в пустыню бегства»}. Во время той битвы примерно тридцать две тысячи из того племени были убиты. В тот счастливый день его величество *сахиб-киран* встал на усердную молитву и осчастливил ту стоянку своим пребыванием.

Отправка войска его величеством *сахиб-кираном* в Дагестан и поражение воинов владыки эпохи

На страницах душ красноречия и остроумия и в сознании правдивых открывателей скрытых тайн, подобно блистательному солнцу и сияющей луне, открылась истина, и всем стало ясно и очевидно [то, что произошло потом]. Когда *хакан*, покоритель мира, освободился от битвы с лезгинами, ко двору основы вселенной прибыло несколько раненых и искалеченных победоносных разведчиков, которые оставались дозорными на склонах гор и в ущельях тех мест. Они доложили вечному представителю власти (Надиру): «Из места Барсарли[160] и Дюбека (Д-И-Б-К)[161] прибыла группа лезгин, и между нами примерно полчаса длилась тяжелая битва. Так как людей упомянутого племени было больше, чем нас, мы не выдержали их натиска и, отвернувшись от поля битвы, возвратились в высочайший лагерь».

// [302 а] Хакан эпохи назначил Мухаммед-Али-хана Шарбашрана в разведку и приказал, чтобы победоносные воины также приготовили все необходимое для себя и направились следом. Мухаммед Али-хан выяснил положение дел, привел к *хакану* эпохи несколько человек из лезгинского племени, которых живыми взял в плен, и со всей прилежностью доложил высокому августейшему порогу: «Сурхай, Рустам-хан Барсарли, Хасан-бек, Мамай-бек, Амир-Хамза табасаранец, Муртаза-Кули-Султан[162] примерно с шестьюдесятью тысячами человек расположились на стоянке Дюбек и хотят сражаться с владыкой-мирозавоевателем». Его величество мирозавоеватель двинулся со своей стоянки и направился в ту сторону. В упомянутом месте оба жаждущих мести войска построили [свои] ряды для битвы.

Лезгины заняли вершину и склоны той горы, со всех сторон преградили путь для движения, перекрыли входы *туфанчи* так, что если даже птица пролетала, они повергали ее смертельным выстрелом. Победоносные воины, в какую сторону они бы ни направлялись, ничего не получали, кроме ран от смертельных пуль. Тогда вышел указ владыки эпохи прославленным *джазаирчи* подняться на склоны и вершины той горы, мушкетными и ружейными выстрелами разгромить то зловредное сборище и [тем самым] снова вернуть себе честь.

По приказу *сахиб-кирана* эпохи те молодцы вступили на склоны тех гор. Между двумя блистательными армиями произошло такое сражение, что украшающее мир солнце за все время своего движения по лазурному небосклону не видело подобного.

// [302 б] Короче говоря, с восхода солнца и до потемнения голубого небосвода оба жаждущих мести войска в битве показывали мужество и стойкость. На закате разгорелось пламя гнева *сахиб-кирана*, подобное огню Страшного суда. Группу преданных *мулязимов* [он]

послал вперед, к ущелью, сам же напал на ту сторону, где воевал Сурхай лезгин. В течение часа между ними продолжалось ожесточенное сражение. Как вдруг пуля вылетела из рук одного лезгинского воина и попала в руку *сахиб-кирана*, которой он держал поводья лошади, и ранила его. *Хакан* эпохи не обратил на это внимание, стойко продолжал свои атаки. Когда самоотверженные воины увидели смелость, мужество, храбрость и превосходство у избранного Богом величества, [они] все вместе, со всех сторон, и справа и слева, со страшным шумом произвели одно за другим несколько нападений на то зловредное скопище. Лезгины в битве были стойкими. Так как наступила темнота, то злое племя отступило в горы и укрылось в своих укреплениях. Владыка эпохи также вернулся с поля битвы под свои победоносные шатры и ту ночь провел в отдыхе.

// [303 а] На следующий день, когда золотое солнце передвинулось с четвертого неба, вышел непреложный указ: великим *минбаши* со всех сторон напасть на лезгин и начать сражение {букв. «разжечь базар сражения»}. В течение часа ни та, ни другая сторона не могли одолеть друг друга. В конце концов, ветер победы подул в счастливое знамя. Некоторая часть лезгин не выдержала натиска победоносного войска и отступила {букв. «обратилась в долину бегства»}. Со всех сторон упомянутые люди [лезгины] поднялись по склонам гор и быстро исчезли.

Сахиб-киран эпохи со всем усердием возблагодарил Аллаха и два-три дня пробыл в тех пределах. Он послал разведчиков во все концы, чтобы они по возможности нашли пути в Кумук, Киак и к табасаранцам, [однако это] не увенчалось успехом – все проходы и тропы были заняты и укреплены лезгинами. Если даже птица желала вылететь, [она] погибала от смертельной пули. Поневоле *хакан*-мирозавоеватель ушел из тех местностей и остановился на лугу, известном под названием Мараге Дагестана[163].

Лезгинское племя в огромном числе и полном снаряжении окружало их (кызылбашей), поэтому вышел указ *хакана* эпохи: «Назначить во все концы и *булуки*[164] Дагестана победоносных воинов, чтобы [они] пошли, преуспели бы в наказании преступного племени и вернулись обратно». Согласно непреложному приказу, примерно двенадцать тысяч человек из хорасанских стрелков и *туфангчи* под предводительством Заман-бека и Исмаил-бека, мешхедских тысячников, и десять тысяч во главе с Рахим-ханом, узбеком из Мавераннахра, должны были пойти на жителей Табасарана, наказать их и вернуться.

Примерно *// [303 б]* одиннадцать тысяч человек во главе[*] были назначены пойти в Дюбек, покорить и подчинить *сахиб-кирану* мятежников тех мест и доложить [об этом]. Назначенные воины были отпущены от владыки эпохи и с большой поспешностью направились в те края. Когда они прибыли в Табасаран, примерно пять тысяч табасаранцев преградили путь победоносным воинам, и между ними произошла тяжелая битва. В конце концов, благодаря несравненному счастью [Надира], лезгины потерпели поражение, и примерно четыре-пять тысяч [из них] было убито пулями стрелков. Остальные же предпочли бегство и ушли от опасности. Упомянутые предводители, одержав такую явную победу, провели ночь на том месте.

На следующий день, когда взошло солнце {букв. «из-за силы солнца розы звезд осыпались с голубого неба»}, победоносное войско смело вступило в те горы, побило и пленило мужчин и женщин того племени и вернулось обратно. Табасаранцы, потерпев такое явное поражение, убежали, добрались до своих народов и рассказали о прибытии кызылбашских воинов и о своем поражении. Сразу же табасаранцы увели свои семьи в труднодоступные горы и на укрепленные вершины. Собралось примерно восемь тысяч из племен табасаранцев, *равути*[165], *масари*[166], и они решили направиться в Дербент-санг-лах. Одновременно примерно десять тысяч человек аварцев пришли на помощь и поддержку того племени, и они вместе направились туда (Дербент-санг-лах). Решили так: примерно пятистам человекам преградить путь победоносным воинам, чтобы они (кызылбаши) с вершины горы спустились бы в ущелья. То жаждущее мести войско [дагестанцев] окружило склоны и спуски той большой горы, которая поднималась до синевы неба. *// [304 а]* На склонах и спусках этой горы был лес, поэтому лезгины там спрятались.

[Что же было] на другой стороне? Победоносные воины с большой уверенностью вступили в те горы, и небольшое количество лезгин попало им на глаза. Сразу же [лезгины] стали их преследовать. Все *джазаирчи*, которых было примерно десять тысяч, с вершины тех гор спустились в сумрачное ущелье, подобное кромешной тьме. Рахим-хан узбек с туркестанскими людьми в тот день находился за той горой. Внезапно справа и слева с той горы, высокой, подобно небу, спустились лезгины и выстрелами стали разить кызылбашей. [Туркестанцы] были разрознены и не могли соединиться друг с другом, поэтому в течение двух часов примерно восемь-девять тысяч человек покинули этот неспокойный мир. В это время *минбаши* Заман-бек и примерно тысяча человек из подчиненного ему отряда стояли на вершине тех гор и не могли продвинуться и прийти на помощь из-за того, что лезгины открыли смертельную стрельбу из тридцати-сорока тысяч ружей. Поневоле [Заман-бек] бежал с той горы и присоединился к Рахим-хану. А малая часть воинов, которых пощадила смерть, раненые и рассеянные, присоединились к узбекским газиям. Когда Рахим-хан

---
[*] Пропуск в тексте.

увидел такое положение дел, волей-неволей он вернулся в ставку *сахиб-кирани*. Когда мирозавоеватель узнал о происшедшем, он приказал связать руки и сбросить с вершины горы *минбаши* Заман-бека и еще четырех пятисотников и предводителей за то, что не оказали помощь в сражении. От них не осталось и следа. Тем войскам, которых [Надир] послал в Дюбек, при их вступлении туда Сурхай лезгин преградил путь. Трое суток между ними шло тяжелое сражение.

// [304 б] В конце концов, лезгины потерпели поражение и вернулись в свои леса и чащи. Победоносное войско также вернулось к владыке эпохи. Когда его величество мирозавоеватель увидел столько смелости и отваги со стороны лезгин, поневоле он вернулся в Дербент. Прибыв в те пределы, [Надир] пробыл там несколько дней. Он отправил гонцов к упомянутым племенам. Всех их [Надир] склонял на свою сторону и приказывал им со спокойным сердцем прибыть к мироукрашающему двору.

// [306 б] **Поднятие знамени его величеством *сахиб-кираном* в сторону Ширвана. Его возвращение во второй раз в Дагестан. Переселение лезгинских племен в Хорасан**

В ту пору, когда *хакан*-мирозавоеватель в течение нескольких дней оставался в пределах Дербента, к победоносному стремени прибыло некоторое число лезгин в качестве послов с покорностью и послушанием. Владыка эпохи, учитывая холод и усиление мороза, как говорят турки, установил нетвердое перемирие {букв. «построил камышовый мост»} между двумя сторонами и из Дербента направился в Ширван. Ту зиму победоносные воины провели в округах Мугана, Гянджи, Карабага и прочих *булуков* Шемахи. Большое число победоносных воинов было убито или взято в плен, а остальные *гази* были без оружия и экипировки. По этой причине во время стоянки воинов обеспечили всем необходимым. Кроме того, вызвали большое войско из областей Ирана к победоносному стремени. Ту зиму [Надир] провел в тех краях. В начале весны, при появлении зелени и цветов, когда пространство гор и равнин от аромата цветов и разнообразных душистых растений стало подобным поверхности Тибета *// [307 а]* и Татарии и умножило славу рая, [Надир] прибыл в Дербент. Сурхай, малый уцмий и некоторые знатные лезгины вышли навстречу победоносному стремени. Милосердный *хакан* пренебрег их прежней виной и каждого из них удостоил великолепным одеянием и большим подарком и так постановил: Сурхаю вернуться, снять с мест и доставить к священной особе двенадцать тысяч *ханевари*[167]. По непреложному приказу Сурхай прибыл к шамхалу, который был главой и независимым владетелем тех племен, и рассказал о приказе *сахиб-кирана*. Шамхал

согласился с этим приказом. Когда [шамхал] рассказал об этом предводителям, главам племен и жителям равнин, многие были согласны, а некоторые недовольны. Это привело к ссоре и недовольству между двумя сторонами. Те, которые были плохо снаряжены, ушли к своим племенам и со своими подчиненными потянулись в высокие горы и укрепленные места. Те же, кто имел людей и снаряжение, заполнили входы в ущелья стрелками и приготовились к битве. Сурхай, увидев такое настроение, поневоле подчинился своим племенам. [Он] также возглавил сопротивление {букв. «взял поводья мятежа в свои руки»} и приложил усилия к сопротивлению. Шамхал тоже послал людей во все концы и края Дагестана для призыва и сбора войска. За короткое время со всех краев прибыло столько лезгин, что они не поддавались счету {букв. «они были вне пределов границ»}. Всюду чужеземному войску были преграждены входы и места проходов.

Когда *хакан*, завоеватель мира, прождал несколько дней после обещания, данного Сурхаем, он приказал отряду упомянутых караульных взять несколько лезгин в качестве «языка» и привести к священной особе. Его величество мирозавоеватель всем великим предводителям и *// [307 б]* уважаемым тысячникам наказал строить большие заграждения и с большим старанием охранять укрепления. От коварного поведения тех племен (лезгин) разгорелось пламя гнева у владыки эпохи. [Он] назначил Мухаммад-Али-хана каджара, разведчика Ата-хана и Курбан-бека узбека с примерно двенадцатью тысячами человек пойти на табасаранское, ахты-паринское и прочие племена, подчинить их и сделать так, чтобы по возможности без боя снять их с места и привести к победоносному стремени. Упомянутые люди по непреложному приказу вошли в те места. Племена, жительство и убежище которых было около Самуркапи[168], т. е. люди Курели, Кубели[169], Угурлу[170], Ахты-паре и прочие, кто с боем, а кто без боя подчинились *сахиб-кирану*, а их предводители и *кедхуды* явились к стремени *сердаров* [Надира]. Они сказали: «Как пожелает вдохновенная воля *сахиб-кирана*, так мы поступим, при условии, если никто не нанесет ущерба нашему имуществу и нашему положению». *Сердары* его величества согласились с этим и показали им высочайший указ относительно переселения. Волей-неволей люди тех племен согласились с этим, снялись со своих родных мест и прибыли в Дербент.

Сахиб-киран мира всем тем племенам, которые состояли из четырех тысяч с небольшим семей, пожаловал вьючный скот и дорожные припасы, на некоторое время поселив их в Шемахинском крае. Когда наступила зима, из вилаята священного Мешхеда, из местечка Кариз-Аббас-абада, Чарджоу[171] и Мерва Шахиджана доставили к светлейшей особе зимние дыни. Дыни были отправлены в сопровождении Али-Наки-бека Мервского, о рождении и возмужании которого *// [308 а]*

было частично рассказано и сообщено в первом томе. Если захочет Аллах и если сохранится жизнь [пишущего эти строки], то о правлении и царствовании его [Али-Наки-бека] будет написано в томе «Мулук-аль-таваиф»[172]. Когда [Али-Наки-бек] прибыл к победоносному стремени, *хакан*-мирозавоеватель несколько раз отправлял его с небольшим отрядом на битву с лезгинами. Каждый раз, когда [Али-Наки-бек] направлялся на поле битвы, он убивал, захватывал в плен и приводил к священной особе много лезгин. Всякий раз его осыпали безграничными милостями.

Спустя три месяца, в 1155 году хиджры пророка, его величество *сахиб-киран* эпохи приказал четырем тысячам семейств из лезгинского племени сняться с места и направиться в Мервскую область в сопровождении Али-Наки-бека и нескольких других *йасаулов* светлейшей ставки. В том же году привели их [лезгин] в Мервскую область и поселили за пределами крепости на восточной стороне, называемой Дарвазее Джума, в направлении Туркестана. Триста человек из того племени в Мервской области зачислили в отряды *мулязимов*, тысячу двести человек определили заниматься сельским хозяйством на земле *халисе*. Остальные занимались своими делами и добывали средства к жизни своим ремеслом. *Хакан*-мирозавоеватель еще несколько раз посылал людей в округа и *булуки* тех племен [в надежде], что, может быть, они подчинятся и станут служить, [однако] то племя было стойким в своей злобности и испорченности. Из страха и опасения перед переселением в города Хорасана они [дагестанцы] стали оказывать сопротивление и сражаться. Табасаранское племя численностью превышало все другие народы Дагестана и состояло из двух групп. Одна группа жила в Кумукском и Кайтагском краях, которые примыкают к Фарангу[173]. Шамхал, который был главой и полновластным правителем всех тех владений, ежедневно посылал гонцов и *кедхуд* ко двору // *[308б]* основы халифата и предлагал мир. Однако Рустем-хан[174] и Сафи-Кули-хан[175] табасаранцы больше других упорствовали в злобности и испорченности. Причина этого заключалась в том, что Каранаф-хан, прибывший ранее к победоносному стремени, вследствие смуты и бунта того племени был казнен по непреложному приказу [Надира]. Сафи-Кули-хан был его братом, а Рустем-хан был сыном его дяди [двоюродным братом]. Желая отомстить за кровь, они днем и ночью не спали и не ели, подстрекая жителей Дагестана на борьбу и битву. [Рустем-хан] вел сеющие смуту речи: «Если подчинитесь *сахиб-кирану*, то в отмщение за кровь брата [он] ни одного из вас не оставит в живых». Лезгины походили на диких птиц. Следуя его словам, они тянулись к высоким укреплениям и сражались. Табасаранцы были более спокойны за свои дома и жилища, потому прилагали больше стараний и усилий к борьбе. Там, где протекает большая река и с двух

сторон высокие горы склонили вершины друг к другу, где по берегу реки знающие мастера по приказу прежних шахов прорубили в камне дорогу [такую узкую], по которой только один пеший с большим трудом сможет подняться на те горы, за той горой есть долина, заросшая каштановыми, гранатовыми и яблоневыми деревьями, в тех местах и живут [табасаранцы]. Тот проход занимали примерно двадцать тысяч *туфангчи*. Даже если летела в ту сторону птица, они ее поражали смертельной пулей.

Сафи-Кули-хан и Рустем-хан примерно с тридцатью тысячами лезгин ежедневно в горах на высоких склонах преграждали путь победоносным воинам, усердствуя в битве. Его величество мирозавоеватель подтянул армию к тому месту и приказал вырубить тот лес серповидными ножами, топорами и шашками. Открыв [таким образом] дорогу, они стали продвигаться вперед. Когда эта весть дошла до слуха лезгин, примерно тридцать – сорок тысяч человек, прибывших в полночь, // *[309 а]* преградили путь победоносным войскам, и завязалось сражение. Его величество мирозавоеватель подтянул армию к тому месту. Во время движения лезгин [Надир] со всех сторон произвел нападение, и до захода солнца произошла очень тяжелая битва. С обеих сторон много людей было убито и взято в плен. К моменту захода солнца лезгины, подобно звездам Большой и Малой Медведицы, рассыпались, и от них не осталось и следа.

Хакан-мирозавоеватель остановился у подножья горы на равнине, где могли бы отдохнуть победоносные воины. В течение десяти дней между войсками происходили битвы и схватки, описание которых сделалось бы причиной многословия и утомило бы всех. В то время такой сумятицы никто не видел и не слышал.

[Потом] волей-неволей Надир направился в сторону Самурчая, лезгины же остались на склонах тех гор. Рассказчик упоминает, что пожитки и обоз высокой ставки находились на берегу Самурчая. Около десяти тысяч лезгин напали на то племя (кызылбашей). Часть людей захватили в плен, забрали вьючных животных, верблюдов с пушками (*занбураками*) и убежали. Из-за этих действий того племени (дагестанцев) вспыхнуло пламя гнева *сахиб-кирана*. [Он] приказал Рахим-хан узбеку с примерно двенадцатью тысячами человек пойти к крепости Дюбек и силой подчинить ту крепость власти его высокого государства. Мухаммед-Али-хана Кырхлу было указано с примерно двадцатью тысячами человек преградить путь табасаранцам и не позволить им выйти из тех гор. [Он] приказал также Хан-Алихану Гуклану и Хасан-Алихану, правителю Гянджи, примерно с десятью тысячами человек преградить путь Хаджи-Халаби из Каракайтага (К-Р-А-Т-А-К) и постараться отразить его. Еще двадцати тысячам человек во главе с Мухаммад-Реза-ханом Кырхлу и Лутф-Али ханом [Надир] назначил находиться на лугу Мараге

Дагестана, чтобы, когда услышат о прибытии // *[309 б]* Хасана Барсари и прославленного Нугай-хана Аварского[176], преградили бы им путь и постарались бы отразить их [натиск]. *Хакан* эпохи вернулся к Самурчаю и построил там крепость. Согласно непреложному приказу было постановлено так: в вилаятах Азербайджана, Ирака[177], Каламро Алишахр, Фарса, Гиляна[178] и Грузии приготовить продовольствие и снаряжение для победоносного войска, погрузить на вьючных животных и доставить к победоносному стремени. По непреложному приказу из всех областей шел фураж для скота и довольствие для войска. Так много ущерба и урона пало на победоносных *газиев* и райятов разных областей Ирана, что назвали ту крепость Иран-хараб[179] (разрушение Ирана). Когда Рахим-хан узбек подошел к той крепости, правитель (*хакем*) и полновластный хозяин той крепости по имени Айдин-бек[180] закрыл ворота крепости, вступив на путь вражды и мятежа.

Овладение крепостью Дюбек Рахим-ханом узбеком. Доставка лезгинских пленных ко двору мирозавоевателя, насильное содержание жен табасаранских предводителей и прочих в непотребном месте. Просьба Гани-хана афганца

Когда правитель Туркестана подошел к крепости Дюбек, Айдин-бек с пятью-шестью тысячами мечущих смерть *туфангчи* вышел из крепости, замышляя нечто недоброе. Около часа они оказывали сопротивление туркестанцам на поле битвы. [Однако] действия их оказались тщетными. Поневоле они были вынуждены избрать путь бегства и вернуться в крепость. В те несколько дней туркестанские молодцы прилагали старание и усилия в битвах и сражениях, но это не принесло им пользы. Поэтому военачальник Рахим-хан с предводителями газиев, которым сопутствует победа, так постановили: окружить крепость, подобно тому, как перстень окружает драгоценный камень, и постараться силою и мощью захватить ее. Во время совещания они поделили башни крепости между воинами с тем, чтобы те приложили усилия к завоеванию той неприступной твердыни.

// *[310 а]* Львы арены боя и аллигаторы бездны коварства, в конце концов, благодаря старанию и усердию подготовили средство подъема на башни. Утром, [когда] рассвело {букв. «когда победоносный султан войны, сияющее солнце, с намерением захвата небесной сферы вынул из ножен мщения ночи меч, сверкающий подобно золоту, и от сверкания того меча ряды звезд в один миг исчезли»}, в это время тигры вершины смелости и аллигаторы бездны отваги пошатнули стойкость защитников крепости, потушив факел их смелости. Выстрелом из каждого ружья превращая в прах, [убивали] предводителей войска, и каждый выстрел пробивал отверстие в крепости. В конце концов, с помощью

силы и отваги [воины Туркестана] обратили в бегство стражу башни, которая была причиной распри между двумя сторонами. Натиск противников на эту башню был больше, чем на другие. Его (Рахим-хана) люди установили лестницы на стенах той башни и, достигнув цели, водрузили на ней знамена победы. Тогда окрыленные победой, они подожгли дома вместе с их обитателями {букв. «вихрь их отваги и смелости огненным мечом зажег стог жизни людей крепости и поднял дым над их очагами»}.

Благодаря своей смелости Айдин-бек был известным и первенствующим среди лезгин. Айдин-бек, Музафар-бек[181], Рамазан-бек[182] и другие лезгинские предводители с некоторыми оставшимися храбрецами вступили в бой {букв. «вступили на поле защиты и отражения»}. Во время этой схватки с другой башни послышались голоса и звук труб смельчаков, захватывающих крепость. Неотвратимо пошатнулась стойкость лезгин, и рассыпались ряды тех людей. Айдин-бек с некоторым количеством людей бежал в сторону Табасарана, в леса и чащи. Победоносные *газии* и мстительные *муджахиды*[183] захватили имущество и припасы жителей крепости. Они убили тех, кого надо было убить, согласно их представлениям, // *[310 б]* других взяли под стражу, а женщин и детей того племени пленили. Стены и башни той неприступной крепости в доказательство победы сравняли с землей. Затем *навваб* Рахим-хан со своим свидетельством торжества и триумфа, с победоносными воинами направился {букв. «направил поводья движения»} ко двору мирозавоевателя. По прибытии к высочайшему счастью (Надиру) он был удостоен различными шахиншахскими милостями и *сахиб-киранскими* ласками. Положение его возвысилось [над положением] современников и поднялось до высокого знака зодиака.

В это время Мухаммад-Али-хан Кырхлу с победоносным войском прибыл в Табасаранский край. Сурхай, Муртаза-Али и Рустам-хан табасаранец с большим количеством людей и бессчетным войском преградили со всех сторон дороги победоносному войску. Сам [Сурхай] с примерно двадцатью тысячами лезгинских *туфангчи* засел на вершине неприступной горы. Когда подошло [кызылбашское войско], произошло ожесточенное сражение, рассказ о котором будет утомителен. В течение целого месяца те два победоносных войска боролись и сражались так, что по равнинам текли реки крови. С божьей помощью и благодаря счастью *сахиб-кирана* в лезгинском войске обнаружилась слабость, и с поля сражения они потянулись к неприступным горам и укрепленным местам. Но они (лезгины) поставили в начале каждого прохода стрелков, которые даже птице не давали пролететь в ту сторону. По приказу высокопоставленного *сердара* во всех пределах и *булуках* тех племен [кызылбаши] произвели грабеж, из двух-трех ты-

сяч семей многих убили, многих пленили и вернулись обратно. Но сколько высокопоставленный *сердар* ни старался, в битве с охраняющими горные проходы лезгинами победы не достиг. Многие из победоносных воинов были убиты лезгинскими пулями. Поневоле упомянутый *сердар* доложил [о положении дел] владыке эпохи. В соответствии с приказом было решено, чтобы они вернулись к победоносной ставке.

// [311 а] А что было [с третьим отрядом]? Хан-Али-хан Куклан и Хасан-Али-хан Гянджинский направились наперерез Хаджи-Халаби каракайтагцу[184]. Как только они вступили в те края, сразу увидели [отряд] лезгин. Долина, которая примыкала к Каракайтагу, стала полем боя, и те два блистательных отряда построили ряды для сражения. С обеих сторон прославленные борцы и достойные храбрецы вступили на поле битвы. Произошла такая схватка, что кровожадный Марс на этом голубом небосводе начал восхвалять и одобрять те два блистательных отряда. Лезгины в течение трех-четырех часов проявляли стойкость и мужество, но так как они привыкли вести борьбу в лесах и чащобах, то на открытом месте не выдержали натиска победоносных войск, разом рассыпались их ряды, и они бежали. В тот тяжелый день большое число воинов из лезгинского племени было убито и взято в плен победоносными воинами. Упомянутые *газии* с очевидной победой повернули обратно.

В это время по небесному предопределению и в соответствии с божественной судьбой примерно пятьсот семей из общины Хаджи-Халаби и его домочадцев, которые по другой горе шли в неприступные укрепления, наткнулись на победоносных воинов. Все те люди, мужчины и женщины, были пленены победоносными молодцами. Когда Хан-Али-хан привел семью Хаджи-Халаби и семьи других предводителей в полной невредимости в победоносный лагерь, они были с почетом встречены владыкой-мирозавоевателем и удостоены шахиншахской ласки.

Но что было [с четвертым отрядом]? Мухаммед-Реза-хан Кырхлу с *сердаром* Лутф-Али-ханом направились в Чаман-Мараге[185] и Аварию[186]. После их прибытия в те края Хасан-Барсари и Нугай-хан аварец с сорока тысячами лезгин преградили путь победоносным воинам. Несколько раз между ними происходили схватки.

// [311 б] Из кызылбашских предводителей Исмаил-Бек тысячник был убит в аварских пределах. В конце концов, по милости божьей аварское племя потерпело поражение {букв. «поражение пало на аварское племя»}. Они (аварцы) направились в свои укрепления и засели в крепости. По приказу Лутф-Али-хана окрестности той крепости были разграблены и разорены. Захватив много пленных и скота, [кызылбаши] вернулись в победоносный лагерь. *Хакан* эпохи приказал, чтобы

пленных лезгин собрали в одном месте. Нескольким *йасаулам* из райского меджлиса назначил пойти к пленным и среди них отобрать около полутора тысяч красивых женщин и луноликих девушек. В одном конце победоносного лагеря поставили много палаток и шатров для большого числа гостей. Туда послал он много музыкантов и исполнителей – кабульских, лахорских, гуджератских, туркестанских, румийских, фарангских и иранских. Всех тех женщин нарядили в красивые златотканные одежды и посадили в непотребное помещение (*харабат*) и так постановили: если знатная женщина на одну ночь пойдет к мужчине, она не должна взять больше трехсот динаров, средняя женщина – более двухсот динаров, а простая – не больше ста динаров. В течение месяца лезгинские женщины пробыли в непотребном месте и стали опозоренными среди всех. Слух об этом распространился по всему свету.

В это время Гани-хан афганец вернулся с победой к небесноподобному двору, который с большим числом людей и снаряжением уходил в сторону Гянджи на битву с лезгинами. Когда Гани-хан афганец увидел такое положение [женщин], он, придя к его величеству *сахиб-кирану*, стал тереться об землю лицом, выражая унижение и подавленность, и просить: «Да стану я жертвой твоего справедливого порога. Сегодня, когда проходил по краю небесноподобного лагеря, *// [312 а]* лезгинские женщины, напевая, произносили такие слова:

О превратная судьба, посмотри, что ты натворила:
Ты нас подвергла плену,
Все мы, ей-богу, остались без ничего и без никого.

От этих слов и речей некоторые женщины плакали, а некоторые смеялись. Этот раб молит: на женщинах нет никакой вины и греха, и они слабы. Благо вечной державы есть в том, чтобы не было такого обычая в этой высокочтимой династии. Это сборище слабых женщин пожалуй этому старому рабу в знак награды и милости. Пусть это станет причиной возвеличения [Надира] и вознесения молитв за упокой августейшей души [после смерти]».

Милосердный падишах по просьбе Гани-хана афганца вместо награды простил вину всех тех женщин и освободил их. Однако по его распоряжению, когда победоносные воины приводили в ставку одного или тысячу лезгин, их казнили. Ежедневно, беспрерывно между победоносными воинами и упомянутыми [лезгинами] происходило много схваток.

В победоносном лагере не было зерна и съестных припасов. *Сахиб-киран* эпохи ежедневно посылал сборщиков податей во все города Ирана. [Они] доставляли зерно в высочайший лагерь. Табасаранцы же начали смуту, мятеж и бунт. Ежедневно надировские *сердары* и предводители грабили и убивали их, но это не служило уроком тому пле-

мени. Поэтому [Надир] снова назначил Рустем-хана-Гуляма и примерно двенадцать тысяч человек для обуздания и наказания того бесконечно презренного племени. Они напали на табасаранцев, // *[312 б]* многих убили и многих взяли в плен. Во время возвращения [лезгины] ночью внезапно напали на кызылбашских воинов. Было убито примерно одна-две тысячи человек кызылбашских молодцев. Остальные войска уклонились [от боя], направились в укрепленные места и там остались.

Когда слух об этих событиях дошел до владыки эпохи, он назначил на помощь им Хан-Джана, сына Мухаммад-Али-хана грузина, правителя Грузии. Ко времени прибытия высокопоставленного *сердара* лезгины уже прекратили бой и вернулись. Упомянутый Рустем-хан с Хан-Джаном прибыли к владыке эпохи. *Хакан*-мирозавоеватель казнил несколько тысячников и пятисотников за их отклонение от битвы и их оплошности, [а также] приостановил отправку войска в пределы Дагестана. Однако на окраинах лагеря ежедневно с лезгинами происходили ожесточенные схватки. Посмотрим, что дальше судьба нам преподнесет.

// *[315 б]* Подчинение страны Дагестан, породнение лезгинского шамхала с *сахиб-кираном* эпохи, возвращение в Ширванскую область

По воле всемогущего Бога его величество, обладатель фортуны, в течение двух с лишним лет в дагестанских краях провел несчетное число сражений с лезгинским племенем и произвел множество убийств и грабежей. [Лезгины] бежали из своих мест и прятались в неприступных горах и укрепленных местах. Лезгинский шамхал[187], полновластный владетель и правитель той страны, увидел упомянутое сборище людей [лезгин] бессильными, а себя со всех сторон погруженным в пучину несчастья. Поневоле [он] с группой военачальников и предводителей племен, с большими подношениями и подарками направился к победоносному *сахиб-киранскому* стремени.

Когда весть о прибытии шамхала дошла до слуха сановников вечного государства, несколько человек из предводителей победоносной ставки вышли его встречать. С большим почтением [шамхал] приблизился к небесноподобному порогу. Когда [шамхал] получил прием в том небесноподобном дворе, всемогущий *хакан* проявил по отношению к нему должное внимание и безмерную благожелательность. Он поставил ему (шамхалу) шатер около шатра Имам-Кули-Мирзы, своего сына. После того как в течение нескольких дней, утром и вечером, видел [шамхал] безграничные милости и ласки // *[316 а]* уникума эпохи (Надира), он послал во все концы Дагестана людей [с

приказом]: пусть все непокорные вожди племен и старейшины каждого округа прибудут к победоносному стремени, и они удостоятся шахиншахских милостей. Сурхай боялся за свои дела и поступки, очень сожалел о них и стыдился их, поэтому он послал письмо к высочайшему двору [с признанием] своей вины. С письмом он отправил своего сына Муртаза-Али, с ним же послал десять *харваров* зерна и три тысячи *мулязимов* для стремени [Надира]. *Хакан* эпохи освободил его [Сурхая] от необходимости личного прихода и послал ему лошадь и падишахскую одежду. Когда со всех краев и концов все лезгинские предводители прибыли в благословенное присутствие (к Надиру), а те, кто бежал в горы, вернулись в свои родные места, шамхал спросил слуг высочайшего порога: «Поверил ли его величество *сахиб-киран* нашему повиновению и подчинению и успокоился ли? Или в августейшей душе все еще осталась печаль?» Сановники сказали: «Если вы будете спокойны, несомненно, и шахиншах будет спокоен». Шамхал сказал: «У сего ничтожества есть непорочная дочь, умоляю, пусть шахиншах эпохи возьмет ее в жены для одного из своих слуг (*гулямов*), чтобы дела этих двух стран стали едины». Сановники *сахиб-кирана* доложили об этом у подножия халифского престола. Высочайшая особа (Надир) принял это предложение и сказал: «Хотя шамхал проявляет малодушие и дарит свою дочь *гулямам* порога, который является местом поклонения султанов, но по надировскому великодушию и милосердию его дочь наше августейшее величество возьмет себе в жены и сделает ее знатной госпожей». Доброжелательные сановники эту радостную весть дове-ли до слуха шамхала. // *[316 б]* Целый мир радости и целый свет веселья охватил падишаха Дагестана, [и он] решил выбрать пять-шесть тысяч из лезгинских предводителей, *кадхуд* и *маликов*[188], чтобы они сопровождали дочь, и просить [Надира], чтобы группа служанок шахиншахского гарема также сопровождала тех людей.

Хакан-мирозавоеватель направил в те края несколько седовласых служительниц гарема, почетных *машатэ*[189], евнухов со многими тканями и бесчисленными драгоценными украшениями, достойными падишахов и знатных лиц. После их прибытия в те края по приказанию шамхала стали приходить все непокорные предводители племен Кумука, Киака, Гянджи, Аварии, Табасарана вплоть до границ Татарии и до краев Фаранга, которые жили в горах, пещерах и на [прибрежных] островах, группа за группой, край за краем, община за общиной. По обычаю племени они оставляли свои подношения и подарки, гостили две-три ночи и возвращались к своим местам.

В течение двух месяцев все предводители побывали [у шамхала] и вернулись. За это время было подготовлено приданое девушки, и со всеми почестями и соответствующим почетом она прибыла в высо-

чайший лагерь. Ту упомянутую лезгинскую девушку повели в личный шатер Надира. Его величество мирозавоеватель осчастливился воссоединением с той дагестанской царевной. На следующий день [Надир] удостоил всех лезгинских предводителей и племенных вождей шахской милостью и подарками. Когда истекло время наслаждений, *сахиб-киран* эпохи взял примерно двенадцать тысяч *мулязимов* стремени из того племени, а [лезгинских] пленных, захваченных победоносными воинами за это время, освободил. Он написал указ об управлении и владении [Дагестаном] на ответственность и попечение шамхала. Во время приема он [Надир] так наказал ему: «Мухаммед-Али-хан Кырхлу афшар оставлен *сердаром // [317 а]* Ширвана, Дагестана и Дербента. Я же направлю знамена мирозавоевания в сторону государства Рум[190] с целью подчинения той страны. Если кто-либо в этой стране (Дагестане) не станет подчиняться и повиноваться, не следует допускать оплошности в его наказании». Короче говоря, [Надир] дал ему (шамхалу) много поручений. По отдельности [Надир] вызывал всех предводителей тех племен и говорил: «Так как люди Джара и Теле по небесному предопределению и божественной судьбе убили моего брата Ибрахим-хана, мы также [хотели] погубить [людей] той страны и разрушить Дагестан. Однако во всех отношениях будьте спокойны и служите, так как мы умыли руки от кровной мести за своего брата». Обнадежив и успокоив тех людей, [Надир] отпустил их.

Хакан-мирозавоеватель после трех лет пребывания в Дагестане в 1156 г.х. / 1743–44 г. вышел из Дагестана и направился {букв. «направил поводья движения»} в сторону Шемахинского края. Прибыв туда, он сделал смотр победоносным войскам. В тех краях погибло много людей, лошадей, снаряжения, верблюдов и мулов. Число погибших доходило до ста пятидесяти тысяч, среди которых были прославленные молодцы и богатыри. По приказу владыки эпохи из Ирана были доставлены вьючные животные и много оружия, которое взамен испорченного раздали *газиям*. Раскрыв двери казны, [Надир] раздал столько жалования и даров молодцам и воинам, что каждый из них сделался обладателем целого состояния. Вместо молодцев, которые погибли в тех краях, еще больше людей взяли на их место из каждой общины, [они] явились к победоносному стремени. Когда [Надир] устроил воинские дела, он сделал правителем, полновластным владетелем и уполномоченным Ширвана и Дербента и тех пределов Мухаммад Али-хана Кырхлу, дав ему двенадцать тысяч человек [войска].

// [317 б] Курбан-бека узбека и Мухаммад Реза-хана афшара [Надир] назначил правителями Ireванского края. Он (Надир) сказал: «Так как румское войско всегда помышляет о сопротивлении, необходимо показать стойкость и воинское искусство в охране границ и удержании упомянутой крепости. Если появится противник с той стороны, стараться его отразить и [таким образом] показать свое благое служение мироукрашающей воле. Если же не смогут с этим справиться, то, так как Ireванская крепость равна по своей мощи небесным башням, засесть в центре крепости и доложить о положении к подножью халифского трона».

Сделав много наказов, [Надир] отпустил тех прославленных мужей, также Хасан-Али-хана, правителя Гянджи, назначил Хан-Джана наместником Грузии и управителем той страны, освободил и отослал всех правителей, владетелей и финансовых чиновников Азербайджанской области, находившихся при счастливом стремени. [Сам же] из Шемахи направился в Муганскую степь. Прибыв в те пределы, он провел несколько дней на летних пастбищах и в прекрасных местах того края. К победоносному стремени были вызваны финансовые чиновники обители власти города Тебриза для проверки счетов. В то время потребовали также Самад-бека Тебризи, и он там находился. *Навваб* Али-Кули-хан, племянник его величества *сахиб-кирана*, наедине доложил августейшему: «Поход моего отца в Дагестан и его гибель есть результат хитрости Самад-бека Тебризи. Все время, утром и вечером, [Самад-бек Тебризи] запугивал отца государем-мирозавоевателем. Он ему говорил: «Если будешь беззаботным и небрежным, то владыка эпохи тебя казнит. Лучше вступи в Дагестан *// [318 а]* и покори его. Эти коварные речи вызвали у его величества (Ибрахим-хана) гнев и вражду [к Надиру]».

И когда его величество мирозавоеватель воссел и украсил надиров трон, он прежде всего потребовал к священной особе Самад-бека Тебризи, который был одним из богатейших людей своего времени. [Надир] в гневе, подобном пламени Страшного суда, приказал казнить его и отправил несколько строгих и жестоких сборщиков налогов в обитель власти Тебриз конфисковать его имущество. У [Самад-бека] было на сто шестьдесят тысяч туманов движимого и недвижимого имущества и наличных денег. Все забрали и передали в ведение *саркара* и *хассе-йи шарифе*. Примерно двести двадцать тысяч голов баранов, тридцать тысяч голов кобылиц и жеребцов, двадцать тысяч голов рабочих быков, семь тысяч верблюдов, две тысячи мулов взяли на учет из его скота, чтобы передать чиновникам священной особы [Надира].

В ту зиму [Надир] вышел из Мугана и прибыл в обитель власти Тебриз. В тех пределах [Надир] ослепил нескольких финансовых чиновников и владетелей, которые были назначены в упомянутую область и прочие города Азербайджана, и конфисковал их имущество. Некоторых [Надир] сменил и соответствующим образом, насильно и неукоснительно, при помощи палок и дубинок отобрал у них собранное. В те несколько дней пребывания в обители власти Тебризе [Надир] заменил почти всех финансовых чиновников Азербайджана.

Принудительно он отобрал у тех людей имущество. Когда августейшие помыслы успокоились // *[318 б]* относительно тех местностей, он [Надир] направил отряд победоносных воинов вместе с Али-Наки-беком Мокри, правителем Саудж-булака и Салдуза, наказать и покорить племя курдов-*езидов*. То племя находилось под властью Мухаммада, владыки Рума. Когда знамена величия и славы направлялись в сторону Дагестана, они (курды-езиды) давали обещания и клялись Али-Наки-хану Мокри, что не будут вступать в его страну и не будут нарушать ее спокойствие. [Однако] в то время (т. е. во время похода в Дагестан) часть того племени пришла в пределы Салдуза, совершила бесчинства и вернулась в свои родные места. Когда знамена величия и славы прибыли [из Дагестана], победоносные воины вошли в пределы и место пребывания тех людей (курдов-*езидов*). Сразу же они обрушились на десять тысяч их шатров. Часть поубивали и многих взяли в плен. Двадцать дней [кызылбаши] провели в тех пределах. Весь Курдистан [кызылбаши] покорили и вернулись ко двору прибежища мира. *Хакан*-мирозавоеватель написал указ на имя счастливого царевича Насраллах-мирзы и послал с тем, чтобы он прибыл к счастливому стремени.

О появлении Сам-мирзы[191], сына шаха Султан-Хусейна. Непокорность Мухаммад-Али-хана Кырхлу и уведомление об этом его величества мирозавоевателя

После украшения заголовка страницы утверждающий так описывает на страницах души преуспевающих мудрецов. *Хакан*-мирозавоеватель оставил *сердара* Мухаммад-Али-хана в Ширванском крае правителем той страны и сделал его полновластным хозяином. Лезгинское племя, живущее в Кабале, Ширване, часто притесняло и нападало на жителей того края, принося большой ущерб слабым и немощным: Неоднократно [*сердар* Мухаммад-Али-хан] писал приказы и предписывал их предводителям запретить своим людям притеснять кого-либо и // *[319 а]* предлагал заниматься своим делом. То презренное племя не подчинялось приказам высокочтимого *сердара*. Оно было стойким в своих бесчестных поступках и продолжало их.

Во время этих событий группа предводителей Дербента, Чаман-Мараге Дагестана и людей, живущих по берегам Самурчая, с одобрения нескольких знатных шемахинцев так решили: «Так как Мухаммад-Али-хан зазнался {букв. «напустил ветер высокомерия и гордости в нос»}, за малейший проступок казнит народ и [стал] очень беспокойным правителем, [заманить] его посредством хитрости. Пригласить на прием и убить». Некий льстец сообщил высокопоставленному *сердару* об этом. Двенадцать тысяч победоносных хорасанских воинов

были на службе [у Мухаммад-Али-хана], и он об этом известил группу своих предводителей. На следующий день, когда наступило утро, поголубело небо {букв. «лазурная вышивка украсила ножны мира своим изумительным блеском»}, по приказу высокопоставленного *сердара* вызвали шемахинских предводителей. Тотчас же сорока двум знатнейшим шемахинцам [*сердар*] приказал в своем присутствии надеть на шеи кандалы и цепи и заточил их в тюрьму.

Расположившись в своих личных покоях, [*сердар*] по одному вызывал их и допрашивал. Одни отрицали, другие сообщили истину о заговоре. Когда [*сердар*] узнал обо всем, он приказал тем сорока двум человекам вырвать глаза. Группу людей, которые были с этими людьми в согласии и сговоре, сердар также схватил и ослепил {букв. «уничтожил свет их очей»}. Движимое и недвижимое имущество тех людей он конфисковал. Затем Мухаммад-Али-хан, выступив из пределов Шемахи, посетил Дербент, Кабалу, Шеки и Ширван.

В тех пределах [Мухаммад-Али-хан] многих изувечил, лишив их зрения. Со слов одного из доверенных лиц упомянутого *сердара* записали, что было выколото на 14 *маннов*[192] глаз.

// *[319 б]* Из конфискованных денег и отобранного добра того племени было отправлено в казну упомянутого *сердара* наличными двести тысяч туманов. В это время прибыли люди из высокопоставленной *сахиб-киранской* ставки и объявили: «Мы нашли его величество мирозавоевателя расстроенным и гневным из-за дел и поступков, которые ты взял за правило. Как бы Надир не отстранил тебя от службы и не приказал бы наказать». От услышанного рассказа появился страх на лице высокопоставленного *сердара*. Он стал обходиться ласково с жителями той страны и взял двенадцать тысяч новых *мулязимов* из того племени.

[Мухаммад-Али-хан] составил несколько фальшивых приказов относительно поголовного избиения жителей Ширванской страны и лезгинских общин. [Эти приказы] он дал нескольким гонцам и отправил их к каждому предводителю и султану того края. Сам же отдельно написал письма предводителям: «Мне пришел указ, чтобы я захватил вашу страну и произвел там всеобщее избиение. Особый указ пришел к хорасанским ханам, которые служат при моем стремени: схватить меня, убить и послать мою голову ко двору *сахиб-кирана*. Ныне я объединяюсь с вами, чтобы сопротивляться и охранять вас и себя».

Жители той страны приняли это предложение и волей-неволей все прибыли на службу к высокопоставленному *сердару*. При встрече они дали клятву и обещания и заявили о своем неповиновении {букв. «забили в барабаны неповиновения»} [Надиру]. Часть хорасанских предводителей с этим не соглашалась, но поневоле примирилась. Рассказчик упоминает, что Сурхай лезгин во время стоянки *сахиб-кирана*

[в Дагестане] не явился к победоносному стремени. Он постоянно был мрачен и расстроен из-за того, что избивали, грабили и бесчестили лезгинское племя. Сурхай размышлял и готовился к тому, чтобы за это бесчестие и позор отомстить кызылбашам и уничтожить непотребные дома.

В это время довели до слуха его, что в пределах Аварии – Кара-Кайтага // *[320 а]* и Кирама появился некто по имени Сам-мирза, который рассказывает следующее: «Я сын шаха Тахмасба, сына шаха Султана-Гусейна Сафеви. В то время, когда Махмуд афганец окружил Исфаган, как это было сообщено в первом томе, Мухаммад Му'мен-хан Итимад – отправил меня в сопровождении нескольких подчиненных Фатх-Али-хана лезгина в сторону Азербайджана. В полночь прибыли в селение Атимиш в окрестностях Тебриза, что расположено в двух *фарсахах* от него. По прибытии туда издали мы увидели свет. Когда вошли в то место [где горел свет], увидели трех оборванных дервишей, которые сидели и пировали вместе. Поздоровавшись с ними, мы сели. Те трое дервишей после изъявления большой приязни сказали: «Если хотите остаться живыми, то из этих мест уходите в сторону лезгинских Кирама и Киака (Кара-Кайтага). В тех местах ваши приходы и уходы будут заметны, [поэтому] замаскируйтесь. После тридцати лет в любую сторону, куда захотите [пойти] идите, победа и счастье будут с вами». Сказав это, те трое, отойдя в угол, ушли. Нас тоже было три человека. Выйдя из тех пределов, после многих лишений и трудностей мы прибыли в Кирам и Аварию. Там, в укромном месте, занимались нищенством, а большую часть времени проводили в Грузии». И тогда об этом происшествии рассказали одному из лезгинских *пиш-имамов*[193], и эта тайна стала явью. Того царевича сефевидского происхождения [лезгины] привели во дворец своего *сердара*. Лезгинские предводители после расследования [того дела] проявили по отношению к нему (царевичу) полное внимание и любовь. За короткое время вокруг него собралось двадцать тысяч человек. Когда эта радостная весть дошла до слуха Сурхая, он выступил с несколькими своими приближенными и явился к Сам-мирзе. На его челе [он] обнаружил следы величия и благородства и про себя подумал: // *[320 б]* «Кызылбашские люди почитают падишаха и особенно верят дому шейха Сефи. Поэтому лучше будет, если я возьму в качестве предлога царевича, вступлю в Азербайджан, подчиню тот край и направлюсь в Ирак. Когда о восшествии на престол Сам-мирзы узнает всякий и каждый, все предводители, что у стремени *сахиб-кирана*, прибудут к нам». С таким тщетным желанием и праздными мыслями [Сурхай] взял высокопоставленного царевича и вступил в свои пределы. В тех пределах Сурхай, запасшись всем необходимым, решил сражаться.

В это время от Мухаммада-Али-хана Кырхлу пришли гонцы с письмом, которое гласило: «Уникум эпохи (Надир) начал зло и насилие и хотел меня казнить. Вместе со мною хорасанские и ширванские *газии* также вышли из подчинения и повиновения, и мы хотим восстать. Если вы имеете желание сопротивляться и восстать, то без задержек входите в эти пределы». Сурхай лезгин обрадовался этой вести и с полным снаряжением направился в Ширван. Однако когда Мухаммад-Али-хан решился [на мятеж] {букв. укрепил себя в готовности [к мятежу]}, он разгласил эту тайну Муса-беку бур-буру, которому августейшая особа (Надир) полностью верил и наказывал, что, если у Мухаммад-Али-хана или у кого-либо другого из предводителей возникнут тщетные мысли, донести [об этом] до сведения высочайшего порога раньше, чем они из добытого имущества хоть один динар попусту растратят на свои прихоти. Упомянутый Муса-бек, увидев такое поведение высокопоставленного *сердара*, стал советовать ему [отказаться] и стал удерживать его от этого великого дела. *Сердару* [это] не понравилось, и он арестовал упомянутого Муса-бека.

Мирза-Абдул-Латиф, войсковой писец, человек умный и проницательный // *[321 а]* тайно и открыто несколько раз говорил [Мухаммад-Али-хану]: «Не слышал, что говорили: если младший спорит со старшим, то так упадет, что никогда не встанет». Ныне на этом свете каждый султан и падишах обитаемой четверти земли, который выступает {букв. «поднимает голову неподчинения и бунта»} против его величества мирозавоевателя, кается за свои дела и слова и становится пленником шахиншахского гнева и негодования. Высокий раб (т. е. Мухаммад-Али-хан) не сможет справиться с этим великим делом, себя и прочих людей своей ставки выставит на погибель и под гнев *сахиб-кирана*».

Вышеуказанному *сердару* не понравились эти слова. Он приказал дать [писцу] 1000 ударов палкой и конфисковать его имущество, самого же арестовать. Этих двух людей [Муса-бека и Мирза-Абдул-Латифа] он выслал из крепости Дербент в Ширван, чтобы их держали там. Когда их привели в те пределы, Муса-бек нашел удобный случай, сел на быстроногого коня и бежал. Он добрался до победоносного *сахиб-киранского* стремени в обители власти Тебризе и доложил у высочайшего халифского престола о бунте и мятеже Мухаммад-Али-хана.

Хакан-мирозавоеватель не принял эти слова [во внимание] и проявил [к ним] пренебрежение. Однако в это время сановникам вечного государства стало известно о сборе людей и приготовлениях Сам-мирзы. Высокопоставленный *наввáб* Насраллах-мирза за несколько дней до этого удостоился прибытия к победоносному стремени. Владыка эпохи некоторым *сердарам* и вождям племен дал кому десять, кому двадцать тысяч человек и послал в пределы Гянджи, Карабага,

Чухур Са'ада[194], Ахар-Карадага[195] и Мугана. Отдельный указ послал Хан-Джану, повелев стоять с грузинским войском в городе Тифлисе и на лугах у подножья горы Эльбрус и поступать в соответствии с волей мирозавоевателя.

// [321 б] Когда Мухаммад-Али-хан узнал о победе Муса-бека бур-бура, задумавшись, он сказал: «Еще Сам-мирза не прибыл в эти пределы. Вдруг *хакан*-мирозавоеватель из-за слов Муса-бека направит поводья движения в эту сторону. Лучше я пошлю письмо ко двору прибежища мира об искренности и преданности и о появлении Сам-мирзы, успокою его, пока не прибудет в эту сторону Сам-мирза». С этой целью Мухаммад-Али-хан послал письмо, где сообщал о приготовлениях и движении Сам-мирзы.

Хакан в ответ написал: «Если захочет всевышний Бог, в эти несколько дней направлю в ту сторону дражайшего, счастливого, прославленного сына своего Насраллах-мирзу с войском, мечущим гром и молнию, чтобы наказать и покарать всех противников и врагов этого государства. Они должны затем вернуться и доставить живым Сам-мирзу в наше милосердное присутствие. Если он окажется из детей и потомков милостивого, прибежище щедрости находящегося в раю шаха Султан-Хусейна Сефеви, по щедрости и великодушию царство Иран, которое есть его владение из поколения в поколение, ему передам и пожалую и проявлю по отношению к нему совершенную милость. Ныне цель нашего взора, подобного солнцу, есть только странствование по свету и искоренение носителей неверия и мятежа. Нам достаточно славы, которая осталась от нашей августейшей особы. Пусть [Мухаммад-Али-хан], тот высокопоставленный, с полным спокойствием старается на назначенной ему службе и не проявляет беззаботности».

Этот благословенный указ [Надир] отправил в сопровождении гонца того высокопоставленного [Мухаммад-Али-хана]. Мухаммад-Али-хан, узнав о счастливом [для него] содержании того письма, тотчас успокоился и сказал своим предводителям: «Я обманул уникума эпохи (Надира)» *// [322 а]* Он укрепился в своих помыслах о непокорности и начал снаряжать и готовить свое войско. Он приготовил себе падишахский *чаргаб*[196], чтобы после прибытия Сам-мирзы и устранения уникума времени [Надира] убить Сам-мирзу, захватить бразды правления и стать падишахом Иранского государства.

Поход войска Сам-мирзы в пределы Ширвана. Отправление *сахиб-кираном* своего сына Насраллах-мирзы на борьбу с ним. Пленение [Сам-мирзы] победоносным войском навваба *джиханбани*. Заключение в цепи *сердара* Мухаммад-Али-хана

Владыка александровского трона и монарх-мирозавоеватель беспрерывно слышал в прибежище власти Тебризе и на стоянке в Ахар-Карадаге о бунте и мятеже Сам-мирзы и ждал вестей. Что же еще судьба покажет нам из-за занавеса? Сам-мирза с Сурхаем лезгином, сделав смотр пятидесятитысячному лезгинскому войску, с полной боеспособностью вошли в пределы Ширвана. Жители той страны пришли в отчаяние из-за насилия и угнетения, из-за необходимости поставок фуража *// [322 б]* и бесчисленных издержек, которые они несли, когда знамена величия и славы находились в Дагестане. Поэтому по прибытии Сам-мирзы [жители Ширвана] его приветствовали, пленились его дружелюбными речами, поверили ему и стали на путь подчинения и послушания.

Однако некий Касем-бек, знатнейший человек той области, знающий законы, увидев, что все предводители и племенные вожди присоединились к нему (Сам-мирзе), бежал из Шемахинского края и ушел в Лахиджанскую степь. Когда Сам-мирза поднял знамена славы до самой луны в Шемахинском крае, то со всех округов Азербайджана группы кочевников-степняков вышли из повиновения [Надиру] и каждая числом двести, пятьсот или тысяча человек направилась в эту сторону [к Сам-мирзе]. Изо дня в день положение и величие его [Сам-мирзы] увеличивалось и возрастало. Когда Мухаммад-Али-хан узнал, что людей и оружия [у Сам-мирзы] больше, чем у него, несколько дней он оставался на месте. Ежедневно [Мухаммад-Али-хан] писал письма Сам-мирзе о том, что прибудет к нему через пять-десять дней. [Посредством такой] хитрости и обмана он удерживал себя в состоянии [бездействия] и ждал, какой приказ выйдет от *сахиб-кирана* эпохи, проводя дни свои в раздумье и страхе. «Зачем умному делать что-то, чтобы потом раскаиваться». Но, когда Касем-бек сбежал, он оставил свою семью и людей в Талыше[197], а сам со всей поспешностью добрался до победоносного *сахиб-киранского* стремени и доложил у подножья высокого халифского престола о прибытии Сам-мирзы в Шемаху и о захвате ее. *Сахиб-киран*-мирозавоеватель пробыл в прибежище власти Тебризе до тех пор, пока не кончилась зимовка. В начале весны, во время появления тюльпанов и зелени, от действия соединения солнца и точки весеннего равноденствия *// [323 а]* четвертая часть вселенной из-за появления различных цветов и зелени стала подобна двору его величества *сахиб-кирана* и умножила славу изменчивого мира. [Именно тогда Надир] приказал своему среднему сыну На-

сраллах-мирзе, который в то время был вызван из Хорасана к победоносному стремени, взять тридцать тысяч человек из хорасанских молодцев и направиться на усмирение и наказание Сам-мирзы и шемахинских мятежников.

Когда [Насраллах-мирза] прибыл на расстояние двух переходов от той местности (Шемахи), он сделал остановку и послал несколько их гонцов к Мухаммад-Али-хану Кырхлу [с извещением]: «Сейчас великие победоносные знамена направились в Ширванский край, а ты должен взять воинов, подчиняющихся тебе, и прибыть к стремени *навваба джиханбани* (Насраллах-мирзы)».

В тех краях Мир-Алам-хан, сын Исмаил-хана Хазима, который служил в рядах *минбаши*, был недоволен высокопоставленным *сердаром*, но из-за страха и опасения перед тем злоумышленным ханом выдавал себя за его искреннего приверженца и служил ему. Когда [Мир-Алам-хан] услышал о счастливом прибытии хранителя мира (Насраллах-мирзы), то он так договорился с великопоставленным *сердаром* (Мухаммад-Али-ханом): он (Мир-Алам-хан) с небольшим количеством людей пойдет к тому счастливцу (Насраллах-мирзе), узнает о его боеготовности и осведомленности и вернется обратно к *сердару*. С таким намерением он направился в сторону лагеря *навваба джиханбани*. По прибытии к тому высокопоставленному он (Мир-Алам-хан) наедине доложил о непокорности и строптивости Мухаммад-Али-хана и дал обязательство, что, если завтра во время аудиенции под каким-нибудь предлогом этого раба (Мир-Алам-хана) оскорбят, то вечером он убежит к Мухаммад-Али-хану и любым способом схватит и доставит его ко двору украшателя мира (Насраллах-мирзы).

Высокопоставленный царевич, приняв во внимание *// [323 б]* искренность и преданность Мир-Алам-хана, как и договорились, во время аудиенции в присутствии великих эмиров, обращаясь к нему (Мир-Алам-хану), сказал: «Ты хитрый человек и занимаешься обманом. Ты вместе с Мухаммад Али-ханом хотел бунтовать». Его сильно избили и выставили из *диванханэ*[198].

С наступлением ночи [Мир-Алам-хан] со своими людьми убежал в сторону Дербента. Прибыв к *сердару*, он начал жаловаться и говорить, что принял решение убить *навваба джиханбани*. Мухаммад-Али-хан обрадовался решению Мир-Алам-хана убить [*навваба джиханбани*] и успокоился. Через два-три дня [Мир-Алам-хан] пригласил высокопоставленного *сердара* на пир. Утром [Мухаммад-Али-хан] хотел вернуться. Мир-Алам-хан стал упрашивать его: «Что случится, если сегодня отдохнешь в лачуге бедняка и почтишь этого ничтожного?» Высокопоставленный *сердар* согласился с этим предложением и остался на отдых в том доме. Остальные предводители вернулись в свои родные места и жилища.

Мир-Алам-хан, имея при себе примерно тысячу человек, решил схватить высокопоставленного *сердара*. Внезапно окружив его шатер, он заключил [Мухаммад-Али-хана] в оковы и цепи. [Мир-Алам-хан] вызвал всех предводителей и племенных вождей лагеря Мухаммад-Али-хана и показал им благословенный и подлежащий беспрекословному исполнению приказ *сахиб-кирана* и *навваба джиханбани*. В приказе говорилось: «Так как Мухаммад-Али-хан положил начало злу и мятежу и по отношению к этому небесноподобному дому является вероломным, надо его схватить, заковать в оковы и привести к мироукрашающему двору». Все предводители и племенные вожди проклинали и поносили Мухаммад-Али-хана. В тот день [они] вышли из Дербента и, делая переход за переходом, направились *// [324 а]* к высокопоставленному царевичу. По их прибытии *навваб джиханбани* оказал милость и ласку по отношению к Мир-Алам-хану. Он (Насраллах-мирза) возвысил его (Мир-Алам-хан) и сделал бесподобным среди равных [ему] и подобных по положению. По приказу счастливого *навваба* вырвали оба глаза Мухаммад-Али-хану и заточили его в тюрьму.

Но что же происходило на другой стороне? Когда Сам-мирза узнал о прибытии высокопоставленного царевича (сына Надира), он послал несколько гонцов в Дербент [с просьбой], чтобы Мухаммад-Али-хан как можно быстрее с войском, подчиняющимся ему, явился бы к благородному стремени [к Сам-мирзе]. Когда [гонцы] прибыли в ту область (Дербент), они не нашли никаких следов кызылбашей и вернулись. Они доложили Сам-мирзе, Сурхаю и другим предводителям о захвате и аресте Мухаммад-Али-хана и отправлении [его] к *наввабу* Насраллах-мирзе. Услышав эти слова, они расстроились. Пообещав своим воинам кызылбашских лошадей и оружие, [Сам-мирза и Сурхай] поневоле двинулись и вышли из Шемахи. Пройдя один переход навстречу победоносному войску, они остановились. В это время счастливый *навваб джиханбани* с победоносным войском выступил с целью уничтожения {букв. «направил поводья самоотверженности к отражению и уничтожению»} Сам-мирзы. Пройдя некоторое расстояние, он расположился на упомянутой стоянке напротив войска Сам-мирзы и своим пребыванием довел величие этой стоянки до самой луны. Враги узнали о желании и намерениях один другого и стали покушаться на жизнь друг друга. В местности* Ширванского края произошло столкновение тех двух великих войск. Счастливый *навваб джиханбани* на правом крыле войска сделал военачальниками Мир-Алам-хана Хазиме и Имамкули-хана афшара, а на левом крыле назначил Мухаммад-Али-хана каджара, Мухаммад-Дуст-бека Кырхлу и За-

* Пропуск в тексте: место не указано, возможно, рассказчики не знали или автор забыл название местности.

ман-бека узбека. Сам же в центре // *[324 б]* поднял счастливые Надировы знамена.

Со своей стороны, Сурхай-лезгин укрепил свое войско жаждущими мести богатырями. В центре [он] поставил Сам-мирзу со смешанным войском: ширванцами, грузинами и прочими, а сам с остальным войском направился на бой с кызылбашами. Первым делом [Сурхай] приложил старания к тому, чтобы берег реки сделать лагерем и не позволять противникам брать воду. Поэтому на берегу реки разгорелась битва. Полководец небесных светил на голубом небосводе, обозревая поверхность земли, еще не видел такой тяжелой битвы. // *[325 а]* Из-за обилия {букв. «тучи»} использованного вооружения повсюду текли ручьи и реки крови, а в тех реках [лежали] искромсанные тела убитых. Едва только люди вышли из укрытий {букв. «перестали скрываться»}, как кровожадные стрелы, словно нежданная беда, ударили в груди бойцов, что стали мишенью роя ос коварства; дротики – ядовитые змеи, словно стройнотелые [кумиры], безжалостно поражая любой взгляд, коварно превращали их (бойцов) в кровь и прах, а острые мечи, [сверкавшие] над полем битвы из одной фигуры создавали две. От выстрелов ружей, настроенных на мелодию смерти, каждый миг тысяча окровавленных тел падала друг на друга.

Когда Сурхай увидел стойкость и решимость кызылбашских борцов, жаждущих мести, он потребовал к себе богатырей лезгинского войска и тех, которые получили у него доверие и неоднократно были испытаны на поле битвы. Коней, которые устали от бега на поле битвы, он заменил сильными, отдохнувшими. Затем таким путем, как и хотел, [Сурхай] с десятью тысячами всадников направился на кызылбашские шеренги. Увидев мощь и силу их [Сурхая и Сам-мирзы] часть кызылбашского войска, которая находилась на правом крыле, отступила. Но большой отряд из прославленных кызылбашских молодцев, находившихся под счастливыми знаменами *наввába джиханбани*, под предводительством Мухаммад-Хосейн-хана каджара, сели на рассвете на молниеносных коней, обнажив мечи работы Шабана и шашки, смазанные ядом, и погнали коней навстречу противнику.

// *[325 б]* На другой стороне Сердар-бек афганец примерно с двумя тысячами людей подоспел на поле битвы. От их присоединения у смельчаков арены битвы прибавилась сила и мощь. Те воины, которые при первом столкновении из-за трусости и малодушия попрятались по углам и сторонам, пристыженные, вновь вернулись на поле битвы*. Среди этой сумятицы сражения позади войска Сам-мирзы поднялась пыль. Обе стороны, испуганные, устремили взоры на ту пыль. Час спустя выяснилось, что около тысячи семисот всадников ширванского

---

* Текст испорчен.

войска прибыли на поле битвы. Они были искренними приверженцами и *мулязимами* его величества *сахиб-кирана*.

Во время движения блистательных знамен в сторону Тебриза [Надир-шах] оставил тех людей (ширванцев) в своих домах и родных местах, чтобы они некоторое время отдохнули, так как многие годы трудились верой и службой вечному государству. Во время появления Сам-мирзы и подчинения [ему] прочих ширванских племен, эта группа, устрашившись гнева Надира, объединилась, поселилась в горах и пещерах и ждала доброй вести. И вот весть о прибытии счастливого *наввába* хранителя мира [Насраллаха-мирзы] дошла до их слуха. Они вышли из своих мест и узнали об этом сражении. Желая присоединиться к высокой ставке, они направились на поле битвы. При виде толпы снова соответственно удвоилась сила кызылбашского войска, а у противников опустились руки и опечалились сердца {букв. «упали сердца к этому делу»}. Однако Сурхай лезгин, подчинив своей воле этих людей, [сел] на коня, подобного горе, и выхватил шашку, сверкающую, подобно молнии. И те люди направились в сторону кызылбашского войска. // *[326 а]* Они низвергались, подобно потоку, волновались, подобно бушующему, кипящему морю, и теснились, подобно волнам темно-зеленого [Каспийского] моря.

Одновременно, по причине несравненного счастья *сахиб-кирана*, Сам-мирза увидел свое войско, жаждущим битвы. Не искушенный в войне, [Сам-мирза] со своими *гулямами* с центра напал на то победоносное войско. Внезапно его конь попал в яму, которая была вырыта судьбой для того страшного и опасного дня. Сколько он ни побуждал своего коня, чтобы направиться на поле битвы, передние ноги коня все больше зарывались в землю. В это время два молодца-ширванца прибыли на то место и добрались до него. При содействии и помощи друг друга [они] связали руки и ноги Сам-мирзы и доставили его к счастливому стремени *наввába* Насраллах-мирзы. Прославленный царевич поднялся на усердную молитву, а тем двум в качестве подарка пожаловал двести туманов.

Когда Сурхай и прочие *сердары* увидели Сам-мирзу пленным, а свои знамена повергнутыми, они поневоле направились в ущелье и удалились каждый в свою область. Победоносное же войско, подобное разъяренному льву, многих поубивало в тот тягостный день. Много имущества и добра попало в руки воинов*, счетчик разума ослабел от их исчисления и признал свою немощь и слабость.

В той битве схватили группу ширванских глупцов и привели ко двору *наввába* прибежища мира. По приказу владыки мира [Надиршаха] // было предусмотрено всеобщее избиение жителей Ширвана,

---

* Текст испорчен.

однако великодушие и благородство высокопоставленного царевича было свыше всякого воображения, поэтому всех пленных отпустили благодаря милости двух ярких созвездий (Надира и его сына). [Насраллах-мирза] также написал успокоительный приказ жителям Шемахи и отправил его в сопровождении нескольких знатных людей. [Сам же] два-три дня провел в тех пределах в увеселениях и наслаждении. Потом [Насраллах-мирза] двинулся и вступил в Шемаху. Группу злоумышленных предводителей, которые склонялись к словам и делам Мухаммад-Али-хана и Сам-мирзы [Насраллах-мирза] низвел до самого низкого положения, а каждого из доброжелателей и приверженцев надирова дома удостоил высокого звания и почетного сана. Насраллах-мирза привел в порядок дела Ширвана до границ Дербента, Кумука, Киака. Он написал послание лезгинскому шамхалу и объявил ему о злодеяниях Сурхая. Касем-бек Ширвани, о котором было раньше сказано, прибыл к стремени высокопоставленного царевича. Согласно приказу, [Насраллах-мирза] оставил его *векилем* и полновластным правителем той страны. Когда достойные помыслы царевича мирозавоевателя успокоились в этом отношении, он доложил у высокого подножья халифского трона о победах и о том, как пленили Сам-мирзу и Мухаммад-Али-хана. Согласно приказу, высокопоставленный царевич был вызван к победоносному стремени. Царевич мира оставил в том государстве примерно двенадцать тысяч хорасанских воинов, а сам двинулся по направлению к небесноподобному *сахибкиранскому* двору.

А что было на другой стороне? *Хакан* эпохи несколько дней пробыл в обители власти Тебризе, а когда наступила весна и время появления зелени и цветов, он вышел из Тебриза // *[327 а]* и направился в Чаман-Уджак. [Он] проводил время в приятных местах и летовках того края, ожидая вестей от *навваба джиханбани*. В это время прибыли гонцы. Его величество, после того как успокоился относительно того края (Ширвана и Дербента), делая переход за переходом, направился в Хамадан[199].

В это время царевич мира удостоился присоединения к счастливому *хаканскому* стремени и доставил в светлейшее *хаканское* присутствие Сам-мирзу и Мухаммад-Али-хана. Когда стали расспрашивать [Сам-мирзу] о родственных связях с семьей Сефевидов, он отвечал неопределенными словами. Согласно свидетельству Хасан-Али-хана *моаййер-баши*, он говорил неправду, он не являлся потомком сефевидских падишахов, поэтому его убили. Мухаммад-Али-хана также лишили жизни. В то же время *хакан*-мирозавоеватель по-настоящему успокоился относительно положения стран Ирана, Хиндустана, Синда, Белуджистана, Туркестана и Дагестана, так как там больше не осталось следов противников и все жители и любая тварь пребывали в

колыбели спокойствия. Желание завоевать страну Рум охватило помыслы владыки эпохи, и он (Надир-шах) решил заняться делами {букв. «направил поводья желания на приготовление и устройство дел»} того государства. Если захочет Аллах, в третьем томе приступим к описанию этих дел.

Хвала и благополучие Аллаху, царю поклоняющихся, и благодарение Ему и признательность за завершение этих записей [есть] в исполнении молитвы и благословении и приветствовании Мухаммада, посланника до дня Страшного суда, и его надежнейших, самых набожнейших сподвижников.

ТОМ III

// *[114 а]* [Поход Надира в сторону Дагестана и получение им известия о бунте афганских, белуджских и мултанских племен]

Пишущий эти строки и письмоводитель этих букв так описывает [случившееся]. В то время, когда победоносные знамена великого и почетного *хакана* султан-султанов мира, шахиншаха-мирозавоевателя прибыли в Дагестан и в тех пределах [он] поднял знамена власти, все население Азербайджана находилось при победоносном стремени. В это время прибыло несколько гонцов от собственного *векиля ад-довле*[200] Тахмасб-хана Джалаира, *сердара* области Кабула, Пешевара, Джалалабада, Мултана вплоть до берегов реки Атак. Он написал донесение ко двору мирозавоевателя с таким содержанием: «Афганское племя, что живет в пределах реки Атак, пошло по пути неподчинения, и по своему желанию никто [из тех людей] не приходит в подчинение и повиновение и не отказывается от своих злодеяний. Сейчас [мы] с победоносным войском направились к тому племени. Все, что произойдет по воле судьбы, будет доложено».

// *[128 б]* [Мятеж Сам-мирзы второго[201] в Ардебиле и дела Мухаммада, сына Сурхая[202]]

Итак, сказитель напоминает. Когда победоносные знамена двинулись в сторону Рума, [Надир] сделал Мухаммад-Али-хана, сына Ибрахим-хана, который был дорогим племянником его величества, полновластным правителем и владыкой государства Азербайджан, прозвав его Ибрахим-ханом. Прославленный *навваб* находился в Тебризской области, когда в обители наставления Ардебиле появился человек неизвестного происхождения. Он говорил: «Я, Сам-мирза, являюсь старшим сыном шаха Султан-Хусейна. До этого времени я был загнан в угол странствий и несчастий. Тот Сам, который до этого появлялся в

Дагестане и был схвачен и убит Насраллах-мирзой, был одним из потомков моего слуги. Он от меня сбежал и ушел в Дагестан». В тех пределах и // *[129 а]* в Гиляне около двух-трех тысяч невежд собрались вокруг него [Сам-мирзы второго], и он поднял знамена власти. Когда эта весть дошла до слуха прославленного *навваба*, он направил Мухаммад-Дуст-бека Кырхлу, который был одним из родственников его превосходительства, с частью тебризских воинов в Ардебиль. Как только та толпа, что собралась вокруг него [Сам-мирзы второго], услышала о победоносном войске, подобно темным воронам, улетела с того трупа, слова которого были только обманом. Того неизвестного и безнадежного схватили и привели к *захиру ад-довле*[203] [Ибрахим-хану]. Когда стали его расспрашивать, [он] произнес несколько слов, и все эмиры и знать поняли, что [Сам-мирза второй] безумец. *Навваб захир ад-довле*, когда увидел, что исступление* охватило его голову, приказал отрезать ему нос и оставил на свободе. Тот неизвестный сбежал из обители власти Тебриза и вошел в Дагестан. В любом месте и в любом краю, куда приходил, он говорил: «Сам-мирза первый был сыном моего слуги».

В то время Мухаммад, сын Сурхая, который во время пребывания победоносной свиты в Дагестане выступал против нее {букв. «повернул голову к неподчинению»}, скрывался в горах и лесах Аварского края. Узнав, что Надир собирается идти на Рум {букв. «Увидев знамена, изнуряющие судьбу, направленными в сторону Рума»}, сын Сурхая решил использовать {букв. «сделал мишенью к мятежу»} безносого Сама, который все еще имел в голове ветер высокомерия. [Мухаммад, сын Сурхая] распространял среди лезгинских племен: «Сам-мирза первый был сыном слуги этого. Я видел во сне, что с помощью его [Сам-мирзы] Иранское государство подчинится нам». Таким образом [он] собрал некоторое количество людей и начал подстрекать табасаранских и дербентских людей. А так как простой народ не имеет сведения о назидающем грехе и не знает о хорошем и плохом, о пользе и вреде, то некоторые из того края, желающие мятежа, поддались его искушениям. Он ([Мухаммад, сын Сурхая) писал письма жителям Ширвана и та-ким образом сделал их послушными себе, // *[129 б]* часть из них приходила и уходила, пока об этом не узнал Мухаммад-Али-хан Кырхлу и довел до священного сведения. В приказе к Хайдар-хану, *биглярбеку* Ширвана, было сказано: «С ширванским ополчением идти в Дербент на помощь Мухаммад-Али-хану, и если в тех пределах появятся люди Мухаммад Сурхая и безносого Сама, то вместе вступать с ним в борьбу {букв. «стараться в их отражении»}».

* Текст испорчен.

По непреложному приказу Хайдар-хан* с ширванским войском и людьми двинулся и вошел в местечко Шаберан[204]. Так как настроение жителей Дагестана и Дербента из-за близкого соседства распространилось и на людей Ширвана, то во время вступления в те края [Хайдар-хана] группа злоумышленников и хулиганов, сеющая смуту, проявила большое недоверие [думая]: «Если Хайдар-хан соединится с Мухаммад-Али-ханом, то с помощью и поддержкой друг друга [они] выявят наши тайные [замыслы] и ни одного из нас не оставят в живых». [Поэтому] то несчастное сборище сговорилось и поклялось друг другу [в верности]. Когда Хайдар-хан в своем шатре лег на отдых и заснул, его схватили и арестовали. О положении дел сообщили Саммирзе второму и Мухаммаду Сурхаю, чтобы они скорее прибыли. Услышав донесения тех людей, [Сам-мирза второй и Мухаммад Сурхай] послали гонцов, чтобы убили Хайдар-хана, а голову его послали к высокому двору, добро его разграбили и поделили среди воинов. Однако группа ширванских предводителей не соглашалась схватить и убить Хайдар-хана. Когда с помощью голой и голодной черни произошло такое странное происшествие, предводители и вожди, хотя и смотрели со стороны [на убийство] и не были согласны с этим, однако присоединились к разграблению его добра и богатства // *[130 а]* и запачкали себя грехом и неверием к шахиншахским благам. [Они] также написали письмо в пределы Дербента [и сообщили], что сколько было ширванских *мулязимов*, все сбежали и присоединились к голой и голодной толпе.

Когда число тех людей дошло до двадцати тысяч человек, то несколько предводителей для приветствия пришли к Саму второму. Оттуда двинулись и вошли в Ширван и крепость Акура[205], которая являлась центром правления [Сама второго], и отдали [эти места] безносому Саму и *мадж ад-довле*[206] Сурхаю. Часть жителей и знать Ширвана подняли мятеж {букв. «знамена несогласия»}. Предводители и вожди племен Шабрана и Табасарана также волей-неволей подчинились им {букв. «подчинились ошейнику их подражания»}. Ежедневно со всех сторон и краев приходили чернь и подонки и удостаивались особой одежды и безмерных подарков. День ото дня количество людей, собиравшихся вокруг них (Сам-мирзы второго и др.), умножалось и прибавлялось, и росли их великолепие и пышность. Об этом в Дербенте узнал Мухаммад-Али-хан, *сердар* Кырхлу, который находился там для защиты того места. Он в панике вторично послал гонцов к высокому двору. В это время люди из Мугана и прочие, что были назначены на охранение крепости Кирман из провинции Дербента, отдали эту крепость лезгинам и присоединились к Саму и Мухаммаду. Груп-

* В тексте слово *Хайдар* повторяется дважды.

па их предводителей, которые в Дербенте были на службе у Мухаммад-Али-хана, с людьми Дербента стали поджигать огонь мятежа из-за тайных обид на это великолепное государство, которые [они] долгое время держали в сердце, и [они] пришли к одному решению.

// [130 б] Когда Мухаммад-Али-хан увидел такое положение и услышал о деле с Хайдар-ханом, он убил группу дербентских предводителей и мятежников с муганскими предводителями, зачинщиками мятежа {букв. «от которых шла нить мятежа»}. [Он] также ослепил группу, которая закрыла глаза на государственное право. То сборище [слепых] направил в Муган и [дал им] четырнадцать *манов* тебризского веса выколотых глаз, чтобы это стало назиданием жителям земли. Сам же занялся укреплением Дербентской крепости и башен и снова доложил у высокого подножья трона о состоянии дел. Однако приказом мирозавоевателя было установлено Ашур-хану афшару, *сердару* Азербайджана, стоять в Иреване и с какой стороны ни появится враг, стараться его отразить и удержать [на месте]. Услышав это известие, он (Ашур-хан) с людьми, которые были у него, направился в сторону Ширвана для предотвращения зла. С Хаджи-ханом курдом, *биглярбеком* Гянджи, он остановился возле Куры и стал строить переправу. Когда гонец прибыл к мироукрашающему двору, приказом было установлено, чтобы Керим-хан афшар, *биглярбек* Урумие, направился в Муганат (в районы Муганской степи). Отряду *газиев* Тебриза, Баркешада, Карадага также приказано было направиться на помощь Ашур-хану. [В это время] царевич Насраллах-мирза, который находился в летовках Хамадана, получил августейшее известие о том, что сейчас августейшая свита возвращается из Мосула и через Гилян направляется в сторону Багдада. [Поэтому] он удостоился чести явиться к священной особе.

Приказом было установлено, чтобы Фатх-Али-хана, который был у брата матери его высочества *чархчи-баши*[207], направить в Ширван с пятнадцатью тысячами тамошних *газиев* в качестве *мулязимов* свиты царевича. Царевич после прибытия в обитель власти Тебриз направил часть победоносного войска с Фатх-Али-ханом вперед, чтобы они присоединились к Ашур-хану. Сам же следом [вышел] из Тебриза и направился к своей цели. После вступления на берег Куры [царевич] с Ашур-ханом, Хаджи-ханом и Керим-ханом перешли переправу и направились в крепость Шемахи.

В то время *// [131 а]* неизвестного происхождения Сам и Мухаммад лезгин находились на вершине горы, которая была самой высокой точкой мира, даже выше Баге-шаха. Когда они своими глазами увидели знаки победоносного войска кызылбашей, то с большим отрядом лезгин и ширванцев вышли на склоны, желая вступить в крепость и приготовиться к бою. В тот день, четвертого *зуль-ка'да*[208] 1156 г. х. / 20 декабря 1743 г., построились ряды той злонамеренной группы, готовые к убийству и борьбе.

На другой стороне Фатх-Али-хан и Ашур-хан преградили им путь, и произошла такая ожесточенная битва, что пока кровожадный Марс находился на этом голубом небосводе, [он] не помнил такой битвы. Из-за многочисленных вершин богатого счастья *сахиб-кирана* и милости всесвятого Бога пуля попала в Мухаммада, сына Сурхая, и ранила его. Со всех сторон победоносные войска вели натиск. Ряды Сама от страха и тревоги перед саблями победоносных смельчаков закружились и рассыпались, и все разбежались. Примерно одна или две тысячи человек были убиты и взяты в плен вместе со знаменами, барабанами и пушками.

Раненый Мухаммад, сын Сурхая, с небольшим числом людей [ушел] в сторону Дагестана, а Сам с группой последователей убежал в Грузию. В тот день имущество и богатство того войска было поделено между воинами. О победах доложили двору мирозавоевателя и высокопоставленному царевичу. После этого стали окружать крепость Алту[209]. Через два дня прибыл раб хранителя мира царевич Насраллах-мирза, и выстрелы из пушек и винтовок не давали пощады [жителям крепости]. Жители этого края с пристыженными лицами пришли к глубокоуважаемому царевичу, и примерно две-три тысячи лезгин, которые охраняли башни, *// [131 б]* были убиты по приказу. Большая часть людей, возбуждающая смуту и мятеж, была наказана. Было также [поручено] Ашур-хану, сыну Керим-хана, пойти в Кирам и убить всех жителей того края [за предательство по отношению к Хейдар-хану]. Кто бы ни был причастен к Саму из Кабалы, Шеки и прочих районов Дербента и Шемахи, все были убиты и уничтожены вместе с женами и детьми, добро и богатство и сладкая жизнь их были похищены. Из-за проклятых мятежников [сеющих огонь] жилища разрушились и какие только смельчаки и красавицы не были схвачены и наказаны мучительной смертью.

После убийства и грабежей в каждом районе и провинции были назначены новые правители и сборщики налогов, а Мухаммад-Али-хан Кырхлу в том же Дербенте был поставлен *сердаром* и утвердился в охране крепости. Он занялся отражением [нападения] и устранением дагестанских мятежников. Счастливый *навваб*, царевич людей мира вернулся к владыке семи государств (Надир-шаху).

Когда царевич возвращался из Шемахи и направлялся в сторону Гянджи, произошло следующее удивительное событие. Так как Карабаг весной является образцом неописуемой красоты и раем, украшенным зеленью, травой, цветами и цветущим багрянником, царевич направился поохотиться и посмотреть эту местность. В местечке между Биат-базари и Шахбалами *навваб* – хранитель мира был занят охотой

на фазанов и турачей и в любую сторону погонял темно-гнедого коня с золотой уздечкой. По небесному предопределению [царевич] увидел оленя и погнал коня вслед за ним. Вдруг некий человек из леса, из дупла дерева, выстрелил в грудь царевичу, но охрана, благодаря защите и благосклонности Бога // *[132 а]* уберегла [царевича от пули], и никакого ущерба не было нанесено той светлейшей особе. Пуля попала в коня возле подпруги с золотой уздой, и конь покатился. Находившиеся рядом верные *гулямы* посадили царевича на другую лошадь.

Все войско узнало об этом и занялось розысками того стрелка. Счастье [того человека], как и дела его, были в смятении, и [убийца] в беспокойстве бегал в разные стороны, ища дорогу к спасению. Однако он был схвачен одним из слуг царевича. Когда его привели к счастливому *наввабу,* он стал расспрашивать о деле, тот рассказал: «Я один из стрелков-*гулямов* Мухаммада, сына Сурхая лезгина. Во время шемахинской битвы был убит мой брат, а я убежал в сторону. После усмирения бунта и битвы в лагере и повсюду, я готовился и искал удобного случая. Наконец на этом месте [смог выстрелить], и пуля, которая не раз пришивала крыло к крылу птицы в полете, сейчас прошла мимо. По несчастью и бессилию судьбы и рока я попался». По приказу царевича ему вырвали глаза и направили в Дагестан.

Другое [событие] случилось во время прибытия в Карадаг. [Царевич] поднялся на высокую гору. С одной стороны той горы была яма, было темно, и дорога была очень узкой {букв. «подобно мосту через геенну огненную»}. Конь увидел кобылицу и помчался к ней. Нога грешного коня царевича попала в ту яму. По милости Аллаха и с помощью надирова счастья благородное тело [царевича] не очень пострадало.

Когда эти две страшные вести дошли до слуха *хакана*-мирозавоевателя, он пожертвовал беднякам Ирака, Азербайджана и Фарса шестьсот тысяч туманов наличными и пятьсот *харваров* злаков. Счастлив тот сын, который имеет такого отца. Короче говоря, царевич людей мира, // *[132 б]* делая переход за переходом, в области Сук-булак Казвина удостоился чести целования порога царя царей. По приказу [Надир-шаха] он остался при священном стремени, чтобы в том походе быть *мулязимом.*

[Помощь Гива Амилахура Сам-мирзе второму. Их поражение. Борьба Ирана за взятие крепости Карс[210]].

Дни и ночи ткется полотно, в нитях которого вырисовывается цветник того неспокойного времени. Безносый Сам, потерпев в тот тяжелый день непомерное поражение, предпочел бегство и скитался по горам и долам, сопротивляясь своей плохой доле, пребывая в беспокойстве и волнении. В свое время группа грузин по просьбе Мухаммада, сына Сурхая, прибыла со стороны горы Эльбрус для помощи и поддержки. В том походе [они] были среди покорных слуг незаконного падишаха и Мухаммада, сына Сурхая. В тот несчастный день эти грузины поспешно убежали. В пути они повстречались с ним [Саммирзой вторым] и, льстя ему, говорили: «Гив Амилахур, который является нашим *сердаром* и полновластным хозяином, отвернулся от Надирова дома, подобного небесному шатру, и всегда желал твоей службы. Если ты пойдешь к нему, он снова снарядит и снабдит твоих людей и отомстит за твое бесчестие и позор». Тот человек, обманутый величием и славой мира, услышав эти слова, сильно обрадовался и направился к нему [Гиву Амилахуру]. Однако о его поражении узнали все жители Азербайджана. Был издан указ царевича Насраллах-мирзы о том, что если [Сам-мирза] прибудет в какую-либо область и благополучно уйдет, то [жители той области] будут держать ответ.

// *[133 а]* В это время два-три подхалима и алчных неверных в полночь, так, чтобы ни один грузин и ни один из людей Сам-мирзы не узнал, убежали в Кахетию к Тахмурас-хану грузину и рассказали ему о случившемся. Тотчас же [Тахмурас-хан] с четырьмястами всадников направился по следам [Сам-мирзы второго]. Около ущелья Джангалак им преградили путь [воины Сам-мирзы], и между ними произошло сражение.

Безносый Сам, поддерживаемый грузинами, поднялся на высокую гору и послал несколько лазутчиков к Гиву Амилахору. Тахмурас-хан также послал людей в Грузию и вызвал свое ополчение. Осада длилась примерно десять дней, пока не прибыл [туда] Гив Амилахур и примерно восемь тысяч человек его войска. Прибыло и войско Тахмурас-хана. Двое суток продолжалась ожесточенная битва, в двух отрядах примерно три-четыре тысячи человек было убито. В конце концов, благодаря нескончаемому счастью шахиншаха, покорителя мира, Гив Амилахур был ранен. [Войско его] не выдержало натиска *газиев* и бежало. Безносый Сам с группой последователей четвертого числа месяца *зуль-ка'да* 1156 г. х. / 2о декабря 1743 г. попал в руки Тахмурас-хана. [Тахмурас-хан] заковал его и отправил в крепость Каракалхан[211], которая по прочности своей не имела себе равных в мире. Об этом доложил священной особе. [Эта весть] дошла [до Надир-шаха] в то время, когда победоносные знамена направлялись в Карс. [Надир] приказал: «Ослепить Сама на один глаз и с несколькими пленными румийцами направить к военачальнику Ахмад-паше в Карс, потому что Сафи-мирза также находится у него, и пусть два незнакомых брата повидают друг друга».

По непреложному приказу // *[133 б]* Тахмурас-хан посадил Сама на осла и направил в Карс. В тех краях [Сам], опечаленный из-за сво-

их горестей и оттого, что увидел счастливого брата, отдал душу [Богу] и успокоился. Короче говоря, когда мирозавоеватель, подняв знамена, с войском, жаждущим мести, направился в Карс, то в пределах Куры и Грузинского края дошла до священной особы весть о поражении румийцев. А дело происходило так. Когда высокие помыслы руководителей Османского государства остановились на Мухаммад-Али Рафсанджани, прославленном как Сафи-мирза второй, чтобы водворить его [на престол], то они прибегли к хитрости и стали писать письма в Иранское государство: «Мы являемся искренними сторонниками этого дома [Сефевидов]. Не раз к нам поступали ваши письма. Сейчас, когда все находятся на своих местах и в своих провинциях, надо притянуть в свой круг [людей] и оказывать сопротивление Надиру эпохи. Вслед за этим мы прибудем с войском, подобным Страшному суду». Письма они отправляли с купцами и торговцами. Когда их письма попадали в руки иранских предводителей и военачальников, от страха за свою душу некоторые их разрывали и не считали полученными, а некоторые отправляли их к владыке эпохи [Надиру]. Его величество *сахиб-киран* знал, что эти письма пишутся из лукавства, однако монарший нрав изменился, и печаль стала появляться в благословленных помыслах. Что если кто-нибудь напишет послание ему [Сафи-мирзе], хотя никто [в Иране] не слышал его имени. И еще в такое время, когда узнали, что Мухаммад, сын Сурхая, с частью лезгинского племени и с помощью Сам-мирзы оказал неповиновение, а эти люди [лезгины] рассержены и в душе недовольны Надиром-мирозавоевателем. *// [134 а]* Поэтому [Надир] послал много денег и подарков Ахмад-хану уцмию, Мухаммаду, сыну Сурхая, правителю Аварии и Джунгутая[212] и *кедхудам* Табасарана из окрестностей Дербента. Каждому [он] написал льстивые письма, в которых уговаривал их не подчиняться Сафи-Мирзе.

Юсеф-паша, правитель Ахсеке (А-Х-С-К-Е), назначенный для объявления приказов и присоединения казны, вступил в пределы Куры. Тахмурас-хан, который в то время был правителем Кахетии, вместе с Али-ханом Килджи, правителем Тифлиса, находились там в засаде. Юсеф-паша из осторожности отошел от гор и укрепился в лесу, а вещи, подарки, приказы и подношения с группой людей окольными путями направил в Дагестан. Ханы тоже знали дороги, военное ремесло и были бесповоротны [в своих решениях]. Прежде [чем отряд дошел до Дагестана] задержали его. Юсеф-паша, услышав об этом, очень испугался {букв. «приблизился к страху и стал другом ужаса»} и побежал. В пути от сильного испуга стал похожим на тень и вскоре умер.

После того, как об этом доложили шахиншаху эпохи, в благодарность за такую службу [он] вновь назначил [Тахмурас-хана] наместником Картли, а Убкели-мирзу, сына его, удостоил чести править Кахетией. Однако уцмий Ахмад-хан, лезгин Джунгутая, по приказу высокопоставленного падишаха Рума, с отрядом лезгин пошел на помощь военачальнику в Карс. Из местностей Катиями, татар, Кумука и Киака тоже пошел отряд, чтобы при поддержке и помощи румийского народа по возможности потребовать у кызылбашей сатисфакции за свой позор. Выйдя из своих пределов, они стали хвалиться и много разглагольствовать.

Однако что же было до этого? Мирозавоевательные знамена из пределов Нахичевани направились к цели, прошли летовки Кукче и Накира и в шести *фарсахах* от Арпачая в местечке под названием Ханаки (Х-А-Н-А-К-И)[213] оставили свой обоз. Из летовки Кукче в четверг *// [134 б]* двенадцатого *джумада ас-сани** упомянутого года августейшая свита направилась в сторону Карса. С наружной стороны крепости Карс полотна победоносных знамен были подняты до самого солнца и луны. На следующий день, когда взошло солнце {букв.: «когда павлин колеса четырех вер. украшенный драгоценными камнями, в [полном] наряде воссел на изумрудный трон лазурного небосвода вселенной»}, Мухаммад-паша, предводитель румийских войск, с бесчисленным войском вышел из крепости Карс и построил ряды для битвы с его величеством владыкой судьбы (Надир-шахом). С двух сторон победоносные молодцы и имеющие честь храбрецы вступили на поле битвы, и произошло ожесточенное сражение. Горы и долины были [заполнены] трупами убитых, а от пролитой крови потекли реки скорби. В конце концов, румийское войско разбежалось {букв. «направилось в пустыню бегства»}. Раненые и получившие увечья, больные и расстроенные [румийцы] вошли в крепость Карс. Еще несколько раз, [стоя] спиной к крепостной стене, а лицом к сражению, пытались воевать, но каждый раз часть их была убита, а часть попадала в плен. Оставшиеся отступили в крепость и стали защищать ее.

По августейшему приказу двенадцатого раджаба в высочайший лагерь прибыли обоз и гарем. После этого вокруг крепости Карс [Надир-шах] построил маленькие крепости и крепкие окопы. Часть *газиев* и артиллерию назначил на [охрану] каждой стороны крепости. Когда Ахмад-хан, лезгинский уцмий, увидел такое, со всеми своими людьми вышел из крепости и убежал. Группа разведчиков победоносного войска узнала об их бегстве, и им (разведчикам) было приказано преследовать их. Часть [дагестанцев] они убили, а [остальные] с большими трудностями и огорченные избрали дорогу бегства. Осада крепости затянулась, и дела военачальника [Рума] ухудшились, поэтому многие румийские воины начали разбегаться.

// [135 а] Военачальник был вынужден отправить с достойными подарками в высокую ставку Абдуль-Рахмана-пашу и Ахмада-эфенди

* Следует *джумада ал-ахира.*

Каср-бели (К-С-Р-Б-Е-Л-И), который в ставке военачальника был писарем, и еще несколько человек из предводителей династии. Он обещал предъявить Османскому государству требование этой стороны. После неоднократных визитов, когда этот посол вошел в доверие его царственного величества, его превосходительство военачальник направил Ахмада Каср-бели и несколько предводителей к османскому двору. Так как наступала зима, а сильные холода Карса известны, то оставаться там было невозможно.

Местность Ахсаке изобиловала зерном и продовольствием, поэтому [Надир-шах] пожелал пойти на ту сторону. В это время несколько шпионов прибыло из Арзарума. [Они] доложили августейшей особе, что Хасан-паша из Шама[214], по приказу правителя Рума, с сорока тысячами человек идет на помощь военачальнику Карса. *Хакан*-мирозавоеватель приказал своему дорогому счастливому сыну Насраллах-мирзе взять примерно четырнадцать тысяч прославленных хорасанцев, идти форсирующим маршем ночью, напасть на него (Хасан-пашу) и по возможности разогнать его войско. По непреложному указу [Насраллах-мирза] с *газиями*, подобными Рустаму, и смельчаками, мстительными, как Марс, форсирующим маршем [вышел]. В четырех *фарсахах* от Арзарума дозорные двух армий увидели друг друга, и обе стороны доложили о прибытии [войска]. Они в местечке* построили ряды для войны и убийства. С двух сторон разгорелась битва {букв. «базар битвы»}. У румийского предводителя были с собой пушки и фальконеты, поэтому с какой бы стороны ни нападали победоносные войска, [румийцы] // *[135 б]* выстрелами из пушек удаляли их от себя. Когда счастливый царевич увидел такое положение, [он] приказал тысячникам и пятисотникам прекратить бой, и войско направилось в Арзарум. Когда отошли на некоторое расстояние, румийские воины сочли это за слабость [кызылбашей], а когда увидели, что они идут к Арзаруму, решили, что кызылбашское войско хочет захватить крепость.

В это время примерно четыре-пять тысяч человек вышли из отряда военачальника и стали преследовать прославленных воинов. Когда они отошли от своего отряда примерно на полмили, внезапно победоносные молодцы, все вместе, подобно рычащему льву, схватив сабли, напали на ту недальновидную группу. Румийское войско отряд за отрядом шло следом. Та нападающая группа не выдержала смертельных ударов сабель кызылбашских *газиев* и, подобно стае лисиц, побежала с поля битвы, направляясь в сторону поверженного отряда. Откуда бы они ни шли, всюду натыкались друг на друга, и [таким образом] предводитель войск [Рума] потерпел страшное поражение. Повернув с поля битвы, они [румийцы], подобно дичи, побежали в сторону гор и степей.

В тот счастливый день победоносное войско добыло много богатства. Кто имел всего одну лошадь, в тот день стал хозяином вьючных животных, палаток, богатства и пленных. В это время захватили в плен Хасан-пашу и других предводителей и вождей Рума и привели к счастливому *наввабу*. Царевич людей мира заковал в цепи упомянутого пашу с товарищами и отправил к владыке мира [Надиру]. В пути // *[136 а]* Хасан-паша заколол себя кинжалом, а остальных предводителей владыка мира [Надир] освободил.

А его высочество в пределах Арзарума сделал много набегов и с бесчисленным богатством и большим имуществом прибыл к своему благородному отцу. Второго числа месяца благословенного *рамадана* 1156 г. х / октябрь – ноябрь 1743 г. [он] направился из Карса в сторону Арпачая, а оттуда пошел в Дахелкак и пробыл там несколько дней, пока не кончились провианты и зерно в этом крае. Так как предполагалось остаться зимой в Барда'а[215], [Надир] назначил усердных людей, чтобы в пределах Барда'а, в том месте, где лучше вода и климат, построить из тростника и досок несколько тысяч домов. Через крепость Агче и Карак [Надир] направился в Гянджу и Барду и в начале месяца *зика'да* вступил в то место, которое было выбрано для зимовки. [Он] жаждал наказать лезгин Дагестана, поэтому через несколько дней, после того как отдохнули вьючные животные, несмотря на то, что еще лютовала зима, двадцать второго месяца *зика'да* [Надир] с отрядом *газиев* направился в сторону Дагестана.

[События, происшедшие в Дагестане. Весть о прибытии румийских воинов в Карс]

Надир, [уникум] времени и эпохи, с частью хорасанских воинов оставил обоз и форсирующим маршем, делая два перехода вместо одного, направился в Дербент. Перейдя переправу Джавад шестого месяца *зуль-хиджжа*[216], он вошел туда. Мухаммад-Али-хан Кырхлу имел честь посетить победоносный двор и удостоился шахиншахской (подаренной) одежды. Пройдя то место, [Надир-шах] разделил отважных *газиев* на четыре группы // *[136 б]* и направил на разграбление в разные стороны. [Они] разграбили то племя, которое спокойно жило в тех краях и не предполагало о прибытии свиты *сахиб-кирана* в такое время года и с такой целью. [Войско] захватило много скота и большое количество богатства. В течение трех-четырех дней войско было занято хищением и набегами на окрестности, и после этого все главы и предводители Дагестана прибыли к небесноподобному двору и признали свои грехи. И даже те предводители и мятежники, которые пре-

* Пропуск в тексте.

жде скрывались в горах и долинах, все прибыли к благородному двору, раскаиваясь и сожалея о своих недостойных поступках. [Они] принесли свои извинения {букв. «развязали языки извинений»} и дали примерно семь тысяч *мулязимов* и коней с упряжью, подчинившись и смирившись {букв. «набросив на свои шеи ошейники послушания и смирения»}. Когда обнаружилась искренность и преданность тех людей перед лицом благодатной души, тогда [только] они были прощены {букв. «украсились и оделись в одежду прощения и милости»}. Каждому [Надир-шах] дал указ о правлении султанством и отправил в свою область. Забрав *мулязимов*, лошадей с упряжью, [Надир] направился в Дербент. Разрешив там дела, он поставил над тем государством отдельных правителей и сборщиков налогов.

В день мусульманского праздника жертвоприношения [он] направил бразды правления через Табасаран в сторону Барды. В конце *мухаррама*[217] 1157 г. х. / 1744 г. вошел в место пребывания правительства и двадцать дней находился в западных районах [этой области]. Когда же [Надир] увидел, что на северной стороне реки Куры имеется изобилие воды и травы, [он] двадцать пятого упомянутого месяца с обозом двинулся, перешел через Куру и вошел в пределы Ареш. Оттуда счастливого царевича Насраллах-мирзу [Надир] направил в Ирак, чтобы в тех пределах // *[137 а]* [он] разрешил дела Фарса и области Алишекар и укрепил там положение. Летовка Шеки примерно на три месяца стала местом пребывания мирозавоевательной свиты.

В конце месяца *джауза*[218] повернул поводья движения из пределов Шеки, перешел снова через реку Куру. Со стороны Джахина по дороге через ущелье направился в летовки Ереванского Кукче. В дороге священная особа тяжело заболела, и несколько переходов он [Надир] провел, лежа на носилках. Несколько ученых – философов натуры и знатоков Платона – старались излечить его величество, и по милости знающих врачей священное здоровье приблизилось к улучшению и исцелению, и двенадцатого *джамади уль-сани* в Кукче раскинулся величественный шатер.

Здесь возникло в священной душе тайное желание женить высокопоставленного царевича Имам-Кули-мирзу и Ибрахим-хана, сына Ибрахим-хана, который после гибели своего отца удостоился чести называться прославленным именем брата [Надира]. Поэтому вышел августейший приказ о приготовлении пиршества и веселья. Несколько дней в летовке Кукче продолжалось и ширилось веселье и пиршество. После окончания празднества [Надир] вверил власть в Хорасане царевичу Имам-Кули-мирзе, а упорядочить дела Ирака поручил Ибрахим-хану. Обоих с достойным снаряжением и вместе с луноликими [женами] направил к цели, а обоз приказал оставить.

Мирозавоевательное решение утвердилось на том, чтобы пойти и наказать некоего человека по имени Я'куб лезгин, который в окрестностях Акричая, между Джаром и Кахом, с примерно тремя тысячами бессостоятельной черни сошел с пути подчинения и повиновения и начал мятеж. [Надир] взял шесть тысяч прославленных конных стрелков и, делая переход за переходом, направился в те края. Придя // *[137 б]* к берегам реки Акричай, в местечке по имени Парлидара [ущелье Нарли] поднял знамена власти на вершину вращающейся вселенной, чтобы установить и выяснить [местонахождение] Я'куба лезгина и его стоянку и на следующий день направиться туда. В той роще поднялся шатер для владыки мира. Так как [на это место] прибыли за два-три дня [форсирующим] маршем, то по всеведущему року все уснули.

Однако шпионы и караульные Я'куба, которые находились в той же роще, узнали об этом и доложили ему (Я'кубу). У Я'куба было несколько верных слуг, которые в знаменитости, хитрости и верховой езде походили на однорукого Рустама и омайядского Омара. Четыре человека пообещали в эту ночь пойти и принести Я'кубу тело его величества *сахиб-кирана*. После того, как село солнце {букв. «после того, как высоко летающий рыжеголовый сокол спрятался в гнезде на западе»} и непроглядная ночь оделась в траурные одеяния, те четверо в кызылбашской одежде вошли в высокопоставленный лагерь. Иногда, натянув на себя собачьи шкуры, [они], двигались на четвереньках. Охраняющие шатер спали, перед взором же тех, которые не спали, они прошли в собачьих шкурах и добрались до шатра. Двое остались для сражения [снаружи], а двое других с саблями в руках вошли в шатер его величества. Две камфорные свечи горели в шатре. Милостью Аллаха его величество всегда, в темноте и при свете, охраняется и оберегается. В это время подул сильный ветер и скрутил тот шатер, свечи погасли, а шатер упал на его величество. Те двое, которые были в шатре, в темноте направили сабли в сторону его величества. [Однако] так как шатер свернулся, они дошли до столба шатра [служащего для опоры], и столб упал на его величество. В растерянности он закричал: «Что случилось?» Охранники подоспели [на зов] с четырех сторон // *[138 а]* и убили тех двух часовых, которые стояли снаружи. На тех двух других шатер упал и, так как смерть их была близка, подобно савану, окутал их. Как ни желали они освободиться, шатер смерти охватил их [не давая им пощады], и они перевертывались со спины на грудь.

В это время владыка мира [смог] выбраться из-под шатра и приказал поднять шатер. И тогда те двое тоже попали в руки охранников палатки. После допроса тех двоих убили. [Казнили] также тридцать-сорок человек из начальников личной охраны и караульных. На сле-

дующий день [Надир-шах] [снялся] с тех мест и перешел Акричай. По пути люди из лезгинского племени не захотели допустить до реки победоносное войско и стреляли, полагая, что смогут не позволить победоносному войску пройти там. Не знали они, что от бегущего потока нет избавления, кроме повиновения, а когда шквал огня попадет в тростник, ничем его не остановить.

Когда *хакан*-мирозавоеватель увидел такое, [он] приказал группе молодцев прыгнуть в воду на милю дальше [этого места]. Подобно быстроходному кораблю, [они] достигли берега и вышли в тыл той ничтожной группе, в течение получаса саблями и палицами разбили ряды тех людей и не оставили от них следа. Остальное победоносное войско перешло через брод. Без остановки делали переход за переходом и в полдень {букв. «в то время, когда павлин золотого небосвода был на высоте солнца и луны»} [Надир-шах] напал на упомянутое племя, и произошло тяжелое сражение. От искр ружейных выстрелов победоносных воинов и от пролитой крови поле битвы стало красным, подобно тюльпану. От ударов алмазоподобных шашек тела сражающихся покраснели {букв. «стали подобными срубленному кустарнику и горящему тростнику»}, // *[138 б]* и произошла страшная суматоха и ожесточенная схватка. До вечера с обеих сторон было убито много людей.

В полночь, подобно молитве, что поднимает голос во вселенной, лезгинское племя поднялось на вершину горы, ту гору сделало для себя укреплением и стало защищаться. [Они стреляли] из ружей и скатывали вниз камни. Группа из победоносных молодцев мужественно вызвалась пойти вперед {букв. «выступить ногой храбрости и смелости вперед»}. Хотя сто человек из этих молодцев были убиты и ранены, но с помощью Аллаха укрепление было взято. С южной стороны путь к бегству был закрыт, [поэтому] часть того племени от страха и растерянности прыгала с горы, погибая и достигая огня ада. Остальные были схвачены и пленены. Малая часть из них сбежала [спаслась]. Все дома и жилища того племени от вреда победоносных войск стали вверх дном, и не осталось следа процветания и [жизни] в тех местах.

[Надир] успокоил свои помыслы в этом отношении. Во время возвращения по воле судьбы началась буря, и пошел снег. Примерно тысяча *газиев* погибла в снегу и тумане, а *хакан*-мирозавоеватель прибыл в свою ставку и там остановился, чтобы несколько дней отдохнуть и посидеть в тени. В это время лазутчики принесли весть и довели до халифского сведения *сахиб-кирана* о движении военачальника, который вышел из двора правителя Рума и прибыл в Карс.

КОММЕНТАРИИ

---

[1] **Хорасан** – в древнее время в Персии так называли земли, лежащие на востоке. В Средние века это было название всех исламских стран, которые находились к востоку от пустыни Луг и до индийских гор. Таким образом, все города Трансоксании, область за рекой Аму-Дарьей к северо-востоку, кроме Систана и Кахастана на юге, входили в это понятие. Внешние границы Хорасана в Средней Азии – пустыня Китая, Памир, а со стороны Индии – горы Хиндукош. В дальнейшем границы стали четче, а территория стала меньше. В средние века Хорасан входил в состав Ирана. С северо-востока граничил с рекой Аму-Дарьей.

После Гератской войны в 1249 г. х. / 1833 г. Хорасан разделился на две части. Часть западнее р. Харируд вошла в состав Ирана, а другая часть – в состав Афганистана (эта территория немного больше Англии). Это горная территория с плодородными землями между горами. На западе Хорасана находится Солончаковая пустыня Кавир-е намак, а на юге – пустыня Лут. В этой провинции протекают такие большие реки, как Атрак и Горган, Кашаф руд и руд-е Абришам. Много городов – Кучан, Боджнурд, Сабзевар, Нишабур (последний – родина Омара Хайяма, где он и похоронен). Областной город – Мешхед (*Dehkhoda Aliakbar*. Loghat name (Encyclopedic Dictionary): In 14 vol. / Chief Editors: Muhammad Mo'in and Ja'far Shahidi. – Tehran: Tehran University Publications, 1993–94. Vol. 6. – P. 8457–8458).

[2] **Лезгинское племя** – так Мухаммад-Казим называет всех дагестанцев, невзирая на их национальность.

[3] **Хаджи-Дауд** – личность довольно неоднозначная. Родом из Мушкура, «простого происхождения (*Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. – СПб., 1896. – С. 2). «В дальнейшем он бывал в Мекке у гроба Магомета и оттого хаджи стал быть» (*Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост. М. Косвен и Х.-М. Хашаев. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 95). Был кадием в Мушкуре и «сыскал популярность и стал самостоятельным правителем в пределах Мушкура» (*Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 // ЦГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. 1718. № 1. Л. 1).

При правлении шаха Султан-Хусейна, когда во многих уголках Сефевидского государства вспыхивали антииранские и антиправительственные выступления (*Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга): Факсимильное издание. – М.: Наука, 1960. Л. 33 а. – На перс. яз.), Хаджи-Дауд стал настраивать суннитов против шиитов, тем самым против сефевидских шахов. Он искал поддержку у Ахмед-хана, уцмия Кайтага, и «совместно разработал план всеобщего восстания» (*Бакиханов А.А.* Гюлистан-Ирам. – Баку, 1926. – С. 102). К ним присоединился Сурхай-хан Казикумухский, одно из влиятельнейших лиц в Дагестане, очень энергичный и сильный человек. В первую очередь они захватили Кубу и убили ее правителя Ахмед-хана «и пошли на завоевание Ширвана» (*Мухаммад Мехди-хан Астрабади.* Тарих-е Джихангуша-е Надири (Мирозавоевательная история Надира): Литографированное издание. – Бомбей, 1309/1891–92. – С. 10. – На перс. яз.). На первом этапе они не смогли овладеть Ширваном и Шемахой, поэтому были вынуждены вернуться к себе. В это время от них отошел уцмий Ахмед-хан.

Через некоторое время Хаджи-Дауд и Сурхай-хан осадили Шемаху и убили Хусейн-хана, вновь назначенного биглярбека Ширвана (Там же). Все эти сведения Астрабади датирует 1132 г. х. / 1719–1720 г. н. э. Таким образом, и по персидским источникам можно еще раз подтвердить, что Хаджи-Дауд всего один раз захватил

и разграбил Шемаху – в 1720 г. Дата 1712 г., указанная в книгах А. Буткова, А. Бакиханова, является ошибкой. Ф.М. Алиев на основе русских архивных документов приходит к выводу, что «эта ошибка повторялась многими историками, в том числе и автором этих строк (т. е. самим Алиевым. – *А.К.*)» (*Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975. – С. 32; История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – Л., 1958. – С. 310; *Левиатов В.Н.* Очерки истории Азербайджана в XVIII в. – Баку, 1948. – С. 69; *Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Уч. зап. Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ДагФАН СССР. – Махачкала. 1957. Т. 3. – С. 87). В дальнейшем Хаджи-Дауд хотел овладеть городом Баку и крепостью Дербент, но это ему не удалось.

Хаджи-Дауд хотел заручиться сильным союзником и в этой связи решил обратиться за помощью к Российскому государству, но помощь ему не была оказана. В 1721 г. Хаджи-Дауд через крымского хана обратился к турецкому султану с просьбой о покровительстве и чтобы тот прислал свои войска для защиты крепости Шемахи.

В это время, в союзе с Сурхай-ханом Казикумухским Хаджи-Дауд напал на Шемаху. Они убили до 300 купцов, прибывших из России для торговли, и разграбили товаров на сумму до 400 туманов. Опасаясь последствий, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан отдались под покровительство Турции. Из Турции последовал указ султана, которым Хаджи-Дауд был назначен правителем Ширвана, а Сары-Мустафа-паша был послан с войском, чтобы поддерживать его. Таким образом, Ширванское биглярбекство перешло под покровительство Турции.

После назначения Хаджи-Дауда правителем Ширвана Сурхай-хан поссорился с ним. В дальнейшем правитель Кайтага уцмий Ахмед-хан и Сурхай-хан Казикумухский постоянно нападали на Ширван и грабили жителей. Уверяя персидское государство, что они действуют против Хаджи-Дауда и Османской Турции. Наконец, в 1724 г. Сары-Мустафа-паша довел до правительства Турции, что Сурхай-хан, принадлежащий к роду князей, пользуется в Дагестане преобладающим влиянием, по сравнению с Хаджи-Даудом, и более достоин звания правителя Ширвана. Хаджи-Дауд был вызван в Константинополь и больше он не смог вернуться в Дагестан. Он умер в Турции в 1728 г. Так закончилась его жизнь. Он был на политической арене с 1710 по 1724 г. В 1724 г. правителем Ширвана Турция объявила Сурхай-хана. (*Алкадари Г.* Асари-Дагестан. – Махачкала, 1929. – С. 55–56, 63; *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. – Баку, 1926. – С. 103–104; *Бутков А.Г.* Указ. соч. Ч. I. – СПб., 1896. – С. 70, 93–94; *Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 76).

[4] **Джар и Теле** – ныне Закатальский район на севере Азербайджана.

[5] **Лезгинский Сурхай** – автор имеет в виду Сурхай-хана Казикумухского (лакец по национальности). Один из влиятельных правителей Дагестана в XVIII в. Непримиримый противник Сефевидского государства, а после падения Сефевидов – злейший враг Надир-шаха. «В эпоху шаха Султан-Хусейна в городе Казикумухе из рода проживавших там дагестанских шамхалов выступил некто по имени Сурхай, сын Гирея, сына Алибека и в результате, достигши власти, стал править в Кумухе с титулом хан» (*Алкадари Г.* Указ. соч. – С. 53). Будучи предприимчивым и властолюбивым, он «присоединил к своим владениям часть огульских земель и лезгинскую область Кюре», часть Габасарана и стал править по масштабам Дагестана большой территорией. Вместе с Хаджи-Даудом в 1712 г. нападал на Шемаху, однако захватить город им не удалось. В 20-е годы поход Сурхай-хана Казикумухского и Хаджи-Дауда с целью овладения городами Гянджи и Баку (*Магомедов Р.М.* Хронология истории Дагестана. – Махачкала, 1959). «В 1721 г. вместе с Хаджи-Даудом Мюшкурским захватил Шемаху. Истребление русских купцов во время этого события (и разграбление товаров и города)» послужило формальным поводом для Персидского похода Петра I в 1722 г. Вмешательство Турции привело в 1724 г. к заключению русско-турецкого договора о разделе Восточного Кавказа (*Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. Ч. 2. – М.: Наука, 1968. – С. 127).

«После этих происшествий Сурхай и Гаджи-Дауд, опасаясь последствий», отдались под покровительство Турции. Вследствие чего последовал фирман (указ) султана, которым Хаджи-Дауд был назначен правителем Ширвана, а Сару Мустафа-паша был послан с войском, чтобы поддержать его. Таким образом, отстраненный Сурхай «возымел смертельную ненависть к Даудбегу, хану Шемахинскому, действовал против него и против Шемахи неприятельски и всячески досаждал туркам через лезгин и наипаче в Грузии через джарцев» (*Бутков А.Г.* Указ. соч. Т. I. – С. 89).

Турки принуждены были склонить Сурхая на свою сторону благосклонностью. В 1727 г. они дали ему достоинство двухбунчужного паши, с жалованьем в год по 3 тысячи рублей, дав ему в собственное владение Кабалу, а он присвоил и Агдаш (АК-ТАШ). Сурхай присягнул туркам в верности, но и эта мера не удержала его от нанесения вреда Шемахе. А в официальных турецких кругах стало известно, что Хаджи-Дауд ведет тайные приготовления, чтобы завязать дружеские узы с Русским государством. «По истощении всех средств, предвидя дурной конец, он (Хаджи-Дауд. – *А.Н.*) и обращался к русскому правительству с просьбою о принятии его в подданство со всеми владениями» (*Неверовский А.А.* Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб., 1847. – С. 21).

По секретному указанию султана Турции Хаджи-Дауду в 1724 г. было предложено с семьей и братьями приехать в Гянджу с визитом вежливости. Здесь он был арестован и отослан на Кипр, где и скончался в 1728 г. На его место был назначен Сурхай-хан, еще в 1721 г. отстраненный от управления.

В 1733 г. Турция, наголову разбитая Надиром близ Багдада, была вынуждена заключить с ним мир, «вследствие которого султан прислал ему хати-шариф (благородное послание) ко всем пашам завоеванных от Персии областей, в которых приказывал им очистить немедленно провинции, находящиеся под их управлением. Надир, прибыв в Ардебиль, поручил Муса-хану Астаринскому послать своего нукера с хати-шерифом к Сурхай-хану, управлявшему Ширваном. Но Сурхай, убив посыльного, написал Муса-хану письмо, наполненное дерзостями в том смысле, что овладел Ширваном силой меча лезгинских львов и что Ахмед бег багдадский и другие не имеют никакого права присылать подобные требования (*Бакиханов А.* Указ. соч.).

Это послужило формальным поводом для того, чтобы Надир пошел освобождать Ширван, бывшее биглярство, находившееся в подчинении Сефевидов и его столицу Шемаху. Кират, невольник Сурхая, долгое время правивший Ширваном, узнав, что Надир перешел воды Куры и идет на Шемаху, бежал в горы.

В 1734 г. Надир вошел в Шемаху. В дальнейшем Надир захватил Кази-Кумух, место пребывания Сурхая, разорив Кумух и разграбив все сокровища Сурхая. Жители попали в плен. Сам Сурхай бежал в Аварию. «После этой достопочтенной победы Хасфулад, сын Адель-Герай хана, сына Муртаза-Али шамхала, самое главное лицо Дагестана, представился Надиру и удостоенный звания шамхала, одаренный богатыми

подарками, просил о пощаде Казикумуха. Надир возвратил свободу всем пленным и по случаю приближения зимы и не надеясь скоро кончить с Сурхаем, скрывшимся в Аварии, пошел в Самурский округ (*Бакиханов А.* Указ. соч. – С. 115).

В 1738 г. брат Надир-шаха Ибрахим-хан, как пишет наш автор – «по пустым домыслам», – желая овладеть Дагестаном, двинулся на его завоевание. Против Ибрахим-хана выступил Муртаза-Али, старший сын Сурхая. В этом походе погиб брат Надир-шаха Ибрахим-хан, а Муртаза-Али был ранен. Надир узнал о случившемся в Индии, где он вел победоносную завоевательную войну. Это послужило причиной для нового похода на Дагестан в 1741–1743 гг.

Сурхай-хан противостоял Надир-шаху во всех его походах на Дагестан. В то же время амбициям Сурхай-хана, желавшего расширить свои владения за счет земель Ирана, не суждено было сбыться, как и планам Надир-шаха покорить народы Дагестана. В этом противостоянии Сурхай-хан потерял все свое накопленное богатство, его родное селение Кази-Кумух было разрушено. Однако все народы Дагестана, встав вместе на защиту своих земель, отстояли свою независимость

Сурхай-хан правил Кази-Кумухом с 1700 по 1748 г. и умер через год после смерти Надир-шаха в 1748 г. После его смерти Казикумухским ханством правил его сын Магомед-хан в 1748–1789 гг.

[6] **Ширван** – область на западном берегу Каспийского моря, к востоку от Куры, первоначально часть древней Албании или раннесредневекового Аррана. Через Ширван шел путь от Берда'а через Шемахию на Дербент. В некоторых рукописях вместо Ширвана стоит Шаберан или Шаверан. Шаберан упоминается как город еще в рассказах о турецких завоеваниях 1578 г. В XVII в. в качестве резиденции хана этой области появляется новый город – Куба.

Ширван включал ареал от Куры до Дербента. После уничтожения ширваншахов Сефевидами Ширван составлял провинцию новоперсидской державы и обычно управлялся ханом, который часто именовался также *биглярбеком* или *амир ал-умара'*.

В 1578 г. Ширван вместе с другими кавказскими странами также был завоеван турками, удержан ими после военных действий, шедших с переменным успехом, и по условиям договора 1590 г. отошел султану. При турецком господстве Ширван разделился на 14 санджаков; к нему относились как Шекки на северо-западе, так и Баку на юго-востоке, т. е. почти весь средневековый Ширван. Персидское владычество было окончательно восстановлено лишь в 1607 г.

По договору 1724 г. между Россией и Турцией, прибрежный район с Баку, занятый русскими, впервые был отделен в политическом отношении от оставленной за турками остальной части Ширвана со столицей Шемахой. Это разделение в управлении сохранилось и после воссоединения обеих частей с Персией. Еще по договору 1732 г. береговая область севернее устья Куры была оставлена русским, а остальные части Ширвана и Дагестан – туркам. Лишь после того, как Надир-шах силой отнял у турок их завоевания (взятие Шемахи – 22 октября 1734 г.), русские добровольно уступили ему прибрежный район По Гюлистанскому мирному договору в октябре 1813 г. Персия отказалась от Дербента, Кубы, Ширвана и Баку (*Бартольд В.В.* Соч.: В 9 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 3. – С. 371–372, 571).

[7] **Кызылбашские племена** – автор имеет в виду Иранское государство.

[8] **Мараге** – это большой город. Был столицей Азербайджана. Климат умеренный. Через город протекает река Саг, исток которой в горах Саханд-а (Иранский Азербайджан).

[9] **Чул-Муган** – Муганская степь.

[10] **Хосров-Новширван** – один из титулов Надир-шаха, которого автор сравнивает с Сасанидским царем.

[11] **Гази** – так Мухаммад-Казим называет воинов-мусульман в войсках Надир-шаха, так как в его армии были и христиане (армяне и грузины).

[12] **Ардебиль** – район на востоке Иранского Азербайджана с центром – городом Ардебиль, который находится 28° и 2 минуты восточной долготы и 38° северной широты. Омывается рекой Балыкчай или Махи-руд (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. I. – P. 1436).

[13] **Кират** – невольник Сурхай-хана, который от его имени долгое время управлял Ширваном (*Бакиханов А.* Указ. соч. – С. 114).

[14] **Навваб сахиб-киран** – *навваб* – мн. ч. от *наиб* – заместитель, доверенное лицо; *сахиб-киран* – обладатель счастливого сочетания двух светил, т. е. великий завоеватель (эпитет, который в свое время носил Тимур). Употребление слова *навваб* перед именем – «это титул, который во времена Сефевидов и Каджаров употреблялось и перед именем царевичей и царевн. Иногда употреблялось и перед именем шаха. В Индии ставится перед именем эмиров и радж (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 13. – С. 20136).

[15] **Шемахи** (русск. Шемаха) – позднейшая столица Ширвана, была основана «в мусульманское время и получила свое название по имени Шаммаха б. Шуджа "царя Ширвана"». Шемаха имела тогда, как и позднее, значение в особенности как центр производства шелка и торговли им» (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 3. – С. 571).

[16] **Чарбаг** – дворец или загородный замок (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 5. – P. 6995).

[17] **Фарс** – обширная территория Ирана, занимающая часть юга и юго-запада страны. Приблизительно с XI в. до н. э. была заселена арийскими племенами Парс» (Парфяне) и поэтому стала называться Парсом (Фарс). С севера граничит с областью Исфахан, с северо-запада – с Хузистаном, с востока – с Карманом, а с юга и юго-запада – с Персидским заливом. Областной центр – город Шираз, где находятся гробницы Хафиза и Саади (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 10. – P. 14927.

[18] **Шеки** – город в Ширванском крае, расположенном на востоке Закавказья. Очень часто упоминается в исторических сочинениях. Сейчас находится в Азербайджане, который по Гюлистанскому договору (1813 г.) отделился от Ирана и отошел к России (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 9. – P. 12717).

[19] **Кабала** – город вблизи Дербента (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 10. – P. 15381)

[20] **Кумук (К-М-К)** – по всей вероятности, это Кумух, место пребывания Сурхай-хана.

[21] **Киак (К-И-А-К)** – по всей вероятности, это Кайтаг.

[22] **Катак (К-Т-А-К)** – автор, скорее всего, имеет в виду селение Катех. Ныне находится на севере Азербайджана, расположено южнее Белокан и севернее Закаталы (Малый атлас СССР. – М., 1982. – С. 83. А-2.

[23] **Хиналук** – селение, расположенное под Кубою, к востоку, в горах. Граничит с севера с горой Шаком (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 104).

Ныне селение Хиналуг находится в Северном Азербайджане (История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – С. 34).

[24] **Уцмий** – имеется в виду уцмий Ахмед-хан (большой уцмий). В 1694 г. на иранский престол вступил султан Хусейн, человек кроткий и набожный. Дела государства расстроились, а вместе с ними запутались дела Ширвана и Дагестана. После смерти Али-Султана, кайтагского уцмия, на его место вступил Эмир-Гамза.

утвержденный и шахом в этом звании в 1696 г. Он правил Кайтагом более 10 лет. В конце его правления Ахмед-хан, сын Гусейн-хана, с помощью кубинцев и своих приверженцев в Кайтаге овладел городом Башли и сделался уцмием. В 1710 г. дела, относящиеся к Кайтагу, были поручены уцмию Ахмет-хану, сыну уцмия Улубия, которому вместо ста туманов (туман составлял 10 рублей серебром) жалованья было назначено в год по двести туманов (*Бакиханов А.* Указ. соч. – С. 101)

Как писал И.Г. Гербер, в 1828 г. уцмием был Ахмед-хан, «человек хитрый, наполнен лукавством» (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 109), владеет он хайтаками и карахайтаками, или черными хайтаками. Хайтаки живут подле Каспийского моря от Утемыша до границ Ширванских, от которых их отделяет небольшая река Дербах Они имеют пространную хорошую и плодородную землю, которая много изрядных деревень в себе содержит. Знатнейшие из них Башло и Маджалис, в которых владелец их уцмий обыкновенно пребывает. Знатнейшая деревня карахайтаков Караграт (Калакурейш. – *А.К.*). Правитель их употребляет титул хана Хайтагского и Каракайтагского.

Уцмий Ахмед-хан был человеком мудрым. Оберегал свои земли и расширял их. В 1710 г. напал на Табасаран и овладел им. В 1712 г., когда Сурхай-хан вместе с Хаджи-Даудом хотели напасть на Шемаху, уцмий Ахмед-хан послал к ним часть своего войска, но «Гирей-хан шамхал, узнавши об этом намерении, прислал к ним сказать, что он получил жалование от персидского правительства и должен поддержать его права: следовательно, если они пойдут на Шемаху, то он сделает нападения на их собственные владения» (*Бакиханов А.* Указ. соч. – С. 103). Ахмед-хан остался дома, чтобы предотвратить вторжение шамхала.

В 1722 г. уцмий Ахмед-хан напал со своим ополчением на вновь построенную русскую крепость в Кайтаге. Но Петр I в том же месяце разгромил резиденцию уцмия Башлы. В 1725 г. «уцмий Ахмед-хан с сынами и старшинами своими и кубачинскими отдались в Российское подданство. Усмею определено ежегодно жалованье по 2 т. рублей для того, что он обязался со всеми подданными, когда потребно будет, служить воинскую службу» (*Бутков П.Г.* Указ. соч. – С. 83).

В 1727 г. командующий Прикаспийского края князь Долгорукий выдал диплом о признании уцмия Ахмед-хана в верности Российскому государству (*Магомедов Р.М.* Указ. соч. – С. 59).

В рукописи Мухаммад-Казима не говорится, что уцмий Ахмед-хан принимал участие в борьбе против Ибрахим-хана, брата Надир-шаха. Судя по количеству обнаруженных нами указов Надир-шаха на имя уцмия Ахмед-хана, Надир-шах видел в его лице посредника между Сурхай-ханом и прочими правителями Дагестана и собой. К сожалению, не имея писем уцмия Ахмед-хана к Надир-шаху, мы не можем определить насколько исполнялись указы Надир-шаха уцмием. Однако можно сказать, что владения уцмия Ахмед-хана менее всего пострадали от нашествия Надир-шаха на Дагестан. «Уцмийство занимало к югу от р. Оросо-булак до р. Дарбак и к западу от Каспийского моря протянулось километров на 100. Численность населения уцмийства в конце XVIII в. достигала 75 тыс. Власть уцмия была наследственной и переходила к старшему в роду, но при этом утверждалась всенародным собранием. Одновременно с уцмием утверждался и его наследник – гаттым» (История Дагестана. – М., 1967. – Т. 1. – С. 324).

Ахмед-хан имел титул «хана Хайтакского и Каракайтакского. Он всегда был в сих странах по шамхале знатнейшим». (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 108). Ахмед-хан умер в 1735 г. (*Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на

арабском, персидском и турецком языках. – Ч. 2. Надписи XVIII-XX вв. – М.: Наука. 1968. – С. 157).

[25] **Насакчи** – смотритель порядка в городе и в войсках, который назначался шахом. Особо смотрел за порядком в армии и армейских лагерях (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 13. – P. 19859).

[26] **Насакчи высочайшего стремени** – смотритель порядка в свите Надира.

[27] **Мулязим** – собственно «слуга», так называли и простых слуг, и вообще служивых людей: воинов, чиновников, обязанных службой феодалов, приближенных шаха (*Мухамад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из «Та'рих-и Аламара-йи Надири») / Пер., предисловие и прим. П.И. Петрова. – М.: Изд-во восточной литературы. 1961. – С. 187. – Примечание № 7).

[28] **Афшары** – туркменское племя. В давние времена кочевали в Туркестане. После захвата моголами Туркестана они перекочевали в Азербайджан. Шах Исмаил Сефеви переселил их в Абивард, севернее Мешхеда и западнее Мерва, где они и поселились.

[29] **Каджары** – племя каджар, согласно племенному преданию, переданному Абд-ар-Реззаком Думбули, составилось в монгольский период благодаря объединению осколков трех племен – сулдуз, джалаир и тангут. Иными словами, если предание это в какой-то степени достоверно, племя каджар «сложилось из тюркизованных осколков двух монгольских и одного тибетского племени» (*Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. – Л., 1949. – С. 205).

[30] **Джазаирчи (джазаири)** – пеший воин, вооруженный джазаиром. Ружье большого калибра, мушкет. Мухаммад-Казим для обозначения солдат, вооруженных джазаирами, употребляет то форму *джазаирчи*, то форму *джазаири* (Поход Надир-шаха в Индию… Примечание № 28).

[31] **Муртаза-Али** – старший сын Сурхай-хана Казикумухского.

[32] **Татарское племя** – так называли до XIX в. азербайджанцев в Персии (*Бартольд В.В.* Указ. соч. – Т. 3. – С. 405–407).

[33] **Гянджа** – «Ганджа, араб. Джанза, русское название с 1804 г. – Елизаветполь – город на Кавказе. В 1723 г. Ганджа покорена турками, в 1735 г. была отвоевана Надир-шахом, к концу XVIII в. оказалась под владычеством каджаров, 3 (15) января 1804 г. была взята штурмом русскими и по Гюлистанскому миру окончательно уступлена России». Гянджа в начале XX в. лежала «на обоих берегах Ганджи-чая (русское название – Гянджинка), притока Куры, связанных мостом. Западная часть города населена татарами (азербайджанцами) и персами, восточная – главным образом армянами и русскими. Ганджа – родина поэта Низами» (*Бартольд В.В.* Указ. соч. – Т. 3. – С. 405–407).

[34] **Кирам (К-И-Р-А-М)** – вероятно, это Крым.

[35] **Хакан** – титул китайских и туркестанских правителей в древности. Тюркское слово, обозначающее «великий царь» (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 6. – P. 8192).

[36] **Ахты** – селение, лежащее на южной стороне реки Самур, далее к западу, граничит там с Токуспарой, к югу – с горами Шакскими, к востоку – с Рутулом (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 100).

[37] **Курели** – у И.Г. Гербера есть упоминание о Курели: «…народы Курели и Куреи, кумыки…» (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 110). Кроме того, П.Г. Бутков пишет: «В 1727 г. при разделении границ достались России подвластные Сурхай-хану паше Шемахийскому, Курели из 20 деревень и Куреи из 12 деревень; но как привести их к повиновению нелегко было, то требование того оставлено до спо-

собнейшего времени, тем более что Сурхай-ана по обстоятельствам тогдашним ласкать еще должно было» (*Бутков П.Г.* Указ. соч. – Ч. 1. – С. 95).

[38] **Шамхал** – здесь, скорее всего, это имя собственное.

[39] **Малек Ша'бан Курс** – сведения об этом лице не найдены. Слово *малек* – землевладелец, помещик, собственник.

[40] **Дурандаз чахмаги** – дальнобойные кремневые ружья.

[41] **Навак** – маленькая стрела. Ее вставляют в тонкую железную или деревянную оболочку и стреляют из лука (*Мухаммад Му'ин.* Персидский словарь: В 6 т. – Т. 4. – Тегеран, 1378 г. х. / 1958–59 гг. – С. 4648. – На перс. яз.).

[42] **Река Баери** – по-видимому, название малой речушки, которую нам не удалось найти на карте. Вообще слово «баер» по отношению к земле означает «невозделанная», «заброшенная».

[43] **Мили (мил)** – 4000 канонических локтей = 1/3 фарсаха (см.) = круглым счетом 2 км (*Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему / Пер. с нем. Ю.Э. Брегеля. – М.: Наука, 1970. – С. 71).

[44] **Федай** – человек, готовый жертвовать собой за идею; человек, отдающий свою жизнь за святое дело (Персидско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 2. – С. 222).

[45] **Саркаре хассе-е шарифе** – персидским термином «саркар» в закавказских ханствах обозначали чаще всего начальника финансового ведомства. *Хассе-е шарифе* – земли, входившие в состав собственных доменов шаха, управлялись особыми везирами, зависившими от центрального дивана земель шахского домена. Администрация округов *хассе* была чисто гражданской. *Саркар хассе-е шарифе* – начальник финансового ведомства земель шахского домена. Фактически дагестанцы вносили штраф лично шаху (*Петрушевский И.П.* Указ. соч. – С. 118, 218).

[46] **Равви-е ин хуруф** – это выражение часто использует Мухаммад-Казим, оно обозначает «рассказчик этих слов». Во-первых, мы понимаем, что автор использовал воспоминания участников событий, и, во-вторых, он тем самым снимает с себя ответственность за достоверность сказанного.

[47] **Мискал** – основу всех мусульманских весов составляют дирхам, который восходит к греческой драхме, и мискал, который основывается на римско-византийском солиде. Канонически, т. е., согласно шариату, мискал и дирхам относятся как 10:7, в то время как на практике – как 3:2.

Для Ирана выяснение веса мискаля и дирхама представляет значительные трудности. Вплоть до позднего средневековья вес мискаля следовал, по-видимому, старой Сасанидской единице веса серебра в 4,3 г.

В 1890 г. для денежных сделок в слитках в Тегеране было официально установлено, что 250 мискалей = 37 тройских унциям, что опять-таки дает для мискаля 4,6 г (*Хинц В.* Указ. соч. – С. 11, 15–16).

[48] **Зар'** – обозначение преимущественно для персидского локтя (называемого также *газ*, реже *зар'-и шар'-и* и исфаханский локоть. Отсюда 1 *зар'-и шар'-и* (идентичен арабскому каноническому локтю) определяется в 49,875 см. Соответственно 1 *зар'-и* исфахан = 8/5 *зар'-и шар'-и* = 79,8 см (*Хинц В.* Указ. соч. – С. 64).

[49] **Бекрас** – тонкая шерстяная ткань красного или синего цвета. Из хорошего *бекраса* шьют особые шапки от дождя. Эта ткань не пропускает воду и не пачкается от жира (*Мухаммад Му'ин.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 417).

[50] **Решт** – областной город в провинции Гилян. С севера граничит с Каспийским морем, с востока – с городом Шахсавар (*Dehkhoda Aliakbar.* Op. cit. – Vol. 7. – P. 10633).

[51] **Арпачай (Восточный Арпачай)** – река в Армении на границе Турции и России. Протекает около г. Карса, 50 миль севернее Арарата, после прохода 80 миль с севера на юг, вливается в Аракс (*Dehkhoda Aliakbar.* Op. cit. Vol. 1. – P. 1378).

[52] **Лахиджан** – название города в области (остан) Гилян. С севера граничит с Каспийским морем, с востока – с городом Шахсавар, с запада – с городом Решт и с юга – с городом Казвин (*Dehkhoda Aliakbar.* Op. cit. – Vol. 12. – P. 17276).

[53] **Малый уцмий** – так называли иногда правителей Элису и Цахура в отличие от «большого уцмия» – правителя Кайтага в Дагестане. Они носили сперва титул беков, потом султанов, упоминаются уже в XVI в. Элисуйское султанство подчинилось власти России в 1803 г. и было ликвидировано в 1844 г. (*Петрушевский И.П.* Указ. соч. – С. 138–139).

[54] **Ках** – вероятно, это селение Кахи, место пребывания малого уцмия. Ныне находится в северном Азербайджане, севернее города Шеки, южнее города Закаталы (Малый атлас СССР. – С. 93. А-2). По описанию Мухаммад-Казима владения малого уцмия находились между Кахом и р. Каник (Алазань).

[55] **Река Гурджи (Алазань)** – Алазани – река в Грузии и Азербайджане, частично протекает по общей границе обеих республик. Впадает в Мингечаурское водохранилище на р. Куре. Длина 351 км. Берет начало на склонах Большого Кавказа. В верховьях – типичная горная река. По выходе из гор течет по широкой Кахетинской долине (Краткая географическая энциклопедия: В 5 т. – М., 1960. Т. 1. – С. 63).

[56] **Асакир** – множ. число от *аскар* – воин. Означает войско, армия (*Dehkhoda Aliakbar.* Op. cit. – Vol. 10. – P. 14004).

[57] **Кадхуда** – хозяин дома, владетель, глава квартала (махалля), управляющий деревней, глава племени (*Dehkhoda Aliakbar.* Op. cit. – Vol. 11. – P. 16053).

[58] **Прибыв к шамхалу... уцмий их уговаривал...** – Мухаммад-Казим часто путает титулы правителей Дагестана. Вряд ли малый уцмий мог решиться уговаривать шамхала Тарковского подчиниться Надиру.

[59] **Хаджи Ша'бан** – сведения об этом историческом лице мы не нашли ни в одном историческом памятнике. Только у Н. Дубровина есть упоминание о Шах-Мане, имя искажено, но время совпадает с эпохой Надира. «Он, пользуясь званием и властью хана, неутомимо трудился над преобразованием общественного строя, встречая постоянно сопротивление в народе. Ушел к Надир-шаху, потом вернулся и сдался своим и был убит» (*Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. – С. 600).

[60] **Белая Башня (Ак-Бурдж)** – точное место этой крепости, расположенной, судя по тексту, между Кахом и Джаром, нам установить не удалось.

[61] **Нарын-кала** – тип крепости, внутри которой по окружности находятся еще несколько крепостей. В центре находится самая маленькая. Здесь автор имеет в виду крепость на западном склоне горы в городе Дербенте.

[62] **Большой уцмий** – так называли уцмия Ахмед-хана, сын уцмия Улубия, сына Рустам-хана (см. примечание № 24).

[63] **Малик Мухтар и Малик-Ванас** – малик – второстепенный ранг в уцмийстве, обозначает землевладелец. Подчинялись они уцмию. Их имена впервые приводятся Мухаммад-Казимом.

[64] **Кирам Кайтак (К-И-Р-А-М К-А-Й-Т-А-К)** – вероятно, это Кара-Кайтаг.

[65] **Каракпак (К-Р-А-К-И-А-К)** – вероятно, это Кара-Кайтаг.

[66] **Муса-хан лезгин** – вероятно, один из влиятельных людей Кумуха.

instituteofhistory.ru

[67] **Сердар** – главнокомандующий, военачальник, командир, полководец (Персидско-русский словарь. Т. 2. – С. 34).

[68] **Ма'сум-хан** – правитель южной части Табасарана, которое составляло майсумство (по национальности табасаранец). «Достоинство Майсума было и есть наследственно в одной фамилии, но подвластные их никогда не отличались большою к ним преданностью, а потому власть и влияние этих владетелей были всегда слабы» (*Неверовский А.А.* Указ. соч. – С. 18).

[69] **Тебриз** – столица Иранского Азербайджана.

[70] **Ибрахим-хан** – брат Надир-шаха и его наместник в Азербайджане. Убит в Дагестане в 1738 г.

[71] **Азербайджан** – расположен на северо-западе Ирана. Граничит на севере с рекой Аракс, на западе – с Арменией и Курдистаном турецким, на юге – с Курдистаном персидским и на востоке – с горами талыш и Муган. Знаменитая вершина называется «малая Ноевая гора» – «Нух кучек». Главные горы – Сабалан, Саханд. Центральный город – Тебриз (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. –Vol. 1. – P. 48).

[72] **Ирак** – имеется в виду Ирак (Арак) Персидский, центром которого был Исфахан, являвшийся одновременно столицей Сефевидского государства.

[73] **Иски** – судя по тексту, это небольшой населенный пункт в Иранском Азербайджане, расположенный к северо-западу от Тебриза.

[74] **Фарсах (парсанг)** – состоит из трех миль (см.) по 1000 саженей (баз) по 4 канонических локтя, т. е. равен круглым счетом 6 км (*Хинц В.* Указ. соч. – С. 72).

[75] **Карачаман** – находится севернее города Тебриз.

[76] **Саудж-Булак** – область, примыкающая на севере к Талекану, на востоке – к Арснке Гар, на юге – к Шахрияру, на западе – к Казвину. Центр – селение Keредж (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 1. – P. 11785).

[77] **Салдуз** – название округа в подчинении города Урумие. Находится на юго-востоке от последнего (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 8. – P. 12098).

[78] **Бельбарс** – вероятно, это курдское племя бельбас, живущее в районе Махабада (Азербайджан) и говорящее на особом языке бельбас (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 3. – P. 4291).

[79] **Курды-езиды** – проживали на западе озера Урумие в Иранском Азербайджане.

[80] Мукаддам – название племени, находившегося в городе Мараге.

[81] **Саин-кала** – один из крупных городов Иранского Азербайджана, прозван Саин-кала Афшар.

[82] **Урумие** – город находится на западном берегу озера Урумие, на западе Иранского Азербайджана (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 2. – P. 1633).

[83] **Наво-Чаман** – летнее пастбище на востоке города Тебриза.

[84] **Сара-Саханд** – одна из высоких гор в Азербайджане.

[85] **Сараб** – одна из высоких гор в Азербайджане. Находится на западе города Тебриза. С севера граничит с горами Сабалан, с юга – с горой Бозгуш, с востока – с городом Ардебиль.

[86] **Сафи-аддин** Ардебили – предок Сефевидской династии. Он считается прямым потомком доблестного имама Мусса ул Казима. Умер в 735 г. х. (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 9. – P. 13215).

[87] **Племя халилванд** – входило в более крупное объединение *мукаддам* и находилось в городе Мараге.

[88] **Келат** – неприступная горная крепость, созданная самой природой, находится в Хорасане, неподалеку от Мешхеда. Представляет собой площадь вышиною около 2500 футов над уровнем моря, занимает пространство в 20 англ. миль длины и от 5 до 7 ширины и окружена со всех сторон природным валом из голых отвесных скал от 700 до 1000 футов высоты над уровнем долины. Надир-шах хотел создать здесь город, не имеющий себе равных (*Бартольд В.В.* Хорасан // *Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 7. – С. 107).

[89] **Реза Кули-Мирза** – старший сын Надира, родился в 1131 г. х. / 1718 г. Навваб джаханбани – титул Реза-Кули-Мирзы. В 1741 г. был ослеплен Надир-шахом (*Мухаммад Мехди-хан Астрабади*. Указ. соч. – С. 342).

[90] **Балх** – знаменитый в прошлом город. В настоящее время маленький город на севере Афганистана с 12 тысячами населения. Часть его провинции принадлежит Афганистану, а другая часть – Туркестану (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 3. – P. 4296).

[91] **Хисар, Гузар, Кубадин и Кулаб** – города в Туркестане.

[92] **Карши** – находится в Узбекистане, центр Кашкадарьинской области (Малый атлас СССР. – М., 1982. – С. 105–106).

[93] **Афрасиаб** – легендарный царь Турана, один из героев «Шахнаме» Фирдоуси.

[94] **Мавераннахр** – междуречье рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

[95] **Мукри** – племя из Азербайджана, проживает на востоке и северо-востоке Махабада и Саудж-Булака. Сунниты, оседлые (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 13. – P. 18898).

[96] **Донбули** – курдское племя, проживающее в окрестностях Мосула (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 7. – P. 9790).

[97] **Карабак** – ныне Нагорный Карабах.

[98] **Аракс** – река, правый приток Куры, протекает в Армении, Азербайджане и Турции.

[99] **Кура** – река, протекает в Грузии, Азербайджане и Турции. Длина 1515 км. Берет начало на Армянском нагорье в Турции, впадает в Каспийское море.

[100] **Лезгинский уцмий** – речь идет о малом уцмие, местопребывание которого расположено между селением Кахи и р. Каник (Алазань).

[101] **Рустам Дастан и Сам Нариман** – два героя «Шахнаме» Фирдоуси.

[102] **Агричай** – река, течет с востока на запад и впадает в Алазань. Орошает северную часть Шакки (Малый атлас СССР. – С. 93. А-2).

[103] **Ущелье Нарли** – расположение этой местности определить не удалось.

[104] **Меджлис** – собрание, совещание.

[105] **Кандагар (Кандехар)** – город на юге Афганистана. Административный центр Кандагарской провинции. Расположен на высоте 1050 м, окружен горами. Известен с XI–XII вв. В XVIII в. Кандагар являлся столицей Афганистана (Краткая географическая энциклопедия. Т. 2. – С. 222).

[106] **Навахи-е Кабул** – область в районе Кабула.

[107] **Мервшахиджан** – город Мерв, прозванный Мервшахиджан. Ныне город Мары в Туркменистане.

[108] **Хиндустан** – Индия.

[109] **Райят** – подданный. Обычно так называют крестьян. В широком смысле слова означает «принадлежащий к податному сословию».

[110] **Мезар имама Реза** – гробница имама Али б. Муссы ар-Ризы. Как пишет В.В Бартольд, «город Мешхед… возник вокруг гробницы имама Али б. Муссы ар-Ризы, похороненного в селении Сенабад, в 4-х фарсахах от Туса, рядом с могилой Харун-ар-

Рашида. Уже в X веке при ибн Хаукале селение было окружено крепкой стеной и гробница считалась святыней» (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 7. – С. 116).

111 Как мы знаем, часть Табасарана подчинялась уцмию Ахмед-хану и вполне вероятно, что он находился там.

112 Непонятно, почему Мухаммад-Казим называет веру населения тогдашнего Южного Дагестана имамитской, т. е. шиитской, тогда как в действительности оно в своем большинстве исповедовало суннизм.

113 **Кубачи** – «Кубеша есть большая и крепкая деревня за Хайтагами и подле Карахайтаков к северу, между высокими горами на посредственной горе. Понеже туда лежит очень узкая дорога, то почитают ее за самое крепкое место в тамошних странах. Жители все Магометанской Сунской секты, говорят собственно своим языком, который ни с каким другим не сходен. Они сами себя называют Франгами (франки), которое имя в восточных странах всем Европейским народам есть общее и сказывают, что прародители их больше, нежели 1000 лет поселились на сем месте. Жители прежде сего иногда прилагались к Шамхалу, а иногда к Усмею, однако то делалось от одного только дружества, не подвергая себя никому, ни самой Персии. Сия деревня была наипаче таким местом, где Усмей, Шамхал и другие тамошние князья и владетели, ежели окажется какое несогласие, собирались, как в нейтральном месте для договоров» (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 46–48).

В эпоху Надир-шаха Кубачи подчинялось уцмию Ахмед-хану и вполне допустимо, что семью свою он отправил туда.

114 **Ахты-пара** – уезд при реке Самур, с южной стороны, в нижних горах, на востоке граничит с Кубою, к западу с Рутулом, а на юге – с высокой горой Шалбрусом (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 99).

115 **Хатам Тайи** – щедрый человек (от имени араба из племени Тай, прославившегося своей щедростью) (Персидско-русский словарь. Т. 1. – С. 484).

116 **Каландари** – круглая палатка с одним устоем посередине.

117 **Минбаши** – тысячник, пятитысячник, семитысячник, десятитысячник и т. д. название превратилось в военный чин и не зависело от числа воинов, находившихся под командованием данного лица (*Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию (извлечение из «Та'рих-и Аламара-йи Надири»). Примеч. № 17).

118 По Мехди-хану Астрабади это произошло в 1151 г. х. в месяце ша'бане / 14 ноября – 12 декабря 1738 г. (*Мухаммад Мехди-хан Астрабади.* Указ. соч.).

119 **Туфангчи** – мушкетеры.

120 **Ишик акаси баши** – начальник дворцовых слуг, церемонимейстер. В эпоху Надира это было также придворное звание.

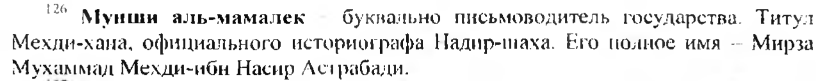
121 **Площадь Сахибоззаман** – площадь властителя эпохи (эпитет двенадцатого шиитского имама).

122 **Арзрум (Эрзурум)** – (тур. *Erzurum*, устаревшая передача названия *Эрзерум*) – город на востоке Турции, административный центр одноименного ила (области), 361 235 жителей. Город расположен на высоком плато, более 1700 м над у. м. Климат континентальный. Большинство населения – курды. Много архитектурных памятников армянских и исламской эпохи (http://ru.wikepedia.org/wiki/Эрзурум).

123 **Пешавар** – город в Индии. Ныне находится в Пакистане. На северо-западе этого города проходит дорога из Индии в Афганистан, в чем и состоит важность города с военно-стратегической точки зрения.

124 **Надим** – приближенный, доверенное лицо в свите шаха, нечто вроде адъютанта.

125 **Гулям** – раб, невольник, слуга, прислужник.

126 **Мунши аль-мамалек** – буквально письмоводитель государства. Титул Мехди-хана, официального историографа Надир-шаха. Его полное имя – Мирза Мухаммад Мехди-ибн Насир Астрабади.

127 **Кочевые племена в Белуджистане** – белуджи (балачи) – ираноязычный народ, исповедующий ислам (Ханифитского мазхаба). Проживает в приграничных провинциях Ирана, Пакистана и Афганистана (некоторая часть. Общая численность около 5 млн. человек. Составляют большую часть населения южного Афганистана, западного Пакистана, а также иранской провинции Систан и Белуджистан (http://ru.wikepedia.org/wiki/Белуджи)

128 **Румийцы** – автор имеет в виду османских турок.

129 **Моайийер-баши** – контролер мер и весов.

130 **Области Хорезма** – области в нижнем течении Аму-Дарьи. В 1924 г. на основании национального принципа области Хорезма были разделены между Узбекистаном и Туркменистаном (*Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 3. – С. 544–552).

131 **Теджен (Герируд)** – река в Афганистане, Иране, Туркмении. Длина 1124 км, пл. бас. 70620 кв. км. Начинается в Афганистане, в горном узле, образуемом хребтами Сафидкох и Сиахкох в Парапимизе на высоте около 3000 м. До Гератского оазиса (в Афганистане) – горная река, текущая преимущественно в узкой долине и образующая пороги и водопады. Ниже протекает по широкой долине, где ее воды интенсивно используются на орошение. По выходе из Гератской долины служит границей между Ираном и Афганистаном: на этом участке река снова принимает горный характер. Между Поле-Хатуном и Серахсом, где Теджен служит границей между Ираном и Туркменией (Краткая географическая энциклопедия. Т. 4. – С. 90).

132 **Мубаширы** – мн. ч. от мубашир – управляющий.

133 **Керман** – одна из 30 провинций (*останов*) Ирана. Находится на юго-востоке страны. Столица – город Керман. Население около 2 000 000. Керман – самый большой и развитый город в провинции. Городское население провинции на 1996 год составляло 52.9 %. http://ru.wikepedia.org/wiki/Кирман-остан

134 **Шахрийар** – правитель, монарх.

135 Здесь игра слов: по-тюркски *даг* – гора, Дагестан – Страна гор; по-персидски *даг* – клеймо, Дагестан – страна с клеймом.

136 **Насраллах-Мирза** – второй сын Надир-шаха, имя свое он получил в честь победы при Карнале. Сочинение Мухаммад-Казима – единственный источник, где говорится об этом факте. Наср означает «победа» (*Мухаммад-Казим.* Указ. соч. Т. 2. Л. 208 б).

137 **Имам-Кули-Мирза** – был третьим сыном Надир-шаха. (*Мухаммад-Казим.* Указ. соч. Т. 2. Л. 208 б).

138 **Исфараин** – известный город в области Хорасан. Некоторые называют его Испараин. Находится к северу от Сабзевара, в окрестностях Нишабура (*Dehkhoda Aliakbar.* Op. cit. – Vol. 2. – P. 1958).

139 **Астрабад** – город на юго-востоке Каспийского моря.

140 **Мазандеран** – область вдоль южного побережья Каспийского моря. Область Мазандеран, как и Гилян, страдает чрезмерным обилием влаги. Судоходных рек нет. Географы X века знали Мазандеран только под названием Табаристан. Древней столицей области был город Сари, на реке Теджен, в 3 фарсахах от моря. Из персидских шахов больше всего внимания обращал на эту область Аббас Великий (1587–1628). При нем была проведена дорога из Астрабада в Сари и Амуль,

instituteofhistory.ru

сделавшая эту область доступной во всякое время года. Сейчас столицей Мазандерана является город Амуль (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 7. – С. 215–225).

[141] **Казвин** – один из знаменитейших городов Ирана. Основатель города Шапур-Зульактаф. Крепость Казвин раньше по-персидски называлась Кажин. Стоит на пути Тегеран – Решт (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 11. – P. 15488).

[142] **Город Сари** – древняя столица Табаристана, под этим названием географы X века знали Мазандеран. Расположен на реке Теджен в 3 фарсахах от моря. В настоящее время берег моря более удален от города.

[143] **Город Ашраф** – раньше назывался Бехшахр. Один из красивейших городов на севере Ирана, расположен на юго-востоке округа Мазандеран. В 1333 г. х. отделился от города Сари и сам стал городом. Центр провинции Бехшахр (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 3. – P. 4449).

[144] **Исфандиар** – легендарный герой «Шахнаме» Фирдоуси.

[145] **Калантар** – глава, старшина племени, начальник полицейского участка.

[146] **Герат** – главный город в Хорасане при Тимуридах, столица самых могущественных представителей династии. После основания Сефевидами новоперсидского государства торговля между Персией и Мавераннахром направилась по окружному пути через Герат, сделавшийся важнейшим торговым пунктом в Средней Азии (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 7. – С. 69).

[147] **Вакиль** – доверенное лицо, уполномоченный.

[148] **Карджистан** – горная область в верховьях Мургаба. Носила название Гарч или Гарчистан (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 7. – С. 62).

[149] **Маручак** – селение на юге Туркмении.

[150] **Надир-Абад** – после захвата Кандагара Надиром город был переименован в Надир-Абад.

[151] **Племя абдали** – одно из афганских племен. Во времена Надир-шаха кочевали в окрестностях Герата. Надир-шах переселил их из пограничной зоны Ирана в окрестности Кандагара (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. – Vol. 1. – P. 226).

[152] **Демур-каби** – имеется в виду город Дербент.

[153] **Самурчай** – река Самур в Дагестане и на границе с Азербайджаном. Длина 216 км. Берет начало на северо-восточном склоне Большого Кавказа, с хребта Таклик. Впадает в Каспийское море несколькими рукавами, образуя дельту с рекой Гюльгерычай. До с. Ахты течет в глубокой узкой долине, ниже долина расширяется, русло разделяется на рукава. Питание смешанное – дождевое, снеговое и ледниковое. Воды Самура отличаются исключительной мутностью. В среднем и нижнем течений используется для орошения. Из реки выведены Самур-Дивичинский и Самур-Дербентский каналы (Краткая географическая энциклопедия. – С. 409).

[154] **Чирак** – одно из селений в уезде Кубы, Дагестана. (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 5. – P. 7088).

[155] **Йасаул** – всадник, сопровождающий высокопоставленное лицо, охраник, есаул.

[156] **Каранаф** – в доступной нам исторической литературе это имя мы не встретили. По информации Мухаммад-Казима, под властью Каранафа было 30 тысяч лезгинских семей – столько же, сколько и у Кази-хана. Каранаф враждовал с Ма'сум-ханом, который боялся, что Надир-шах отдаст предпочтение Каранафу, а не ему.

[157] **Кади-хан** – предводитель северной части восточного Табасарана (*Неверовский А.А.* Указ. соч. – С. 18).

[158] **Харвар** – (букв. «груз осла») согласно персидским средневековым руководствам по административному делу, представляет собой «груз лошади, вола, мула или осла». Ясное различие между грузом верблюда также проводилось редко. В Иране примерно с середины XIV в. был установлен в 100 манов большого размера, т. е. в 288 кг как харвар в 300 кг (приспособление к метрической системе в XIX в.). Этот харвар существует в Иране до сих пор (*Хинц В.* Указ. соч. – С. 42).

[159] **Рутул** – селение на реке Самур в Южном Дагестане.

[160] **Барсарли** – местонахождение этого пункта нам найти не удалось.

[161] **Дюбек** – селение в Южном Дагестане.

[162] **Сурхай, Рустам-хан Барсарли, Хасан-бек, Мамай-бек, Амир Хамза табасаранец, Муртаза-Кули-Султан** – имена дагестанских предводителей и знатных людей, которые мы встречаем только у Мухаммад-Казима.

[163] **Мараге Дагестана** – расположен в нижнем Табасаране (на юге от Дербента) (*Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М., 1963. – С. 33).

[164] **Булук** – уезд, район.

[165] **Равути** – следует читать Рутули.

[166] **Масари** – местонахождение этого пункта нам найти не удалось.

[167] **Ханевари** – заложники, взятые из каждой семьи.

[168] **Самуркапи** – букв. ворота Самура, вероятно, устье реки Самур.

[169] **Кубели** – как пишет И.Г. Гербер, Кабул. Расположен «недалеко от Криша, в нижних горах и от Джеке в близости» (*Гербер И.Г.* Указ. соч. – С. 104).

[170] **Угурлу** – местонахождение этого пункта нам найти не удалось.

[171] **Чарджоу** – находится на востоке Туркмении.

[172] **Том «Мулук аль таваиф»** – как пишет сам автор, он намеревался написать книгу об удельных княжествах. Однако эта книга нигде не обнаружена.

[173] **Фаранг** – Европа. Однако здесь автор имеет в виду Россию.

[174] **Рустем-хан** – Ма'сум Табасаранский. Как пишет Р.М. Магомедов, «в 1722 г. майсум табасаранский Рустем обращается к Петру I с просьбой о строительстве укрепленного города в Табасаране для защиты от нападения Хаджи-Дауда и Сурхай-хана» (*Магомедов Р.М.* Указ. соч. – С. 55).

[175] **Сафи-Кули-хан** – родственник Каранафа и последний родственник Ма'сума Табасаранского Рустем-хана.

[176] **Нугай-хан Аварский** – скорее всего, это аварский нуцал.

[177] **Ирак** (Арак) – автор имеет в виду Арак персидский.

[178] **Гилян** – область вдоль южного побережья Каспийского моря. По характеру своей природы существенно отличается от всех остальных областей Персии. Занимая узкое пространство между горами и морем, область Гилян страдает от чрезмерного обилия влаги. С гор стекает множество речек. Судоходной реки на всем побережье нет.

В древности население Гиляна составляли кадусии, тот же народ или часть его также носила название гелов, откуда область получила свое нынешнее название. Гилян упоминается под названием Джилан или Аддейлам.

Нынешние главные города Гиляна – Лахиджан и Решт. Решт – столица Гиляна, один из значительных торговых городов Персии (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 7. – С. 215–220).

[179] **Пран-хараб** – местечко южнее города Дербент.

[180] **Айдин-бек** – владетель крепости Дюбек.

[181] **Музафар-бек** – феодал средней руки, имя которого упоминается только у Мухаммад-казима.

[182] **Рамазан-бек** – феодал средней руки, который вместе с Айдин-беком защищал свои земли. Имя его упоминается только у Мухаммад-Казима.

[183] **Муджахиды** – борцы за веру, мученики, павшие в борьбе за веру.

[184] **Хаджи-Халаби каракайтагец** – один из руководителей, возглавлявших борьбу дагестанцев с войсками Надир-шаха.

[185] **Чаман-Мараге** – летовка города Мараге, пригород города Мараге.

[186] **Авария** – Аварское ханство, занимавшее нагорную часть Северного и Западного Дагестана, было одним из крупных и влиятельных феодальных образований Дагестана. До середины XVIII в. Аварским ханством правил Нуцал-хан. Он старался расширить свои владения за счет присоединения к ханству соседних владений и вольных обществ (История Дагестана. Т. 1. – С. 326).

[187] **Лезгинский шамхал** – имеется в виду шамхал Тарковский Адиль-Гирей. В 1718 г. принес присягу на верность Петру Великому и содействовал походу 1722 г., но позднее восстал против русских. В 1725 г. он был сослан в Лапландию, а титул шамхала упразднен. Звание это было восстановлено Надир-шахом и пожаловано сыну сосланного – Хас-Пулад-хану (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 3. – С. 415).

[188] **Малик** – крупный землевладелец (Персидско-русский словарь. Т. 2. – С. 443).

[189] **Машатэ** – женщина, занимающаяся причесыванием, одеванием и т. п. других женщин (Персидско-русский словарь. Т. 2. – С. 512).

[190] **Государство Рум** - Османская Турция.

[191] **Сам-мирза** – самозванец, выдававший себя за сына шаха Султан-Хусейна.

[192] **Манн** – важнейшая единица веса товаров в Иране вплоть до Нового времени. Он и сейчас еще не полностью вытеснен килограммом. Сохранилось в основном два вида манна: манн-и Тебризи в 3 кг (начиная с XVIII в.) и манн-и шах (в то время он назывался также ширазским или рештским батманом) практически в точности 6 кг (*Хинц В.* Указ. соч. – С. 26–32).

[193] **Пиш-имам** – мусульманское духовное лицо, проводящее в пятницу впереди всех молитву.

[194] **Чухур Са'ад** – включает в себя только Ереванскую область. Топонимы «Восточная Армения», «Западная Армения», «Малая Армения» (Киликия) имеют более широкое распространение, чем принятое у иранских и тюркоязычных авторов «Ширван», «Чухурсаад», и употребляются армянскими и европейскими хронистами XVII в., а также и современными ираноязычными исследователями (http://new-julfa.livejournal.com/2007/07/06)

[195] Ахар-Карадаг – областной город в районе Карадага, омывается большой рекой Ахар. Находится между городами Ардебиль и Тебриз (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 3. – P. 3144).

[196] **Чаргаб** – падишахская мантия.

[197] **Талыш** – «область и народность на севере персидской провинции Гилян. До войны между Россией и Персией Талыш, видимо, не имел большого значения; при персидском господстве областью управлял особый хан; центром, как и сейчас, был город Ленкорань. Полоса земли между горами, или Талышскими «Альпами» и Каспийским морем. Географически и этнографически она относится к Гиляну. Народ называет себя «толыш»: места его обитания простираются к северу до Муганской степи. Талыши – шииты, как и жители Гиляна; их диалект также мало отличается от гилянского». Ныне входит в состав государства Азербайджан (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 3. – С. 494).

[198] **Диванханэ** – аудиенц-зал, помещение для заседаний государственного совета (Персидско-русский словарь. – С. 697).

[199] **Хамадан** – в древности называли Хегматане, столица Мидии. Древнейший город в Иране, расположен у подножия горы Альванд. Находится на западе Ирана, через него проходит торговый путь Тегеран – Багдад. Город, где похоронен Авиценна. Центр области Хамадан (*Мухаммад Му'ин.* Указ. соч. Т. 6. – С. 2297).

[200] **Векиль ад-довле** – регент, временный правитель государства (Персидско-русский словарь. – С. 707).

[201] **Сам-мирза второй** – самозванец, также выдававший себя за сына шаха Султан-Хусейна.

[202] **Мухаммад, сын Сурхая** – второй сын Сурхай-хана Казикумухского.

[203] **Захир ад-довле** – покровитель государства. Эпитет Ибрахим-хана, племянника Надир-шаха.

[204] **Шаберан** – город в Ширванской области (*Минорский В.Ф.* Указ. соч. – С. 259).

[205] **Акура** – крепость, местонахождение которой найти не удалось. Возможно, автор очень исказил дагестанское название.

[206] **Мадж ад-довле** – величие государства, эпитет Сурхай-хана.

[207] **Шабран** – уезд, расположенный «подле моря далее к зюйду от Мушкура и Низавата: отделяет сей уезд река Бельбель, растекается от сей реки к сюйду до гор Бермяк, а к весту до нижних гор Рустау и Шеспара. Уезд приятной, веселой и хлебородной; между тем имеется великое место именем Шабран, от которого сей уезд имя получил» (*Косвен М.О., Хашаев Х.-М.* Указ. соч. – С. 90).

[208] **Чархчи-баши** – начальник передового отряда. Во времена Сефевидов и Надир-шаха «чархчи» означал «передовой отряд» (*Dehkhoda Aliakbar*. Op. cit. Vol. 5. – P. 7111).

[209] **Алту** – крепость. Местонахождение этой крепости мы не смогли найти.

[210] **Карс** – город в Армении. В 1206 г. был взят турками. До 1206–07 гг. оставался мусульманским городом. В 1239 г. его взяли монголы, и он входил в состав Грузии. В 1386 г. Карс был взят Тимуром. В 1580 г. султан Мурад III вновь отстроил город. В 1604 г. город был взят шахом Аббасом и в 1616 г. снова отошел к Турции. В 1828 г. его впервые заняли русские. Вторично в 1855 г. Карс был вынужден сдаться русским. В войну 1877 г. по мирному договору отошел к России. А в 1918 г. по Брест-Литовскому договору он был возвращен туркам. Эта уступка осталась в силе и после денонсации Брест-Литовского договора (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 3. – С. 448).

[211] **Каракалхан** (Каракулхан) – уезд близ и под горами Шак между Кубой и Рустау (История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы… – С. 109).

[212] **Правитель Аварии и Дженгутая** – в русских источниках известен как Ахмед-хан Джегутайский, Ахмед-хан Мехтулинский в 30-40-е гг. XVIII в. Обращает внимание, что в подписи обозначены два титула – Ахмед-хан-бек – князь и вали – правитель. Это один из наиболее известных мехтулинских князей. Впоследствии, в 1741 г., как показывают некоторые источники, он руководил военными действиями союзных дагестанских войск в Ая-кале против персидской армии Надир-шаха. Все эти данные характеризуют Ахмед-хана как одного из активных политических деятелей Дагестана 2-й четверти XVIII в. Титул «валия всего Дагестана» носил официально до 1860 г. только Тарковский шамхал – «старший из всех дагестанских владетелей», сильнейший и самый влиятельный среди них

(Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. I. Раздел IV. – С. 64–66).

По сведениям Л.И. Лаврова, Ахмед-хан Дженгутаевский был одним из претендентов на шамхальское достоинство. В составленной им же сводной хронологической таблице шамхалов упомянутый Ахмед-хан («турецкий ставленник») фигурирует в качестве шамхала в 1744 г. (*Лавров Л.И.* Указ. соч. Ч. 3. – С. 104–107).

[213] **Ханаки** – вероятно, это «ханегах» – место пребывания и пристанище дервишей.

[214] **Шам** – Сирия.

[215] **Барда'а (Барза'а)** – армянский Партав, некогда крупнейший город Кавказа, сейчас селение и городище на Тертере, приблизительно в 20 км от впадения этой реки в Куру. В 943–44 гг. город был разрушен руссами и, видимо, никогда не оправился после этого удара. Окончательное разрушение города приписывают Надир-шаху (*Бартольд В.В.* Указ. соч. Т. 3. – С. 372. См. также: *Петрушевский И.П.* Указ. соч. – С. 135).

[216] **Зуль-хиджа 1156 г. х.** – январь – февраль 1744 г.

[217] **Мухаррам 1157 г. х.** – февраль – март 1744 г.

[218] **Джауза** – в конце весны.

Литература

1. *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975. – 396 с.
2. *Алкадари Г.* Асари-Дагестан. – Махачкала, 1929. – 184 с.
3. *Арунова М.Р., Ашрафян К.З.* Государство Надир-шаха Афшара. – М., 1958. – 284 с.
4. *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. – Баку, 1926. – 173 с.
5. *Бартольд В.В.* Историческая литература на персидском языке // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1974. – Т. 7. – С. 274–311.
6. *Бартольд В.В.* О некоторых восточных рукописях // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 8. – С. 345–349.
7. *Бартольд В.В.* Статьи из «Энциклопедии ислама»: Бенакет; Берда'а; Ширван // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 3. – С. 371, 372–373, 571.
8. *Бартольд В.В.* Хорасан // *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. – М.: Наука, 1974. – Т. 7. – С. 102–122.
9. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.: В 3 ч. – СПб., 1896. – Ч. 1. – 548 с.
10. *Вильчевский О.Л.* Этнографический очерк // Переднеазиатский этнографический сборник. 1. – М., 1958.
11. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. – 391 с.
12. *Гаджиев В.Г.* Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и р. Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. – М.: Наука, 1979. – 270 с.
13. *Далгат У.Б.* Фольклор и литература народов Дагестана. – М.: Изд-во вост. литературы, 1962. – 256 с.
14. *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. – М., 1952. – 467 с.
15. История Азербайджана: В 3 т. / Под ред. И.А. Гусейнова и др. – Баку, 1958. – Т. 1. – 123 с.
16. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост. М. Косвен и Х.-М. Хашаев. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 371 с.
17. История Дагестана: В 4 т. – М.: Наука, 1967–1969. – Т. 1. – 1967. – 324 с.
18. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. акад. В.В. Струве (отв. ред.), акад. И.А. Орбели, проф. И.П. Петрушевского. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 389 с.

19.*Кариев А., Машков В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю.* Очерки истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. – Ашхабад, 1954. –299 с.
20.*Козлова А.Н.* Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. – М.: Наука, 1976. - С. 125–134.
21.*Козлова А.Н.* «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. – Махачкала, 1986. – С. 71–82.
22.Краткая географическая энциклопедия: В 5 т. – М., 1960. – Т. 1. – С. 63.
23.*Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв.: В 3 ч. – М.: Наука, 1966–1980. – Ч. 1: Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложение. – 1966. – 300 с.; Ч. 2.: Надписи XVIII–XX вв. – 1968. – 248 с.; Ч. 3: Надписи X–XX вв.: Новые находки. Изд. текстов, переводы, коммент., статьи и прилож. – 1980. – 168 с.
24.*Левиатов В.Н.* Очерки истории Азербайджана в XVIII в. – Баку, 1948. – 227 с.
25.*Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 // ЦГАДА. – Ф. 77. Сношения России с Персией. – 1718. – № 1. – Л. 1.
26.*Магомедов Р.М.* Хронология истории Дагестана. – Махачкала, 1959. – 108 с.
27.Малый атлас СССР. – М., 1982. – С. 83. А-2.
28.Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2: XVI–XIX вв. Иранские и бухарские источники / Под ред. акад. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова / Труды Института востоковедения, VIII. Источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1938. – 357 с.
29.*Миклухо-Маклай Н.Д.* «Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима – важный источник персоязычной историографии XVIII в. (Некоторые итоги изучения памятника) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Тезисы докладов I годичной сессии ЛОИНА, март 1965 г. – Л., 1965. – С. 13–36.
30.*Миклухо-Маклай Н.Д.* Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII в.) // Уч. зап. Ленинградского государственного университета. – № 179. – Сер. востоковед. наук. – Л., 1954. – Вып. 3. – С. 138–158.
31.*Миклухо-Маклай Н.Д.* О первом томе труда Мухаммада Казима // Советское востоковедение. - 1948. -- Т. 5. – С. 128–136
32.*Миклухо-Маклай Н.Д.* Предисловие // *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга). – М.: Изд-во вост. литературы, 1960. – С. 6–20.
33.*Миклухо-Маклай Н.Д.* Рукопись «Аламара-йи Надири» // Уч. зап. Института востоковедения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 6. – С. 176–199.
34.*Миклухо-Маклай Н.Д.* Труд Мухаммад-Казима и его значение для истории туркмен // Известия Туркменского филиала АН СССР. – Ашхабад, 1945. – № 5–6. – С. 32–35.
35.*Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М., 1963. – 265 с.
36.*Мирза Рафи-а.* Дастур ал-Мулук. – Тегеран, Б. г. – С. 85–88. – На перс. яз.
37.*Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга): Факсимильное издание / Изд. текста, предисл. и общ. ред. Н.Д. Миклухо-Маклая; Указ. и аннот. оглавл. О.П. Щегловой: В 3 т. – М.: Наука, 1960–1966. – Т. 1. – 337 л.; Т. 2. – 327 л.; Т. 3. – 251 л. – На перс. яз.
38.*Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Тарих-и Аламара-йи Надири) / Пер., предисл. и примеч. П.И. Петрова. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 206 с.
39.*Мухаммад Мехди бин Мухаммад Насир Астрабади.* Тарих-е Джихангуша-йи Надири. – Бомбей, 1309 [1891–1892]. – 485 с. – На перс. яз.
40.*Мухаммад Му'ин.* Персидский словарь: В 6 т. – Тегеран, 1378 г. х. / 1958–59 гг. – Т. 4. – С. 4648. – На перс. яз.
41.*Неверовский А. А.* Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб., 1847. – 42 с.
42.Персидско-русский словарь: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 2.
43.*Петров П.И.* Поправки и дополнения к биографии Мухаммад-Казима // Советское востоковедение. – 1958. – № 5. – С. 109–114.
44.*Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений Азербайджана и Армении в XVI – начале XIX в. – Л., 1949. – 485 с.
45.*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – 278 с.
46.*Стори Ч.А.* Персидская литература: Биобиблиографический обзор: В 3 ч. / Пер. с анг., перераб. и доп. Ю.Э. Брегель. – М.: Наука, 1972. – Ч. 1. – 693 с.; Ч. 2. – 1314 с.; Ч. 3. – 1894 с.

47. *Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Уч. зап. Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ДагФАН СССР. – Махачкала, 1957. – Т. 3. – С. 77–89.
48. *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему / Пер. с нем. Ю.Э. Брегеля. – М.: Наука, 1970. – 145 с.
49. *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛОИВ АН СССР: В 2 ч. – М.: Наука, 1975. – Ч. 1. – № 38. – 400 с.; Ч. 2. – 789 с.
50. *Dehkhoda Aliakbar.* Loghat name (Encyclopedic Dictionary): In 14 vol. / Chief Editors: Muhammad Mo'in and Ja'far Shahidi. – Tehran: Tehran University Publications, 1993–1994. – Vol. 1. – P. 1436: Vol. 5. – P. 6995; Vol. 9. – P. 12717; Vol. 10. – P. 14927, 15381; Vol. 13. – P. 19859, 20136.
51. http://new~julfa.livejournal.com/2007/07/06
52. http://ru.wikepedia.org/wiki/Белужи
53. http://ru.wikepedia.org/wiki/Кирман-остан
54. http://ru.wikepedia.org/wiki/Эрзурум
55. *Lockhart L.* Nadir Shah: A critical study, based mainly upon contemporary sources with a forward by Sir E. Denisson Ross., G.I.E., D. Litt etc. – London, 1938. – 496 p.
56. [Sheikh Hazin]. The life of Sheikh Mohammad Ali Hazin, written by himself. Ed. by Belfaur. Persian text with an English translation. – London, 1830–1831. – 495 p.

Александра Николаевна Козлова

Неизвестные сведения о Дагестане в уникальной рукописи Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири» («Мироукрашающая история Надира»)

Редактор Хуршилова М.Б.
Корректор Цахаева Э.И.

Подписано в печать 14.03.2011 г. Формат 60х84 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 7,7. Уч.-изд. л. 8,4.
Тираж 100 экз. Заказ № IV-21

Издательство ДГУ
г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 59е

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

